This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

DK
32
.7
V4

...ніе Издательскаго Общества Историко-Философскаго факультета
Москов. Высш. Женск. Курсовъ.

Проф. А. Н. Веселовскій.

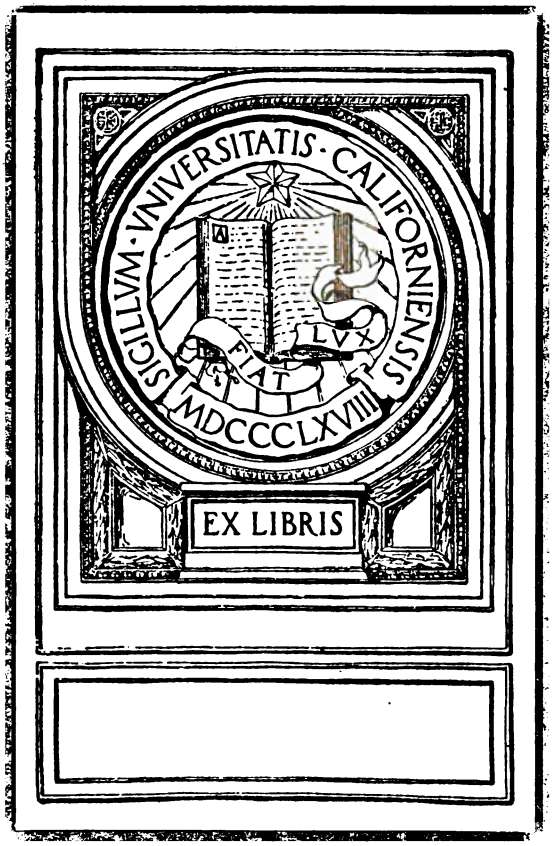
ПРОСВѢТИТЕЛЬНЫЙ ВѢКЪ
И
АЛЕКСАНДРОВСКАЯ ПОРА

Лекціи, читанныя на Москов.
Высш. Женск. Курсахъ въ
1915—16 учебн. году.

ЗАПИСКИ СЛУШАТЕЛЬНИЦЪ.

МОСКВА—1916.

Digitized by Google



Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Изданіе Издательскаго Общества Историко-Философскаго факультета
Москов. Высш. Женск. Курсовъ.

UNIV. OF CALIFORNIA

Проф. А. Н. Веселовскій

Veselovskii

ПРОСВѢТИТЕЛЬНЫЙ ВѢКЪ
И
АЛЕКСАНДРОВСКАЯ ПОРА

Лекціи, читанныя на Москов. Высш. Женск. Курсахъ въ 1915—16 учебн. году.

ЗАПИСКИ СЛУШАТЕЛЬНИЦЪ.

МОСКВА—1916

Digitized by Google

UNIV. OF CALIFORNIA

DK32
.7
V4

1715/4887

Типографія В. И. Воронова, преемникъ Ѳ. Л. Гавриленко.
Моховая, противъ Манежа, д. кн. Гагарина.

Digitized by Google

UNIV. OF CALIFORNIA

Одно изъ величайшихъ умственныхъ движеній новаго времени, освободительный походъ европейской философіи и общественно-политической литературы, охватившій въ XVIII столѣтіи всю Европу, дошелъ и до нашего отечества. Волны, докатившіяся до него, уже ослабли, все же нельзя не считаться съ русскими результатами движенія. Этотъ періодъ принято называть „вѣкомъ Просвѣщенія". Пусть въ другихъ великихъ эпохахъ, Ренессансѣ, Реформаціи, Великой Французской Революціи, освобожденіе мысли, свѣтъ знанія, разумное переустройство жизни народовъ имѣли также свое великое значеніе,—по почину нѣмецкаго философа наименованіе „das Zeitalter der Aufklärung" „le siècle des lumières" съ особеннымъ почетомъ присвоено было данному времени, вѣку разума, занявшему выдающееся мѣсто въ лѣтописяхъ европейской культуры.

Просвѣтительный вѣкъ имѣлъ свою судьбу и свою окраску въ каждой изъ охваченныхъ имъ странъ; то же видимъ въ Россіи. Несмотря на многіе изъяны, неизбѣжные при условіяхъ русской жизни, политической и соціальной, мы все же сподобились примкнуть къ обще-европейскому движенію, и къ тому же впервые вошли въ русло общаго теченія, тогда какъ европейскія культурныя движенія болѣе ранняго времени, хотя и проникали къ намъ въ большей или меньшей степени, притомъ всегда съ значительнымъ запозданіемъ, никогда не вводили Россію въ одновременную общую жизнь съ Европой.

Когда началось это движеніе въ Россіи? Его привыкли связывать съ царствованіемъ Екатерины II, но было бы неточно сливать ихъ во времени.

Если признаки просвѣтительства восходятъ къ порѣ до-

787671

Digitized by Google

екатерининской, то конецъ его также отодвигается вдаль; идеи его дѣйствовали еще въ началѣ XIX-го столѣтія; несмотря на то, что на Западѣ вѣкъ Просвѣщенія давно смѣнился французской революціей, ея идеи не оказали значительнаго вліянія у насъ, между тѣмъ, какъ возбужденіе, шедшее изъ поры Просвѣщенія, сказывалось сильно и многое обусловило еще въ Александровское время. Предѣлы русскаго просвѣтительнаго вѣка вообще можно было бы ограничить двумя революціями: первая изъ нихъ, дворцовая, уличная и казарменная, которую вела сама Екатерина съ помощью своихъ друзей и клевретовъ, сбрасываетъ съ престола Петра III и возводитъ на него ученицу философовъ; вторая—вся на улицѣ, на Сенатской площади, и завершается она выстрѣлами картечи, раздавшимися 14 декабря 1825 г. Освободительное движеніе, начавшееся въ 18 вѣкѣ, обновленное потомъ кое-чѣмъ изъ новыхъ западныхъ вѣяній 19 в., но въ общемъ крѣпко державшееся идей просвѣтительства, заканчивается казнью пяти зачинщиковъ и ссылкой чуть не цѣлаго поколѣнія; казалось, въ ту пору рѣшалась судьба культуры въ Россіи; насталъ вѣкъ желѣзный, и спокойствіе, водворенное суровой репрессіей, будетъ спокойствіемъ кладбища; между тѣмъ сумрачную эту пору отдѣляли отъ возрожденія жизненыхъ силъ только 3—4 года, и уже съ 1829—30 г.г. начинается блестящій вѣкъ Бѣлинскаго, Гоголя, Лермонтова, поднявшійся какъ фениксъ изъ пепла. Итакъ, не только съ 1762 г. но, вѣрнѣе, съ 50-хъ г. XVIII столѣтія вплоть до 1825 г. тянется просвѣтительная пора въ Россіи, обнимая почти три четверти столѣтія.

Гдѣ и когда возникло движеніе, разлившееся широкой волной по культурному міру?

Не въ завѣтномъ ли краю свободы, Голландіи, надо искать его корни? Или родоначальницей его была Англія, послѣ революціи начала 17 вѣка, возвратившаяся лишь на время къ старому порядку, и потомъ, во вторую, мирную революцію окончательно сбросившая его, чтобы итти вѣрно и твердо по пути освобожденія? Выдающіеся факты 90-хъ годовъ въ Голландіи и конца 80-хъ въ Англіи, слившись, дали сообща начало вѣку Просвѣщенія.

Digitized by Google

Въ Голландію, куда, подобно Женевѣ, какъ въ надежную пристань, спасались гонимые вольнодумцы 17 в., надо обратиться, чтобы увидѣть за дѣломъ одного изъ первыхъ учителей свободной мысли; это — сначала профессоръ въ восточно-французскомъ городкѣ Седанѣ, потомъ эмигрантъ, изъ-за гоненія клерикаловъ, принужденный укрыться въ Роттердамѣ—Пьеръ Бейль, чье имя нѣкогда произносилось съ ужасомъ и негодованіемъ и съ великими благословеніями.

Одинокій мыслитель смогъ совершить рядъ дѣлъ, составившихъ эпоху; въ 1697 году онъ издалъ „Dictionnaire historique et critique", гдѣ устанавливалъ истины и объяснялъ понятія, которыя необходимо ввести въ общее сознаніе во имя разума; часто даже въ тѣхъ отдѣлахъ, отъ которыхъ по заголовку не ожидаешь особеннаго, встрѣчаешь рѣзкія нападенія на религію, клерикализмъ, старозавѣтную государственность, мораль, невѣжественную науку; стойкая рѣшимость вызвать къ суду разума всѣ устои застарѣлыхъ воззрѣній покоится на глубокой эрудиціи и могучемъ здравомъ смыслѣ.

Словарь выдержалъ 11 изданій, и вскорѣ былъ переведенъ на англійскій и нѣмецкій языки (любопытно, что въ Германіи переводчикомъ явился противникъ новшествъ Лессинга—Готшедъ.)

Натискъ Пьера Бейля, веденный единичными силами, былъ необыкновенно значителенъ; казалось, многіе устои дрогнули. Отъ Бейля лежитъ путь къ Вольтеру, тогда какъ позади вспоминается Монтань. Онъ первый критически пересмотрѣлъ все, чѣмъ живетъ человѣчество. Чутье подсказывало ему, что онъ не одинокій борецъ, что онъ дѣйствуетъ, имѣя единомышленниковъ, разсѣянныхъ по разнымъ странамъ. Въ 1684 г. онъ основалъ „Nouvelles de la république des lettres", журналъ, въ которомъ ему хотѣлось объединить всѣхъ думающихъ по новому, стремящихся къ борьбѣ со всѣмъ отжившимъ. Имя Пьера Бейля, потомъ несправедливо забытое, (о немъ недавно напомнила старая актовая рѣчь Александра Веселовскаго, помѣщенная впервые въ „Голосѣ Минувшаго", апрѣль 1914 г.) стоитъ рядомъ съ другимъ, принадлежавшимъ его совре-

Digitized by Google

меннику, жившему сначала также нѣкоторое время въ Голландіи, но вернувшемуся на родину въ Англію по завершеніи мирной проведенной безъ выстрѣловъ и кровопролитія англійской революціи. Когда въ 1688 г. отъ береговъ Голландіи отплыла флотилія, на которой возвращались на родину организаторы переворота, въ числѣ спутниковъ новаго короля Вильгельма Оранскаго находился личный секретарь графа Шефтсбери, отнынѣ руководитель англійскаго научнаго и общественнаго движенія—Джонъ Локкъ.

Вернувшись на родину, онъ становится могучимъ дѣятелемъ не только въ философіи, но и въ широкомъ примѣненіи ея принциповъ къ жизни государственной, общественной, такъ какъ многія его произведенія стали оплотомъ конституціонныхъ вольностей.

Слова Вольтера, обращенныя къ Екатеринѣ II: „C'est du Nord que nous vient la lumière“ были, конечно, лишь преувеличенной любезностью; было бы ошибочно повѣрить имъ и думать, что въ 18 вѣкѣ былъ когда-нибудь моментъ, когда центръ умственнаго движенія перенесся въ Россію; она знала только подобіе вѣка Просвѣщенія.

Въ началѣ столѣтія такимъ центромъ несомнѣнно стала Англія, гдѣ кипѣла горячая работа въ области точныхъ наукъ, въ которой царилъ Ньютонъ, въ области религіи, философіи, освободительной политики; въ Англію шли учиться новой жизни, на нее были устремлены взгляды двухъ первыхъ вожаковъ эпохи Просвѣщенія во Франціи — Вольтера и Монтескье.

Монтескье рано задумался надъ сущностью государственнаго устройства; послѣ обширнѣйшихъ чтеній онъ предпринялъ развѣдочное путешествіе по Европѣ, посѣтилъ Германію, Австрію, итальянскія республики Венецію и Геную, былъ даже въ преддверіи Турціи, изучалъ избирательную монархію Польши, долго оставался въ Англіи, овладѣлъ вполнѣ ея политическимъ устройствомъ и законодательствомъ и вернулся на родину истиннымъ англоманомъ. Во время поѣздки заканчивалось собираніе матеріаловъ для его главнаго труда, „Духа законовъ“, который произвелъ сильнѣйшее впечатлѣніе на современниковъ,—того „молитвенника“ Екатери-

Digitized by Google

ны, съ чтенія котораго, по ея словамъ, она начинала каждый день, и вдохновлялась имъ, составляя свой Наказъ.

Вольтера привелъ въ Англію дикій случай, возможный только при господствѣ стараго порядка: онъ подвергся незаслуженному оскорбленію со стороны одного аристократа и, когда вздумалъ требовать удовлетворенія, посаженъ былъ въ Бастилію, откуда его выпустили, предложивъ уѣхать въ Англію. Пребываніе въ ней, приведшее къ полнѣйшему усвоенію ея языка и культуры, отразилось въ первомъ же его произведеніи, въ которомъ сказался восторгъ Вольтера по отношенію къ странѣ свободы, въ „Философскихъ письмахъ“ или „Письмахъ объ англичанахъ“ (1734 г.). Онъ стремился распространить во Франціи знакомство и со страной и съ ея обитателями, и съ наукой, популяризировать философію Ньютона. Уже рано онъ велъ ревностную борьбу съ церковью, старался объ искорененіи суевѣрій, проповѣдовалъ равенство исповѣданій и преимущество естественной религіи; онъ дразнилъ и каралъ христіанскую церковь примѣрами другихъ религій, какъ буддизмъ или китайская религія, являясь въ этомъ случаѣ раннимъ предшественникомъ Льва Толстого.

Проповѣдь свободы Вольтеръ влагалъ въ каждое свое произведеніе, ею проникнуты и его трагедіи съ фабулами изъ античной или восточной жизни, такъ какъ онъ считалъ сцену однимъ изъ могущественнѣйшихъ средствъ пропаганды. Но не только на словахъ былъ Вольтеръ сторонникомъ и служителемъ свободы; много славныхъ дѣлъ связаны съ его именемъ; громкое участіе въ потрясающихъ уголовныхъ процессахъ съ цѣлью изобличенія жестокостей криминализма, энергическій походъ противъ смертной казни, освобожденіе монастырскихъ крестьянъ, смежныхъ съ убѣжищемъ его послѣднихъ лѣтъ, замкомъ Фернэ.

Вольтеръ и Монтескье—превосходные зачинщики и возбудители, увидали вокругъ себя приверженцевъ и распространителей идей, за которыя боролись; всѣ сгруппировались вокругъ одного изъ величайшихъ дѣлъ эпохи Просвѣщенія—изданія Энциклопедіи. Одинъ изъ лучшихъ изслѣдователей этой поры, Джонъ Морлей въ книгѣ „Дидро и

Digitized by Google

Энциклопедисты“ сравниваетъ энциклопедистовъ съ арміей, вышедшей изъ твердыни на вылазку противъ стараго порядка. Армія та была могуча на диво; невольно приходятъ на умъ слова русскаго поэта: „то былъ вѣкъ богатырей“.

Руководители дѣла, Дидро и Даламберъ, подъ стать Вольтеру, вышедшему изъ среднихъ круговъ („le roi Voltaire“, хоть и прибавилъ себѣ частичку „de“, былъ мѣщаниномъ по происхожденію, и его настоящая фамилія Arouet, изъ которой онъ путемъ перестановки буквъ сдѣлалъ имя, которое прославилось всюду) были демократами, Дидро—сынъ ножевыхъ дѣлъ мастера, Даламберъ—хоть и сынъ аристократки, но брошенный матерью подкидышъ, воспитанный прачкой (и впослѣдствіи гордо отказавшійся отъ матери, когда она захотѣла усыновить его, нетолько пробившагося впередъ, но извѣстнаго своимъ талантомъ). Они сумѣли подобрать контингентъ способныхъ сотрудниковъ, обезпечившій успѣхъ ихъ дѣлу; такъ въ ихъ рядахъ стояли: Тюрго, писавшій статьи по вопросамъ финансовымъ, Кенэ—по политической экономіи, Галлеръ—по физіологіи; Вольтеръ велъ борьбу съ церковью, самъ Даламберъ работалъ въ области математики, Дидро—въ литературѣ и искусствѣ. Всѣ были объединены общимъ направленіемъ, которое нашло свое выраженіе прежде всего во вступительной, руководящей статьѣ, трудѣ обоихъ редакторовъ, „Discours préliminaire“ (1750).

И здѣсь, и во всемъ содержаніи Энциклопедіи чувствовалась выдержанная система: оттого было такъ велико воспитательное значеніе этого труда, распространившагося по многимъ странамъ и воспитывавшаго поколѣніе за поколѣніемъ. Работа по изданію затянулась на долгіе годы (двадцать лѣтъ) и несмотря на великія препятствія, которыя ставили ему правительство и церковь, она была закончена.

Вѣкъ Просвѣщенія называютъ по отношенію къ Франціи —„вѣкомъ энциклопедіи“; это суживаетъ славное время, такъ какъ не все исчерпывалось этимъ направленіемъ,—и великій отщепенецъ отъ Энциклопедіи—Руссо, со всѣмъ нисходящимъ отъ него поколѣніемъ мыслителей, поэтовъ, политическихъ дѣятелей, предшественниковъ революціи, одинъ уже доказываетъ это своей дѣятельностью. Несогласіе не

Digitized by Google

помѣшало ему, правда, остаться нѣкоторое время, послѣ такихъ его заявленій, какъ диссертаціи о вредѣ наукъ для нравовъ или о происхожденіи неравенства между людьми, въ числѣ сотрудниковъ Энциклопедіи, и этотъ фактъ знаменателенъ, все же свидѣтельствуя о привлеченіи къ великому труду всѣхъ выдающихся силъ.

Одиночныя силы, или отдѣльныя группировки дѣятелей способствовали широкому развитію движенія. Такова дѣятельность въ области философіи Гельвеція и Гельбаха. Такова группа, во главѣ съ аббатомъ Рейналемъ, соорудившая совмѣстными силами „Политическую, философскую и торговую исторію обѣихъ Индій“,—выдающуюся проповѣдь противъ невольничества, глубоко запавшую потомъ въ душу передового борца за свободу,—Радищева.

Франція, считавшаяся еще со временъ Людовика XIV законодательницей и образцомъ изящной культуры для другихъ странъ, теперь занимала это мѣсто по праву. Идеи, которыя высказывались въ ней, текли широкимъ русломъ въ другія страны и часто находили въ нихъ примѣненіе; тогда какъ консервативное правительство Людовика XV ставило всевозможныя преграды къ осуществленію необходимыхъ реформъ, за предѣлами Франціи имъ шли навстрѣчу или государи, Фридрихъ II прусскій, Іосифъ II австрійскій, дѣйствовавшій вопреки желанію окружавшей его знати, напр. въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ, или же,—если главы правительства неспособны были къ такой иниціативѣ, за нихъ дѣйствовали ихъ министры (что происходило въ Испаніи, въ Португаліи.)

Подобная политика освящалась своеобразной теоріей просвѣщеннаго абсолютизма, который побуждалъ правителей, изъ ревнивой боязни передъ частной иниціативой, брать въ свои руки починъ всевозможныхъ реформъ,—то же, что повторится въ Россіи въ царствованіе Екатерины II, стремившейся стоять во главѣ просвѣтительнаго движенія въ странѣ, и принципіально нерасположенной къ проявленіямъ общественной или личной иниціативы.

Сочувствіе просвѣтительнымъ идеямъ стало проявляться въ русской средѣ задолго до поры Екатерины; когда буду-

Digitized by Google

щая императрица готовилась въ тиши къ своему отвѣтственному дѣлу и втайнѣ изучала произведенія главныхъ дѣятелей Просвѣщенія, когда никто не зналъ этого и не считался съ нею,—произведенія Вольтера уже проникали къ намъ, прежде всего его блестящія философскія повѣсти „Micromégas“, „Zadig“ и друг.

Проникала въ наше отечество и англійская литература, даже наука,—то въ видѣ журнала Стиля и Аддисона „The Spectator“ („Зритель“), то въ трактатахъ Локка.

До времени Екатерины начались уже прямыя сношенія русскаго правительства съ Вольтеромъ. Предшественница ея, очень мало развитая, не могла бы понять и схватить вѣянія, носившіяся въ воздухѣ; мысль была внушена Ив. Ив. Шуваловымъ, придумавшимъ обратиться къ Вольтеру съ предложеніемъ написать исторію Петра Великаго; Вольтеръ, создавшій уже „Исторію Карла XII“, согласился, раскаявшись впослѣдствіи, такъ какъ ему присылали изъ Россіи старательно подобранный матеріалъ; неблагопріятные его герою и русскому достоинству факты устранялись.

„Histoire de l'Empire russe sous Pierre le Grand“ была доведена до конца, но не входитъ въ число значительныхъ трудовъ автора. Просвѣщенный фаворитъ Елизаветы даже побывалъ у Фернейскаго патріарха; только въ старости онъ перемѣнился къ нему; лишь отъ очарованія языка отдѣлаться не могъ, читалъ его съ удовольствіемъ и не разъ говаривалъ: „Ужъ какъ не люблю бестію, а пріятно пишетъ“. За фигурой Шувалова стоитъ иная, безконечно высшая, чье имя первымъ изъ русскихъ стало извѣстно въ научномъ мірѣ Западной Европы, тотъ, кто сдѣлалъ для Россіи въ отношеніи просвѣщенія несравненно больше и Шувалова, и самой Екатерины, основатель перваго центра высшей науки—Московскаго Университета. — Ломоносовъ важенъ для русскихъ не только какъ геніальный естествоиспытатель, предварившій многія позднѣйшія открытія западныхъ ученыхъ, но и какъ общественный дѣятель.

Планы, которые строилъ онъ для просвѣщенія и благосостоянія народа, нашедшіе свое выраженіе въ „Разсужденіяхъ“, свидѣтельствуютъ о глубокой чуткости помора-кре-

Digitized by Google

стьянина, и гражданственная дѣятельность его не менѣе примѣчательна. Онъ, какъ позднѣе Даламберъ, стремился къ философскому объединенію точныхъ наукъ, но, высоко цѣня науку вообще, онъ цѣнилъ ее еще больше со стороны прикладной, въ ея примѣненіи къ народному благу; въ этомъ Ломоносовъ—типичный Петровскій ученикъ.

Петръ не видалъ и не зналъ его, но весь духъ Петровской эпохи важенъ и живителенъ былъ сильнымъ возбужденіемъ самодѣятельности, на много пережившимъ царствованіе Петра и переданнымъ эпохамъ болѣе позднимъ, даже Екатерининской.

Рядомъ съ Ломоносовымъ, тоже какъ Петровскихъ учениковъ,—вспомнимъ Татищева и Кантемира; разница въ томъ, что они получили культуру Просвѣщенія, образованіе —готовыми, тогда какъ Ломоносовъ долженъ былъ завоевать все самъ.

Пора отбросить представленіе объ окружавшемъ молодость Ломоносова бытѣ, какъ о краѣ безпросвѣтной темноты. Тотъ край, гдѣ протекло дѣтство геніальнаго самоучки, не былъ глухимъ. Съ давнихъ временъ, съ царствованія Іоанна Грознаго, Поморье стало важнымъ проводникомъ иностранныхъ сношеній; здѣсь основывались англійскія и голландскія факторіи; съ другой стороны, это было край ссылки, опалы, и изъ центра высылались туда люди, культурно выдѣлявшіеся изъ общей жизни; съ разныхъ сторонъ заносилась сознательная мысль, стремленіе къ просвѣщенію, знанію. Въ такой средѣ росъ будущій ученый, и если, противъ его рвенія къ образованію возставалъ отецъ, то община все же отпустила его безъ препятствія, и подати, приходившіяся на его долю, разложила на другихъ членовъ; когда съ обозомъ зашагалъ въ Москву за наукой рослый здоровенный дѣтина,—онъ шелъ твердо и сознательно къ своему загадочному будущему.

Если въ прологѣ русскаго просвѣтительнаго вѣка Ломоносовъ занимаетъ видное мѣсто, нельзя приписывать ему активную роль во всемъ, что выставлено было на Западѣ, какъ credo убѣжденій; онъ не во всемъ солидаренъ съ энциклопедистами, онъ не вольтерьянецъ, не дидротистъ, не юс-

Digitized by Google

лѣдователь Руссо; но ему принадлежитъ починъ въ дѣлѣ распространенія знаній, онъ соединялъ первостепенное значеніе въ области науки съ популяризаціей ея, являлся страстнымъ публицистомъ, насколько имъ можно было быть въ то время, стремился въ духѣ просвѣщеннаго абсолютизма вліять на дѣятельность правительства для блага и просвѣщенія народа; активная, учено-творческая и культурно-просвѣтительная работа обезпечиваютъ ему выдающееся положеніе въ преддверіи русской эпохи Просвѣщенія. Позднѣе, даже въ болѣе благопріятную Екатерининскую пору, не выдвигалось человѣка такой силы, который въ цѣломъ рядѣ наукъ прокладывалъ бы новые пути; завѣты же его, какъ просвѣтителя, долго жили въ его преемникахъ, напр. въ Радищевѣ, подобно тому, какъ самъ онъ воспринялъ завѣты Петровскаго времени; въ его народничествѣ нельзя не видѣть связи съ самоучкою-грамотеемъ, вышедшимъ изъ народной среды—Иваномъ Посошковымъ. Посошковъ, Ломоносовъ, Екатерининскіе дѣятели типа Радищева—нисходящая линія.

Рядомъ съ Ломоносовымъ должны быть вспомянуты, какъ предтечи грядущаго и подошедшіе къ порѣ Елизаветы дѣятели новаго просвѣщенія,—Кантемиръ, Татищевъ, Сумароковъ, и, въ художественномъ отношеніи, бездарный Тредьяковскій.

Кантемиръ, умершій въ 1744 г., въ Парижѣ, бывшій въ сношеніяхъ съ Вольтеромъ, въ дружбѣ съ Монтескье и съ проповѣдникомъ новаго естествознанія, проводникомъ англійской науки во Франціи—Мопертюи, въ салонѣ своемъ окруженный образованными французами и итальянцами, въ тѣсномъ общеніи съ западно-европейской наукой,—въ своихъ сатирахъ, тяжелыхъ по формѣ, съ пріемами, заимствованными у Буало, Лабрюйера и Горація, нетолько ведетъ освободительную философскую проповѣдь, но съ большою силою убѣжденія и боевымъ пыломъ ратуетъ за обновленіе, за движеніе впередъ по пути, проложенному Петромъ.

Седьмая сатира его, развивающая идеи вождя англійскаго просвѣщенія, Локка, и посвященная вопросу о воспитаніи, имѣвшему большое значеніе на Западѣ въ просвѣтительномъ

Digitized by Google

вѣкѣ, можетъ служить нагляднымъ доказательствомъ солидарности съ нимъ сатирика.

Жизнь его, ставшаго дипломатомъ поневолѣ, протекала вдали отъ отечества, но онъ не устаетъ слать туда изъ Парижа (подъ конецъ изъ виллы подъ Парижемъ, куда онъ удалился), негодуя и волнуясь, свои мысли.

Въ его произведеніяхъ вполнѣ ясны попытки привести въ систему воззрѣнія, дать имъ стройность и законченность; его „Письма о природѣ", (первое наше общедоступное изложеніе результатовъ новаго естествознанія) очень цѣнны въ этомъ отношеніи.

Если вглядѣться внимательно въ лицо нѣсколько карикатурное, долгое время подвергавшееся лишь осмѣянію и презрѣнію, въ которомъ только Пушкинъ впервые сумѣлъ разглядѣть привлекательныя черты фанатика знанія,—нельзя будетъ не согласиться съ подобнымъ утвержденіемъ. Въ самомъ дѣлѣ, если оставить въ сторонѣ неудачныя попытки Тредьяковскаго въ стихотворствѣ, тайну котораго, новое стихосложеніе, онъ постигъ въ теоріи, но не могъ создать ничего талантливаго, что бы на дѣлѣ подтвердило его положенія; то Тредьяковскій выступитъ передъ нами несравненно болѣе привлекательнымъ въ роли защитника и распространителя знаній. Когда ему пришлось ознакомиться съ знаменитой первой диссертаціей Руссо, представленной на конкурсъ: „Si le progrès des sciences et des arts a contribué à corrompre ou épurer les moeurs", она показалась ему кощунствомъ, и онъ горячо протестовалъ противъ нея.

Изъ-за нихъ вырисовывается образъ перваго русскаго историка. Татищевъ, еще ближе чѣмъ Кантемиръ, подходитъ къ типу новатора-мыслителя. Онъ переходитъ и въ 50-ые гг., въ царствованіе Елизаветы. Всю жизнь ему приходится вести двойственное существованіе; сначала по прихоти Петра онъ изучаетъ горное дѣло въ Швеціи, но умъ и сердце его направлены не къ спеціальнымъ, техническимъ интересамъ; онъ пріобрѣтаетъ тамъ рѣдкое образованіе, тамъ надумываетъ свое большое дѣло,—дать Россіи достойную ея исторію; много читаетъ не только шведскихъ, но и

Digitized by Google

переводныхъ писателей; начинаетъ съ Бейля, Локка, углубляется даже въ старшую литературу политической исторіи и государственнаго права,—изучаетъ Маккіавелли, политическую сатиру Боккалини; часто не соглашается съ ними, споритъ, но читаетъ съ величайшимъ вниманіемъ; позднѣе все это отразится на его трудахъ.

Наряду съ исторіей Россіи, его интересуетъ и всестороннее описаніе ея,—географія; онъ желалъ бы достигнуть этого путемъ географическаго словаря, описывающаго ея народы, земли, пояса, расы, типы, ея природу, и для выполненія, кромѣ своихъ работъ, составляетъ вопросникъ, который разсылаетъ повсюду, надѣясь получить удовлетворяющіе его отвѣты. Мысль такого географическаго словаря была осуществлена лишь во 2-ой половинѣ XIX-го столѣтія.

Знаніе прошлаго Россіи онъ черпаетъ изъ лѣтописей и разнообразныхъ памятниковъ письменности, но не хочетъ быть лишь обрабатывателемъ ихъ, онъ желалъ бы дать научное истолкованіе историческихъ судебъ русскаго народа, и это явствуетъ изъ примѣчаній и предисловія къ его труду.

Типическая черта выдѣляетъ его изъ ряда спеціалистовъ-историковъ, сближая съ западными дѣятелями поры Просвѣщенія, особенно съ Вольтеромъ,—его антиклерикализмъ.

Еще при Петрѣ является онъ вольнодумцемъ; говорятъ, самъ царь совѣтовалъ ему быть осторожнымъ. Нерасположеніе къ церкви всюду сквозитъ у него; онъ возставалъ и клеймилъ ее, такъ какъ она лишь затемняла умы народа, и преданъ былъ религіи естественной, которая не нуждается въ левитахъ, жрецахъ, обрядахъ и догматахъ для общенія съ высшею силою. Если исторія Татищева и не смогла подняться очень высоко надъ лѣтописнымъ сводомъ, то все же нужно цѣнить критику старыхъ бытовыхъ формъ, его отношеніе къ церкви, придающее особый оттѣнокъ этому труду; мѣстами опредѣленно чувствуется вторженіе мысли, достойной историка-философа.

У Татищева есть многія иныя работы,—гдѣ и когда успѣвалъ онъ выполнять ихъ? Обстоятельства его внѣшней жизни далеко не способствовали усидчивому труду; при Петрѣ мы видимъ его на Уралѣ, гдѣ онъ управляетъ гор-

Digitized by Google

ными заводами въ Екатеринбургѣ; при петровскихъ преемникахъ его посылаютъ на окраины: Оренбургъ, Царицынъ, Астрахань; башкиры, калмыки, киргизы находятся подъ его управленіемъ; онъ вводитъ культуру въ окраины; нерѣдко вспыхивали возстанія, которыя онъ долженъ былъ подавлять: въ Астрахани приходится парализовать англійскую политику по отношенію къ Персіи и Кавказу.

Военный, администраторъ, дипломатъ, ученый—онъ представляется и въ старости, по разсказамъ видѣвшихъ его въ Астрахани англичанъ, рано согбеннымъ, но съ огнемъ въ глазахъ, и полнымъ ума и воли. Но вмѣстѣ съ этимъ Татищевъ никогда не переставалъ быть кабинетнымъ ученымъ; своей библіотекой, вѣрнѣе двумя, онъ дорожилъ и отдалъ имъ не мало времени; одна изъ нихъ, представлявшая собою рѣдкое собраніе рукописей, сгорѣла, послѣ чего Татищевъ снова сталъ собирать ихъ съ прежнимъ рвеніемъ; всюду, куда бы ни заносила его судьба, въ Россіи и въ Азіи, въ своей подмосковной деревнѣ Болдинѣ и петербургской крѣпости, куда его посадили по навѣтамъ враговъ,—онъ всюду мыслитель, ученый просвѣтитель, историкъ.

Нѣкоторые изъ его произведеній увидѣли свѣтъ лишь въ послѣднее время; таковъ „Разговоръ о пользѣ наукъ и училищъ", напечатанный только въ 80-хъ гг. прошлаго столѣтія: здѣсь Татищевъ обрисовывается цѣльно и законченно, какъ просвѣщеннѣйшій человѣкъ своего времени. „Разговоръ" не вымышленъ; на немъ—отпечатокъ собесѣдованій многихъ выдающихся лицъ, среди которыхъ несомнѣнно Феофанъ Прокоповичъ, однако всѣ собесѣдники сведены къ двумъ лицамъ, только это не шаблонные защитники и противники науки; Татищевъ съ одной стороны заставляетъ высказываться энтузіаста, съ неистощимыми запросами знанія, съ другой—человѣка, стоящаго за умѣренное, осторожное пользованіе наукой; первый—самъ Татищевъ. Любопытна дѣлаемая имъ притомъ классификація знаній; но пропагандистъ широкаго распостраненія науки не могъ говорить о ней, не поднимая важнаго вопроса о практическомъ выполненіи его, и не побуждая къ развитію школьнаго дѣла; какъ антиклерикалъ, онъ не могъ удовлетвориться духовными

Digitized by Google

школами, академіями, семинаріями, почти монополизировавшими русскую школу, и требовалъ устройства свѣтскихъ, низшихъ, и еще важнѣе, высшихъ училищъ; въ частности первый проповѣдовалъ напр. необходимость востоковѣдѣнія, особенно въ областяхъ, смежныхъ съ Востокомъ, очевидно руководясь личнымъ опытомъ работы въ пограничныхъ нашихъ областяхъ.

Высокое представленіе его о величіи науки доходитъ до восторженнаго восхваленія мучениковъ за нее. Онъ вспоминаетъ всѣхъ претерпѣвшихъ страданія за независимость мысли, за новшества въ философіи, наукѣ, религіи, сожженныхъ на кострахъ, томившихся въ тюрьмахъ; здѣсь Сократъ, Платонъ, Галилей; много страдальцевъ и изъ ближайшихъ временъ. Это—первое въ Россіи страстное чествованіе подвижниковъ науки.

Не менѣе интересно и другое произведеніе Татищева, его „Духовная"; она входитъ въ ряды нравственно-поучительныхъ руководствъ, рано появляющихся въ русской письменности: позади нея виднѣются такія произведенія, какъ „Поученіе Владиміра Мономаха", какъ „Домострой" временъ Іоанна Грознаго или „Завѣщаніе отеческое сыну" Посошкова; но Татищевскій „Домострой" дышитъ уже сочувствіемъ просвѣщенію, обращается къ молодому поколѣнію, давая совѣты справедливой, умной, просвѣщенной жизни.

Подобные взгляды онъ сохранилъ до конца жизни, соединяя ихъ съ рѣдкимъ самообладаніемъ и ясностью духа. До послѣднихъ дней работаетъ онъ, не покладая рукъ, а, когда знаніе врачебной науки подсказало ему близкій конецъ, онъ самъ выбралъ себѣ въ деревенскомъ затишьѣ мѣсто вѣчнаго упокоенія, велѣлъ подъ своимъ наблюденіемъ вырыть могилу и ушелъ изъ жизни, философски-ясный, спокойный, съ глубокимъ равнодушіемъ отнесясь къ запоздалымъ знакамъ милости, присланнымъ ему изъ Петербурга послѣ снятія опалы.

Сумароковъ, бригадиръ и писатель, дворянинъ-охранитель и чуть не крѣпостникъ, и въ то же время вольнодумецъ и вольтерьянецъ, завязавшій прямыя сношенія съ французскимъ мыслителемъ, полный преувеличеннаго представленія

Digitized by Google

о собственномъ талантѣ и значеніи, чуть не превратившійся въ маніака, съ устъ котораго почти не сходила фраза „Я и г-нъ Вольтеръ“, также требуетъ себѣ роли въ прологѣ Просвѣтительнаго вѣка. Основаніе русскаго театра связано съ его именемъ такъ же, какъ и основаніе перваго литературнаго журнала въ 1759 году („Трудовая Пчела“). Слѣдуя за Вольтеромъ, онъ пользовался сценой, какъ кафедрой, съ которой въ своихъ, правда, тяжелыхъ трагедіяхъ, построенныхъ по образцу Вольтера, Расина, Корнеля, онъ проповѣдовалъ идеи гуманности, справедливости, испытующей мысли. Пусть эти трагедіи были превзойдены позднѣе твореніями Княжнина, преслѣдовавшими такія же учительныя цѣли, за ними все же остается заслуга, починъ. Но Сумароковъ былъ и сатирикомъ и недурнымъ комическимъ писателемъ; въ своемъ журналѣ, онъ предается насмѣшливому суду или гнѣвному обличенію современниковъ, какъ предтеча фонвизинскаго театра или новиковской гражданственной сатиры.

Наряду съ подобными просвѣтителями, русскими по происхожденію, культурному движенію содѣйствовали и иностранцы, которые, пріѣзжая въ Россію, привязывались къ ней, служили ей, отдавая силы, знанія и умъ народу и обществу. Изъ нихъ первое мѣсто принадлежитъ Гергарду-Фридриху Миллеру. Выходецъ изъ Германіи (Вестфаліи), онъ вступилъ въ число студентовъ при Академіи Наукъ, сталъ потомъ профессоромъ въ ея гимназіи, и съ тѣхъ поръ до смерти, въ 1772 г., выполнилъ много трудовъ, изслѣдованій, путешествій (десятилѣтняя экспедиція въ Сибирь), заботясь о просвѣщеніи въ Россіи, развивая разнообразную дѣятельность: исторіографъ археологъ и этнографъ, собиратель историческихъ документовъ, богатѣйшіе портфели котораго до сихъ поръ не использованы до конца и хранятся въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ въ Москвѣ; въ 1755 г. онъ основалъ журналъ, названный по образцу тогдашнихъ нѣмецкихъ журнальныхъ заголовковъ: „Ежемѣсячныя сочиненія къ пользѣ и увеселенію служащія“ съ энциклопедическимъ, содержаніемъ, статьями по разнымъ спеціальностямъ и литературнымъ отдѣломъ.

Здѣсь появилось многое изъ произведеній западной Ев-

Digitized by Google

ропы XVIII в. въ видѣ выдержекъ и переводовъ,—такъ былъ данъ первый переводъ изъ сочиненій Свифта. Журналъ просуществовалъ десять лѣтъ: это родоначальникъ всей нашей повременной печати. Въ то же время у Миллера были значительныя знанія русской старины. Его нельзя, конечно, сравнивать съ Ломоносовымъ въ дѣлѣ активной работы о русскомъ просвѣщеніи, но его заслуги очень велики.

Русской наукѣ приходилось опираться на работы иностранцевъ. Московскій университетъ обслуживался пріѣзжими профессорами, которые были далеко не всѣ одного достоинства. Составъ ихъ сначала былъ очень скуденъ; такъ юридическій факультетъ былъ представленъ лишь однимъ Дильтеемъ: то же было и на медицинскомъ. Лучше обстояло съ науками словесными и философскими, гдѣ на ряду съ иностранцами выступали и два русскихъ профессора, ученики Ломоносова, Поповскій и Барсовъ. Выписные профессора читали лекціи на чужихъ языкахъ: (Дильтей—напр. по французски), и съ этимъ приходилось мириться. Крупныхъ силъ среди нихъ не было. Очень цѣннымъ явилось бы предполагавшееся приглашеніе Лессинга, испытывавшаго въ ту пору особенно острое состояніе неудовлетворенности среди отечественной литературы и науки; можно себѣ представить сколько полезнаго удалось бы ему выполнить въ русскомъ просвѣщеніи, съ его великимъ талантомъ и энергіей! Когда планъ не удался, Лессинга замѣнили Рейхелемъ, силою средней величины, стоявшимъ притомъ въ Германіи въ противоположномъ великому нѣмецкому писателю лагерѣ, среди распри, которая загорѣлась въ литературномъ нѣмецкомъ мірѣ къ серединѣ XVIII столѣтія; все же въ Россіи Рейхель, послѣдователь Готшеда, выполнялъ свою задачу честно: такъ ему принадлежитъ заслуга, если не открытія, то во всякомъ случаѣ поддержки таланта въ его студентѣ Фонвизинѣ.

Рядомъ съ нимъ дѣйствовалъ выписанный также изъ Германіи, глава гимназіи, открытой при университетѣ и гимназическаго пансіона, Шаденъ, впослѣдствіи благодарно вспоминаемый своими учениками, среди которыхъ были Карамзинъ, Муравьевъ. Онъ дѣйствовалъ, какъ истинный

Digitized by Google

Kulturträger, и имѣлъ большое нравственное и интеллектуальное вліяніе на своихъ воспитанниковъ, сильно помогавшее ихъ духовному росту. Карамзинъ разсказывалъ потомъ, какъ во время борьбы американскихъ колоній съ Англіей за освобожденіе, увлекавшійся педагогъ приходилъ къ нимъ съ новыми вѣстями объ успѣхахъ этой борьбы и долго, горячо ораторствовалъ передъ ними о событіяхъ времени. Въ тѣ дни имена Вашингтона и Франклина были и у пансіонеровъ на устахъ; они горячо слѣдили за войной, направляемые къ тому своимъ воспитателемъ. Сохранился любопытный документъ, показывающій, что, приступая къ чтенію лекцій, Шаденъ сначала заявилъ широкую программу, которая обнимала: риторику, эстетику, піитику, древне-греческую исторію и языкъ, языкъ древне-еврейскій и халдейскій для желающихъ и т. д.; это, конечно, не совсѣмъ совпадало съ тѣмъ, что требовалось для университета въ просвѣтительный вѣкъ; на дѣлѣ не этими мудреными и спеціальными занятіями Шаденъ содѣйствовалъ развитію молодого поколѣнія.

Въ Елизаветинскую пору уже выступаетъ въ обществѣ и литературѣ рядъ свѣжихъ русскихъ силъ, по большей части получившихъ образованіе за границей и возвращавшихся на родину сложившимися и готовыми дѣятелями. Таковъ, (измѣнившійся впослѣдствіи изъ libre penseur'а въ мистика) —Григорій Тепловъ. Первоначальное образованіе онъ получилъ въ Россіи, въ одной изъ школъ, основанныхъ Ѳеофаномъ Прокоповичемъ, потомъ воспитывался въ Германіи; вернувшись откуда, сошелся съ вельможей, тайнымъ супругомъ Елизаветы—Разумовскимъ, который поручилъ ему воспитаніе сына, и снова отправился за границу. У Теплова было много знаній, и онъ стремился популяризировать ихъ, вводить въ жизнь: ему принадлежитъ первая русская популярно-философская книга: „Знанія къ философіи относящіяся“ (1751). Когда Разумовскій былъ назначенъ гетманомъ Малороссіи, онъ взялъ съ собою Теплова, и здѣсь онъ сдѣлалъ немало въ интересахъ просвѣщенія и народной пользы. Въ духѣ своихъ привычныхъ идей онъ составилъ въ самомъ началѣ правленія Екатерины проектъ организаціи народнаго образованія, не имѣвшій успѣха, но дѣйствитель-

Digitized by Google

но цѣнный и значительный: онъ проектировалъ введеніе всеобщаго, безплатнаго и обязательнаго народнаго образованія, притомъ обще-культурнаго, а не узко-церковнаго.

Ко времени Петра III заканчиваетъ долгое житье свое за границей, гдѣ онъ въ Парижѣ находился въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ важнѣйшими дѣятелями Просвѣщенія, и вызывается въ Россію будущій сподвижникъ Екатерины—Бецкій, побочный сынъ князя Трубецкого, посла въ Швеціи.

Дѣтство Бецкаго протекло здѣсь и въ Даніи: онъ много путешествовалъ, особенно усвоилъ англійскую культуру и англоманомъ остался до конца. За границей же получилъ образовательную свою подготовку будущій редакторъ перваго сатирическаго журнала „Всякая Всячина" и литературный наперсникъ Екатерины,—Козицкій, въ елизаветинское время онъ уже за дѣломъ переводчика важнѣйшихъ западныхъ произведеній, сотрудникъ журналовъ Миллера и Сумарокова.

Чуткій и разносторонній Елагинъ, Дашкова и др., все это готовые просвѣтители до эпохи Просвѣщенія.

Такъ собираются уже силы, стремящіяся къ дѣятельности. Одинъ изъ дипломатовъ того времени, французскій посолъ Бретейль (Breteuil), въ донесеніи своему правительству отмѣчалъ, что въ Россіи, чѣмъ дальше, тѣмъ все сильнѣе укореняется обычай посылать молодыхъ людей для ученія за-границу, главнымъ образомъ въ Швейцарію. Женева становится, говорилъ посолъ, обѣтованной землей, откуда возвращаются на родину энтузіасты-республиканцы. Не слѣдуетъ преувеличивать значеніе этого республиканизма, но нельзя не признать, что учащаяся молодежь все же многое привозила съ собою, и, главное, чуткость къ идеямъ вѣка.

Вспомнимъ, наконецъ, что къ Елизаветинскому же времени относится начало движенія, которое широко развилось при Екатеринѣ, принявъ важное, общественно-просвѣтительное направленіе—дѣятельность масонства. Возникновенія его надо искать между 1731—1741 г.г., при чемъ послѣдняя дата точнѣе. Оно было занесено въ Россію англичаниномъ

Digitized by Google

Джемсомъ Кейтомъ, впослѣдствіи сподвижникомъ Фридриха Великаго.

Елизаветинское время—пора забрезжившаго разсвѣта,—тогда утихла реакція, водворившаяся послѣ смерти Петра въ Россіи. Есть любопытный разсказъ иностранца о русской жизни того времени, изобразившій состояніе ея наканунѣ революціи, которая возведетъ на престолъ Екатерину. Французскій ученый Шаппъ былъ посланъ Парижской Академіей Наукъ въ Тобольскъ для наблюденія надъ прохожденіемъ Венеры черезъ дискъ солнца; хотя научныя русскія экспедиціи еще со временъ Петра, которому ихъ важность разъяснена была Лейбницомъ и Парижской Академіей, стали явленіемъ довольно обычнымъ, къ Шаппу отнеслись недружелюбно, къ тому же и подозрительно, такъ какъ онъ явился въ Россію незваннымъ.

Въ своемъ „Voyage en Sibérie“ онъ раскрылъ всѣ мытарства, которыя ему пришлось претерпѣвать по дорогѣ въ Сибирь и на возвратномъ пути отъ администраціи, и вообще отъ условій русской жизни,—охарактеризовалъ эту жизнь, свойства народа, отрицая у него способность развитія и совершенствованія. Многое, конечно, могло быть объяснено у него злопамятствомъ и личными счетами, немало было и и правды. Появившаяся въ 1761 г. и относившаяся къ царствованію Елизаветы, она возбудила однако горячее негодованіе Екатерины и побудила ее выступить съ опроверженіемъ, носившимъ заглавіе „Antidote“—противоядіе. Императрица заступалась здѣсь не за свою предшественницу, не опровергала рядъ отдѣльныхъ фактовъ, но защищала Россію, въ которой авторъ, обобщивъ единичные случаи, видѣлъ страну совершенно неспособную къ совершенствованію, къ прогрессу; въ одномъ онъ былъ правъ: фонъ русской жизни первой половины 18 столѣтія въ самомъ дѣлѣ являлся мрачнымъ, и нужно было много энергіи, чтобы разсѣять мракъ и поднять страну, чтобы не на словахъ, а на дѣлѣ способствовать ея возрожденію. Эту энергію принесла съ собой чужеземка изъ сѣверной Пруссіи, Штеттина,—принцесса Ангальтъ-Цербстская Софія-Фредерика-Амалія, будущая императрица Екатерина II Алексѣевна.

Digitized by Google

Когда въ іюлѣ 1762 года дворцовый переворотъ возвелъ на престолъ Екатерину, казалось, что вмѣстѣ съ нею воцарится европейская просвѣтительная мысль во всѣхъ своихъ проявленіяхъ; періодъ, открывшійся во 2-ю половину XVIII столѣтія, получилъ названіе „Екатерининскаго", отождествляемое часто съ „просвѣтительнымъ"; судъ исторіи настойчиво требуетъ внимательнаго пересмотра всего, что дѣйствительно совершила или думала совершить императрица, чтобы и вѣкъ ея, и ея подлинная дѣятельность предстали въ своемъ настоящемъ видѣ, а не въ томъ, которое создала имъ легенда, именовавшая всегда главную вдохновительницу „Великой", „законодательницей", „царицей-философомъ". Чудится, что не идутъ подобныя названія къ правительницѣ, рьяно принявшейся за проведеніе тѣхъ идей, за которыя впослѣдствіи она гнала и преслѣдовала; легенда все еще жива; безпристрастное изученіе исторіи общественности, науки и литературы Екатерининскаго времени покажетъ истинное положеніе дѣлъ.

Въ іюлѣ 1762 г. вслѣдъ за своимъ вступленіемъ на престолъ, Екатерина обратилась къ странѣ съ двумя манифестами; одинъ--краткій, скупой на выраженія, другой—подробный,—съ мотивировкой и обѣщаніями, не конституціонными, правда (надежды Никиты Панина склонить ее къ учрежденію „Императорскаго Совѣта", кака органа представительства народнаго, не осуществились), но во всякомъ случаѣ, съ обѣщаніями дать странѣ законы, которые поведутъ ее по пути прогресса и передъ которыми не будетъ сословныхъ различій; Екатерина вступила на престолъ хоть и Божіей милостью, но въ то же время „по народному избранію". Этими мнимыми „избирателями" были, конечно, солдаты-гвардейцы, возбужденные въ особенности ея появленіемъ въ казармахъ и личною агитаціей, затѣмъ немалая группа заговорщиковъ изъ разныхъ слоевъ общества, объединившая всѣхъ недовольныхъ дикимъ правленіемъ Петра III: тутъ братья Орловы, Панинъ, энергическія женщины въ родѣ Дашковой, основатель театра Федоръ Волковъ и. т. д.; все это не представляло собою народа.

Какъ бы то ни было, Екатерина при вступленіи своемъ

Digitized by Google

обѣщаетъ сдѣлать важное и глубоко захватывающее народную жизнь дѣло; большой періодъ съ 1762 по 1796 г. занятъ ея правленіемъ, отъ котораго всѣ ожидали такъ многаго которое даже на Западѣ склонны были счесть золотымъ вѣкомъ, думая, что оно осуществитъ всѣ упованія просвѣтительной философіи; первые годы дѣйствительно походятъ на осуществленіе грезъ, но потомъ вскорѣ настаетъ пора, когда одной рукой вырывается то, что какъ будто давалось другой.

Кромѣ главнаго историческаго труда, который, къ сожалѣнію, былъ рано и грубо оборванъ, и далеко не доведенъ до обобщеній,—труда Бильбасова „Исторія Екатерины Второй", въ 2-хъ томахъ (второй томъ выпущенъ былъ уже заграницей—и тотъ обрывается на 1764 г.; было къ нимъ добавленіе, занятое только библіографическимъ матеріаломъ)—кромѣ этого единственнаго нелицепріятнаго повѣствованія объ Екатеринѣ необходимо обратиться къ очень цѣнному документу, именно ея автобіографическимъ запискамъ, или „Мемуарамъ". Исторія ихъ появленія связана съ починомъ Герцена, который выпустилъ въ 1859 г. въ своей лондонской вольной русской печатнѣ впервые текстъ „Мемуаровъ", по полученному изъ Россіи списку. Издатель былъ увѣренъ, что издаваемая имъ редакція—единственная. На дѣлѣ оказалось иное; когда въ 1907 г. Академія Наукъ издала въ 12-ти томахъ сочиненія Екатерины, два тома были заняты автобіографическими записками, всесторонне изслѣдованными Пыпинымъ. Семь разъ приступала Екатерина къ разсказу о себѣ, семь редакцій въ академическомъ изданіи, изъ которыхъ пять послѣдовательно идущихъ разсказовъ и два послѣсловія; одно изъ нихъ спускается дальше другихъ. Составленіе мемуаровъ началось въ 1771 году; императрица какъ бы исповѣдовалась не только передъ наслѣдникомъ, которому была посвящена одна изъ редакцій, и съ надписью: „Любезному моему сыну Павлу Петровичу" хранилась въ архивѣ, но и передъ воображаемой публикой.

Въ Екатеринѣ интересно отмѣтить особенность человѣка, стремящагося отдавать себѣ самому отчетъ въ своихъ дѣлахъ, въ ходѣ своей жизни. Въ этомъ отношеніи она сход-

Digitized by Google

на, напримѣръ, съ Герценомъ, который еще во время Вятской ссылки началъ свои записки, совсѣмъ не предполагая ихъ печатать, но только въ силу потребности собирать свои мысли, и такъ дѣйствовалъ до конца своей жизни. Подобно ему, Екатерина рано проявляетъ самокритику, разбирается въ слабостяхъ, увлеченіяхъ,—исповѣдуется.

Уже съ 7—8 лѣтняго возраста она перестала быть ребенкомъ; куклы отброшены и головка ея занята другимъ; передъ нею носится призракъ короны: когда она слышала, какъ другія дѣвушки изъ такихъ же захудалыхъ родовъ, выходятъ счастливо замужъ и становятся обладательницами короны, въ ней крѣпла почти фаталистическая увѣренность, что подобная участь не минуетъ ея, что она не останется въ скучномъ, прозаическомъ городѣ, что избавленіе придетъ къ ней, откуда бы то ни было. Сама она принадлежала къ герцогскому дому, боковая линія котораго не имѣла никакихъ шансовъ на вліятельную роль. Отецъ ея сначала только полковой командиръ, потомъ губернаторъ въ Штетинѣ, человѣкъ замкнутый, сосредоточенный въ себѣ; мать—значительно моложе его, очень честолюбивая, потерявъ личную судьбу, всѣ свои надежды и упованія сосредоточила на дочери. Правильнаго и систематическаго образованія молодая принцесса не получила; штатъ ея преподавателей состоялъ изъ француженки, да 2—3-хъ человѣкъ, научившихъ ее лишь самому необходимому. Та же скудость повторилась позднѣе, когда она прибыла въ Россію, когда нужно было переучиваться, примѣняясь къ запросамъ другой жизни, ей дали учителя, преподававшаго русскій языкъ, и богослова, подготовлявшаго ея переходъ въ православіе, но самостоятельная работа не переставала кипѣть въ ея головкѣ; ее недаромъ называли домашніе „le philosophe de 15 ans.“. Въ то время, когда она была переполнена смутными ожиданіями перемѣнъ въ своей судьбѣ, пришло приглашеніе императрицы Елизаветы пріѣхать въ Петербургъ съ матерью, не мотивированное пока никакими брачными планами. Это произошло не безъ содѣйствія проницательнаго свата Фридриха II Прусскаго и было въ связи съ вызовомъ въ Россію племянника Елизаветы—будущаго Петра III. Догадавшись про себя, что

Digitized by Google

ее ожидаетъ, и уже охваченная честолюбіемъ, по дорогѣ въ свое будущее отечество принцесса Ангальтъ-Цербстская укрѣпилась, по ея словамъ, въ трехъ рѣшеніяхъ: понравиться императрицѣ, будущему супругу, понравиться русскому народу.

Какъ удалось ей выполнить эти рѣшенія свои?..

Первая встрѣча съ Елизаветой состоялась въ Анненгофскомъ дворцѣ, около Лефортова; императрица осыпала ее ласками, и подарками, но скоро эта привѣтливость оборвалась, и выступила ревность старѣющей женщины къ умной, даровитой и, если не величаво-красивой (какъ ее изображаютъ въ особенности портреты послѣдняго періода, исполненные подъ ея наблюденіемъ, исправлявшіе ея профиль и рисующіе чуть не классически-правильныя черты), то во всякомъ случаѣ привлекательной и обворожительной въ своей молодости дѣвушкѣ. Елизавета, когда-то типическая русская красавица, сильно поблекла; она была въ высокой степени невѣжественна: объ этомъ свидѣтельствуетъ напр. ея изумленіе, съ которымъ она, уже будучи на престолѣ, узнала, что Англія—островъ.

Екатерина была остроумна и развита; ревность императрицы не сводилась къ одной зависти внѣшнему превосходству, но таила въ себѣ и недоброжелательство ординарнаго существа къ личности недюжинной, блестящей, богато-одаренной. Это стало преградой первому плану Екатерины, и мемуары разсказываютъ очень подробно, можетъ быть слишкомъ подробно, все, что пришлось вытерпѣть ихъ автору. Притѣсненія усилились особенно съ тѣхъ поръ, когда Елизавета стала угадывать страстность ея женской натуры, и за нею былъ учрежденъ негласный надзоръ, не оставлявшій ей, казалось, ни одной свободной минуты; соглядатаи императрицы знали каждый ея шагъ и доносили, куда слѣдуетъ; много требовалось хитрости, подчасъ очень рискованной предпріимчивости и помощи друзей, чтобы добиваться своего и путемъ переодѣваній, гримировки и т. п. обманывать и удовлетворять потребности своей молодой, горячей натуры. Въ концѣ испытаній своихъ, Екатеринѣ удалось побѣдить нерасположеніе императрицы и своимъ умѣ-

Digitized by Google

ніемъ обходиться съ людьми—черта, которая выступала въ ней всегда и создавала ей друзей и поклонниковъ, —и великимъ перевѣсомъ ума и талантливости надъ мужемъ, бездарность и нравственное ничтожество котораго стали вызывать у Елизаветы замыселъ отстранить его отъ престолонаслѣдія.

Второй планъ „понравиться мужу“ былъ еще болѣе неудаченъ. Сначала онъ понравился ей, но оспа обезобразила его лицо, и, главное, когда передъ нею стало раскрываться его духовное убожество, когда онъ обнаружилъ свой грубый, дикій характеръ, свою любовь къ нелѣпымъ забавамъ и свое германофильство, тянувшее его постоянно на Западъ и заставлявшее не обращать вниманія на народъ, чьимъ правителемъ онъ долженъ былъ стать, она отдалилась отъ него навсегда; его внѣшность вызвала въ ней острую непріязнь и физическое отвращеніе. Этимъ хотѣла она потомъ объяснить свои многочисленныя увлеченія другими. Среди ея писемъ есть два очень интересныхъ съ этой стороны; одно изъ нихъ къ Потемкину, другое къ Станиславу Понятовскому, будущему польскому королю. Первое, „чистосердечное признаніе“, является отвѣтомъ на упреки друга въ томъ, что она часто мѣняетъ своихъ любовниковъ. и что это—распутство. „Богъ видитъ, пишетъ она, что распутства у меня нѣтъ. Если бы судьба послала мнѣ другого супруга, все было бы иначе; что же дѣлать, если я и часа не могу провести безъ любви. Быть можетъ, это порокъ, но измѣнить себя я не въ силахъ“.

Она не отрицаетъ взводимыхъ на нее обвиненій, но значительно убавляетъ количество смѣнявшихся „друзей“, перечисляя ихъ: здѣсь Захаръ Чернышевъ, первый, осмѣлившійся сказать ей о ея необыкновенной красотѣ, и Сергѣй Салтыковъ, смѣнившій его, и рядъ другихъ.

Очутившись въ петербургскомъ дворцѣ и попавъ въ немилость къ Елизаветѣ, Екатерина увидѣла совершенную невозможность что-либо дѣлать; ей предстояла тяжелая перспектива—опуститься, погрязнуть въ омутѣ дворцовыхъ интригъ, что было бы гибелью ея талантливой натуры; но въ это смутное для нея время къ ней явился избавителемъ старый другъ ихъ семьи, шведъ Гилленборгъ. Увидавъ ее

Digitized by Google

на распутьи, онъ указалъ ей выходъ, говорилъ о противоядіи, о необходимости развить свой умъ, облагородить свои стремленія,—это все придетъ къ ней, если она взглянетъ, что дѣлается въ культурномъ мірѣ Европы, если примкнетъ къ широко разлившемуся потоку просвѣтительной философіи и литературы. Этотъ совѣтъ точно пробудилъ Екатерину; мемуары разсказываютъ, какъ подъ вліяніемъ занятій и чтенія передъ ней постепенно стали раскрываться широкіе горизонты и уяснялось назначеніе ея личной жизни. Самообразованіе ея шло не по опредѣленному выработанному плану, все же былъ пройденъ путь, пригодный для каждаго участвующаго въ движеніи просвѣтительнаго вѣка. Она начала не съ современныхъ ей писателей, а съ классическихъ; первой, прочтенной ею тогда книгой, были „Біографіи" Плутарха, затѣмъ она перешла къ „Размышленіямъ о причинахъ величія и паденія Рима" Монтескье. Онъ ввелъ ее въ кругъ французской науки и философіи; на долю Вольтера выпало познакомить ее съ боевымъ направленіемъ французской литературы. Онъ первоначально встаетъ передъ ней, какъ философъ-новеллистъ, авторъ блестящихъ умомъ повѣстей: „Кандидъ", „Задигъ", „Микромегасъ". Съ того времени начинается преклоненіе Екатерины передъ Вольтеромъ. Когда Екатерина стала самостоятельной правительницей, ея первымъ движеніемъ было завязать сношенія съ Вольтеромъ; личный секретарь ея женевецъ Пиктэ сообщаетъ французскому мыслителю ея первое письмо.

Два года потратила она на изученіе словаря Бейля; его смѣняетъ вышедшій тѣмъ временемъ первый томъ Энциклопедіи. Такъ, ученица безъ учителя пополняетъ зіяющіе пробѣлы своего образованія; не прошедшая школьной поры, она прямо идетъ къ лучшимъ трудамъ европейскаго знанія. Читаетъ она жадно, изучаетъ внимательно, тщательно конспектируетъ, отдаетъ себѣ ясный отчетъ во всемъ. Только такого рода чтеніе позволило ей вполнѣ овладѣть матеріаломъ; впослѣдствіи она легко и умѣло пользуется напр. „Духомъ Законовъ" Монтескье при составленіи „Наказа".

Такой же процессъ самообразованія выполнила будущая ея сподвижница Екатерина Романовна Дашкова, особенно

Digitized by Google

благодаря вліянію дяди, графа Михаила Воронцова; со временемъ, въ пору своего долгаго житья на Западѣ, съ достоинствомъ поддерживавшая близкія сношенія съ величайшими мыслителями Франціи и Англіи, Дашкова заботилась о собственномъ образованіи и развитіи, тогда какъ Екатерина изъ ученій своихъ извлекала лишь тотъ матеріалъ, который могъ быть пригоднымъ для нея, какъ правительницы.

Чѣмъ объяснить это стремленіе? Когда съ теченіемъ времени Екатерина смогла побороть нелюбовь Елизаветы къ ней, и, главное, когда императрица убѣдилась въ явной неспособности Петра стоять во главѣ государства, возникъ замыселъ устранить отъ наслѣдія этого психопата и признать права за малолѣтнимъ Павломъ, при регентствѣ Екатерины, или даже признать ее правительницей.

За эту мысль особенно стояли Шуваловъ и гр. Никита Панинъ, и она то несомнѣнно могла вліять на рѣшимость великой княгини подготовлять себя къ правленію; но нельзя забывать, что усиленное политическое и философское образованіе, замѣнившее ея общее самовоспитаніе, началось раньше, еще въ 50-хъ годахъ, когда не возбуждалось подобныхъ вопросовъ; можетъ быть причину надо искать въ иномъ: XVIII-й вѣкъ въ русской исторіи—вѣкъ дворцовыхъ революцій и переворотовъ; можетъ быть, Екатерина сама мечтала о власти, добытой именно такимъ путемъ, и усиленно готовилась къ ней.

Однако съ 1762 года, ея вступленія на престолъ, до 1767 года, времени созыва комиссіи, прошло нѣсколько бездѣятельныхъ лѣтъ, какъ это впослѣдствіи произошло и въ началѣ царствованія Александра I, казалось, открывавшемъ собою эпоху важныхъ реформъ. Можно бы подумать, что въ теченіе этихъ лѣтъ она намѣчала себѣ задачи, какъ бы готовясь къ тому, что выполнитъ впослѣдствіи. Теперь подоспѣло время выполненія третьяго плана Екатерины: „plaire au peuple“,—„понравиться народу“ и сдѣлать это надо было своими заботами, своими дѣлами на пользу его.

Екатерина невольно должна была итти такъ, какъ шли ея современники — правители новаго культурнаго типа, — послушные ученики философовъ, послѣдніе же являлись

Digitized by Google

истинными царями, вліяя на все. Для Екатерины ближайшими примѣрами были правители двухъ сосѣднихъ странъ: Фридрихъ II Прусскій и Іосифъ II Австрійскій. Послѣдній еще при жизни своей матери Маріи Терезіи, убѣжденнаго консерватора, старался вырвать у нея мѣры для улучшенія жизни народа. Когда же онъ вступилъ на престолъ, то лучше и цѣльнѣе кого либо изъ правителей эпохи Просвѣщенія показалъ, что могутъ сдѣлать твердая воля и опредѣленное желаніе политика-реформатора. Первымъ его дѣломъ было—освобожденіе крестьянъ, которое онъ провелъ вопреки желанію господствующаго класса, сначала въ Чехіи, потомъ и въ остальныхъ земляхъ, затѣмъ онъ предпринялъ секуляризацію монастырей и ихъ земель, велъ борьбу съ іезуитами, заботился о народномъ образованіи.

Впослѣдствіи Екатерина будетъ выписывать отъ него дѣятелей въ этой области для созданія русской народной школы. Правда, передъ смертью Іосифъ, удрученный неудачами и болѣзнями, отмѣнилъ многое изъ своихъ постановленій, все же освобожденіе крестьянъ оставилъ въ силѣ. Когда онъ былъ въ Россіи и вмѣстѣ съ Екатериной совершилъ путешествіе по Новороссіи, съ декоративными деревнями, селами, съ картонными домами и бутафорскимъ благополучіемъ народа, онъ не поддавался этимъ обманчивымъ впечатлѣніямъ, никогда у себя не довѣряя показной сторонѣ, и въ этомъ сильно расходился съ Екатериной.

Фридрихъ II проявлялъ свое влеченіе къ просвѣтительной философіи, еще будучи наслѣднымъ принцемъ, благоговѣлъ передъ Вольтеромъ, велъ съ нимъ переписку, обмѣниваясь мыслями, и, ставъ правителемъ, слѣдовалъ въ своей внутренней политикѣ многимъ изъ догматовъ Просвѣщенія. Екатерина хотѣла дѣлать для своего народа то же, что дѣлали эти правители. Знала ли она этотъ народъ?

Заботы ея строились въ первые, лучшіе годы на теоретическомъ пониманіи общественныхъ нуждъ. Она хотѣла проводить то, что было уже испытано или установлено на Западѣ; вѣдь, думалось ей то, что справедливо и полезно въ передовыхъ странахъ Европы, такимъ же справедливымъ останется и въ Россіи. Но сознаніе необходимости непосред-

Digitized by Google

ственнаго выясненія народныхъ нуждъ у нея не подлежало сомнѣнію и привело къ рѣшенію созвать представителей народныхъ, чтобы выработать новое уложеніе; съ этимъ вмѣстѣ сложилось рѣшеніе разъяснить также будущимъ депутатамъ, непосвященнымъ, неопытнымъ, лишеннымъ политическаго развитія и правовыхъ понятій, сводъ основныхъ положеній права, установить правильное пониманіе принциповъ собственности, правъ личности и общества, свободы, духа законодательства, особенно уголовнаго, вѣротерпимости. Два года она занята была этой работой, въ которую никого не посвящала, усердно компилируя ее изъ твореній высшихъ западныхъ авторовъ: Монтескье (280 статей), Беккаріи (100 статей) и друг. Понятно, какъ ее, охваченную тогда преобразовательнымъ пыломъ и сборами къ реформамъ должна была возмутить книга Шаппа, отрицавшая у Россіи возможность совершенствованія, и „Antidote“ представилъ одновременно образецъ литературнаго мастерства и французскаго слога императрицы, и свидѣтельство ея преданности реформаторской дѣятельности. На ряду съ трудами по составленію Наказа ее, видимо, захватываетъ мысль объ освобожденіи крестьянъ. Если одной изъ ея первыхъ мѣръ было учрежденіе для разработки насущныхъ для Россіи экономическихъ вопросовъ общества, называвшагося сначала „Патріотическимъ обществомъ экономическаго преуспѣянія промышленности, земледѣлія“ и т. п., и ею же переименованнаго въ „Вольное Экономическое Общество“, то не успѣло оно возникнуть въ 1765 г., какъ уже получило отъ таинственнаго лица даръ въ 1000 червонцевъ, назначенный для выдачи преміи въ конкурсномъ состязаніи на тему объ изысканіи средствъ для улучшенія быта русскаго крестьянства. Вообще, небывалый въ русской жизни, конкурсъ этотъ былъ объявленъ не только въ Россіи, но и по всему культурному міру. Открытой постановки вопроса не было, слово: „освобожденіе крестьянъ“ не сказалось, но всѣ посвященные сознавали, что именно въ этомъ заключается высокая цѣль сдѣланнаго вызова.

Такими много обѣщавшими сборами отмѣченъ медовый мѣсяцъ правленія Екатерины.

Digitized by Google

На конкурсъ, объявленный Вольнымъ Экономическимъ Обществомъ откликнулся почти весь культурный міръ. Отвѣты пришли изъ Франціи, Голландіи, Италіи, Германіи. Ихъ было больше ста (162); среди нихъ были работы болѣе выдающихся писателей, встрѣчались и бездарные, крайне умѣренные и охранительные, и, въ общемъ, конечно, мало знакомые съ положеніемъ русскаго крестьянства. Русскихъ проектовъ было немного:—только 7.

Изъ всей массы лишь минимальное количество высказалось за необходимость освобожденія крестьянъ съ землей, какъ ихъ неотъемлемымъ достояніемъ, принадлежащимъ имъ по праву громаднаго вѣкового труда. Особаго вниманія заслуживаютъ лишь три отвѣта. 2 изъ нихъ пришли изъ-за границы; авторы—французы, одинъ (присланъ изъ Ахена)—это проектъ Беардэ де-Лабэ; второй—составленъ былъ провинціальнымъ французскимъ ученымъ Грасленомъ; оба стояли за полную свободу крестьянъ и дарованіе имъ земли; но и удостоенный первой преміи проектъ Беардэ совѣтовалъ большую постепенность въ реформѣ, представленіе земли лишь въ награду за трудолюбіе и т. д.. и видѣлъ опасность въ рѣшительномъ переворотѣ. Рядомъ стоитъ серьезная русская работа А. Полѣнова; много обѣщавшій, общественный дѣятель, онъ еще въ 1762 г. ушелъ за границу, не ожидая Екатерининскаго почина и самостоятельно ища просвѣщенія, учился въ Страсбургѣ, Геттингенѣ, и въ проектѣ своемъ раньше Радищева пришелъ къ одинаковому съ нимъ рѣшенію. За его проектомъ были признаны достоинства, хотя въ немъ возмутилъ будто бы рѣзкій вызывающій и неприличный тонъ сужденій. Но практическаго примѣненія конкурсные отвѣты не имѣли; работа Полѣнова появилась въ печати только вѣкъ спустя, во 2-ой половинѣ XIX столѣтія. Правительница, въ началѣ царствованія столь заботившаяся объ искорененіи крѣпостного права, впослѣдствіи одарила имъ край, никогда не знавшій его—Малороссію; десятками тысячъ дарила она крестьянъ своимъ фаворитамъ, но въ первые годы, годы Наказа и Комиссіи нельзя было предвидѣть дальнѣйшаго: радостно отмѣчалась чуткими людьми возможность громко и свободно обсуждать вопросъ, что подтверж-

Digitized by Google

далось и опубликованіемъ премированныхъ проектовъ Вольнымъ Экономическимъ Обществомъ.

„Наказъ“ Комиссіи по составленію новаго уложенія явился примѣчательной декларацiей правъ, исходившей не отъ представителей народа, а отъ носительницы власти, желавшей притомъ остаться вѣрною идеѣ просвѣщеннаго абсолютизма; подобное заявленіе необыкновенно выгодно выставляло ее въ глазахъ Европы: она и сама постарается распространить славу о себѣ по всему культурному міру. „Наказъ“ чрезвычайно скоро оказывается переведеннымъ на иностранные языки, а во Франціи, благодаря ограниченности и боязливой подозрительности герцога Шуазеля, строго запрещеннымъ, что также вышло очень эффектно. Вольтеру и Фридриху II было послано по экземпляру; конечно,—это типическое выраженіе рельефной черты ея характера, проходящей замѣтно въ лучшей части ея дѣятельности: великой способности къ широкой рекламѣ о себѣ.

У „Наказа“, какъ и у Комиссіи, для которой онъ предназначался, есть двѣ стороны, идейная и практическая, жизненная. Первая болѣе или менѣе удачное догматическое выраженіе извѣстныхъ принциповъ; до той поры никто изъ представителей власти не говорилъ такимъ языкомъ не только въ Россіи, но и въ другихъ государствахъ. Съ этой стороны „Наказъ“ далеко выдвигается впередъ: это—катехизисъ политики, права, гуманности, вообще новыхъ началъ, которымъ повидимому предстояло получить осуществленіе въ русской жизни. Эта сторона сыграла свою роль и воспитывала людей; идеи „Наказа“ разнеслись по всей Россіи, проникали въ дальніе ея углы, широко распространились, какъ проповѣдь законности, просвѣщенія. Впослѣдствіи, эта популярность „Наказа“ стѣсняла Екатерину, и рядомъ указовъ она стремилась убавить ее, заботясь, главнымъ образомъ, чтобы „Наказъ“ не проникалъ, по крайней мѣрѣ, въ низшіе слои общества. Другая сторона обусловливается недостаткомъ систематическаго образованія Екатерины;—въ этомъ исповѣданіи вѣры нельзя не замѣтить неопредѣленности, туманности въ формулировкѣ идей, которыя должны были проводиться въ жизнь.

Впрочемъ, необходимо имѣть въ виду, что „Наказъ“ имѣлъ

Digitized by Google

двѣ редакціи: первая, болѣе широко разработанная, опредѣленнѣе шла къ намѣченной цѣли, но переданная Екатериной свѣдущимъ будто бы государственнымъ сановникамъ для предварительнаго разсмотрѣнія, потерпѣла уронъ; чуть не половина статей была подъ давленіемъ этихъ совѣтовъ совсѣмъ устранена; особенно много недоразумѣній вызвало все, что касалось измѣненія участи крестьянъ и развитія политическихъ правъ. Екатерина, неожидавшая такого отношенія, отступила съ изумленіемъ и недовольствомъ. Но даже и въ томъ видѣ, какой „Наказъ" получилъ послѣ того, въ немъ оказалось достаточно матеріала, чтобы оправдать изумленное впечатлѣніе произведенное въ Европѣ, которой могло почудиться,—что свѣтъ отнынѣ пойдетъ съ сѣвера...

Вѣрная своей исходной точкѣ зрѣнія, что Россія—государство европейское, и что поэтому къ ней примѣнимо все, доказавшее свою справедливость и пользу на Западѣ, Екатерина заявляетъ однако, что форма правленія можетъ быть только самодержавною въ столь необъятной странѣ.

Свобода, опирающаяся на законность, провозглашается необходимымъ условіемъ человѣческаго существованія; устанавливались нетолько обязанности общества по отношенію къ правителю, но и правителя къ народу; касаясь свободы мысли, авторъ выступаетъ противъ взглядовъ, считающихъ преступленіями независимыя сужденія, высказываемыя или появившіяся въ печати, и находитъ, что въ случаѣ ихъ вреда съ ними достаточно бороться административными средствами.

Она провѣдуетъ широкую вѣротерпимость. Даже въ область, ужасающую по жестокости и безчеловѣчности,—въ основы уголовнаго права, Наказъ стремился внести свѣтъ и гуманность. Въ XVIII в. уголовное судопроизводство отличалось жестокостью не только въ Россіи, но и на Западѣ; во Франціи смертная казнь примѣнялась къ 115 видамъ преступленій, и нужна была неослабная энергія Вольтера, боровшагося съ этимъ варварствомъ, его великій талантъ и авторитетъ, участіе въ многочисленныхъ вопіющихъ процессахъ, проникнутыхъ въ особенности религіозной, безпощадно карающей нетерпимостью, чтобы хоть отчасти измѣнить эти законы. Въ „Наказѣ" Екатерина высказываетъ безусловное осужде-

Digitized by Google

ніе смертной казни и пыткѣ, являясь вѣрной ученицей Беккаріи и Вольтера, проповѣдуя необходимость спасать, исправлять преступниковъ, а не обрушиваться на нихъ со всею силою и строгостью правосудія.

Наконецъ манифестъ гуманности не забываетъ и истиннаго парія русскаго общества—крестьянина; онъ проникнутъ заботами объ обездоленныхъ и безправныхъ. Вся эта проповѣдь гуманныхъ началъ опирается на серьезную и внушительную философскую постановку дѣла, объединяющую основныя положенія.

Кто же входилъ въ составъ Комиссіи, чьимъ руководствомъ долженъ былъ стать „Наказъ"?

Комиссія, созданная задолго до Екатерины, при Петрѣ I, для составленія новаго уложенія при помощи русскаго и скандинавскихъ законодательствъ, дѣйствовавшая при Петрѣ II и Аннѣ, и состоявшая изъ членовъ, большею частью назначенныхъ изъ числа правительственныхъ чиновниковъ, еще при Елизаветѣ, по собственному почину возбудила мысль о необходимости принять въ свою среду представителей народа, влить въ свое дряхлое тѣло молодыя живыя силы. Но избирательный порядокъ, имѣющій столь важное значеніе для состава представительнаго учрежденія, въ Екатериненской комиссіи обнаруживаетъ рядъ недочетовъ,—это обратная сторона медали; въ распредѣленіи количества выборныхъ бросается въ глаза необыкновенный безпорядокъ; большіе центры и небольшія городскія поселенія посылали одинаковое число представителей; отъ духовенства не было депутатовъ, потому что Екатерина, хотя и старавшаяся показать свою приверженность къ православной религіи, въ глубинѣ, какъ ученица философовъ, видѣла во вліяніи духовенства на народъ лишь вредъ и старалась оградить отъ него народныя силы: въ комиссіи было только одно духовное лицо, являвшееся представителемъ Синода. Отъ Москвы и Петербурга были посланы лица, излюбленныя не населеніемъ, а намѣченныя самой Екатериной. Былъ строго выдержанъ принципъ сословности, и вся масса депутатовъ дѣлилась на дворянъ, купцовъ, сельскихъ обывателей и казаковъ; изъ крестьянъ, разумѣется, были представлены только государственные;

Digitized by Google

крѣпостные, помѣщичьи, по позднѣйшему выраженію Радищева, „мертвые передъ закономъ“ и безправные, не могли имѣть, естественно, ни одного представителя; къ тому же изъ 79 депутатовъ отъ крестьянства было не мало явившихся ex officio, напр., окружныхъ начальниковъ, которыхъ населеніе отправляло по привычкѣ видѣть въ нихъ отвѣтственное лицо. Какъ бы то ни было, эти 564 человѣка представляли собою выразителей народныхъ нуждъ, мнѣній, желаній; важно было то, что Комиссія все же получила живые соки изъ страны. Послѣ того какъ Русское Историческое Общество собрало и издало всѣ относящіеся къ работамъ Комиссіи документы, мы видимъ что депутаты пришли, снабженные отъ избирателей наказами (подобно знаменитымъ впослѣдствіи cahiers депутатовъ въ Генеральныхъ Штатахъ во Франціи), ясно говорившими, что населеніе все же сознательно откликалось на призывъ правительницы. Только три дня почему-то дано было Екатериной населенію для составленія наказовъ и изложенія въ нихъ своихъ желаній; правда, нашелся напр. Муромскій уѣздъ, заявившій, что у него нѣтъ никакихъ требованій, но иные выражали рядъ настойчивыхъ желаній, свидѣтельствуя, что въ странѣ уже пробуждались силы и сознаніе.

Комиссія собралась впервые въ іюнѣ 1767 года, въ Москвѣ, при большомъ торжествѣ и колокольномъ звонѣ, оповѣщавшемъ всѣхъ, что начинается что-то небывалое въ русской исторіи. Главой Комиссіи назначенъ былъ, изъ представленныхъ Екатеринѣ трехъ кандидатовъ, человѣкъ совершенно неспособный руководить дѣломъ нелицепріятно, справедливо, Бибиковъ, оказавшійся послушнымъ оружіемъ въ рукахъ крѣпостниковъ и ненавистниковъ новыхъ началъ, которые, исполняя волю императрицы, все время находились въ глухой оппозиціи и желали по возможности парализовать весь замыселъ.

Кто же заявлялъ и защищалъ въ Комиссіи народныя требованія?

Важно, конечно, было выслушать голосъ крестьянина, но мы знаемъ, насколько случайны бывали его заступники и представители; кромѣ рѣдчайшихъ исключеній, выставлен-

Digitized by Google

ныхъ на пользу народа дворянствомъ, въ классѣ, стоявшемъ между дворянами и крестьянствомъ, среди однодворцевъ, „черносошныхъ крестьянъ“ и „пахотныхъ солдатъ“, нашлись ораторы и дѣятели, взявшіе на себя защиту крестьянскихъ интересовъ. Скоро въ Комиссіи возникли ожесточенные споры на почвѣ самыхъ насущныхъ вопросовъ, и крѣпостники протестовали, осыпали своихъ оппонентовъ укоризнами, порою готовы были кидаться на нихъ, казалось, растерзать; въ дворянскихъ рядахъ выступалъ выказавшій впослѣдствіи немалое дарованіе историка и публициста, кн. Михаилъ Щербатовъ, не позволявшій себѣ впрочемъ рѣзкой вражды по отношенію къ ораторамъ противоположнаго лагеря, какими были, напр, депутатъ отъ дворянства Козловскаго уѣзда Коробьинъ, солдатъ Жеребцовъ, однодворецъ Масловъ, возстававшіе противъ жестокости и несправедливости помѣщичьей власти, ратовавшіе за необходимость освобожденія (подкомиссія „о разборѣ родовъ государственныхъ жителей“ выработала проектъ безземельнаго освобожденія, но и онъ съ негодованіемъ былъ отвергнутъ). Существованіе Комиссіи было недолговѣчно; уже въ 1768 г. она, выдѣливъ изъ себя 15 подкомиссій, стала собираться все рѣже; вспыхнувшая затѣмъ Турецкая война отвлекла часть депутатовъ въ армію; подъ этимъ предлогомъ работы были пріостановлены и начавшая свою дѣятельность такъ эффектно, никогда не закрытая Екатериной, Комиссія замерла, не принеся никакихъ существенныхъ результатовъ.

Правда, въ позднѣйшихъ мѣропріятіяхъ императрицы можно найти нѣкоторые отголоски работъ Комиссіи, но не для этого собирали ее и рекламировали, и составляли такое блестящее руководство.

„Наказъ“ не былъ никогда взятъ назадъ или отвергнутъ, слава сѣверной Семирамиды до конца царствованія опиралась на него, но гдѣ же было исполненіе широкихъ обѣщаній? Или это были лишь красивыя слова?

Немного было людей, вызывавшихъ Екатерину на объясненіе ея истинныхъ намѣреній; особенно рельефно вырисовывается выступленіе Дидро, прибывшаго въ Петербургъ послѣ долгихъ и настойчивыхъ приглашеній, но опоздав-

Digitized by Google

шаго пріѣздомъ (то было уже послѣ пугачевщины) и съ изумленіемъ смотрѣвшаго на ту, въ которую онъ вѣрилъ еще такъ недавно.

Въ „Запискахъ“ Дашковой сохранился разсказъ объ одномъ изъ ея разговоровъ съ Дидро еще во Франціи, когда эта выдающаяся русская женщина приводила своему собесѣднику „государственныя“ соображенія, дѣлающія невозможнымъ быстрое освобожденіе крестьянъ; внѣ себя метался онъ, какъ раненый звѣрь, по комнатѣ, предаваясь отчаянью, такъ какъ въ мнѣніяхъ Дашковой слышался ему голосъ самой Екатерины. Сторонникъ русскихъ рабовъ не измѣнилъ своего мнѣнія, и такъ горячо говорилъ въ Петербургѣ съ императрицей, въ пылу бесѣды забывая разницу положеній и осыпая укорами, настойчиво вызывая снять маску и показать свое истинное лицо Европѣ. Въ библіотекѣ Дидро, купленной Екатериной и находящейся въ Петербургѣ, найдена запись одного изъ діалоговъ философа и императрицы подъ заглавіемъ „de la Commission“. Здѣсь, напоминая ей данныя ею обѣщанія въ „Наказѣ“, онъ твердо и опредѣленно спрашивалъ, какъ же надо смотрѣть на нихъ: ждать ли ихъ осуществленія или отнестись къ нимъ, какъ къ красивымъ словамъ, не влекущимъ за собою дѣлъ.

Такія напоминанія были, конечно, тягостны для Екатерины, но умудренная государственнымъ опытомъ, она возражала: „Вы, философы, работаете на бумагѣ, — она все стерпитъ, мы же, правители, должны работать на кожѣ людской,—она очень щекотлива“.

Диссонансы въ празленіи Екатерины стали сказываться уже къ 70-мъ годамъ. Мало-по-малу стало сознаваться, что намѣренія никогда не будутъ выполнены. Терпимость и попустительство, установившіяся съ первыхъ дней царствованія, свобода выѣзда за границу и возможность тамъ припадать къ источникамъ знанія будили сознаніе въ русскомъ обществѣ, заставляя его просыпаться, въ умахъ закипѣла работа; она опережала либеральные планы императрицы, возбуждала въ ней ревнивую подозрительность, вызывавшую мѣры, направленныя къ обузданію развивающейся мысли и литературы, которая возникла и развивалась не все по ея

Digitized by Google

предписанію, но совпала хронологически и рано перестала слушать свою повелительницу. Сначала Екатерина съ ней полемизируетъ, потомъ выступаетъ съ запрещеніями и наконецъ даетъ широко развиться реакціи. Въ этомъ трагедія ея царствованія. Но бездна раскроется позднѣе; пока ея еще не замѣтно, сквозятъ лишь намеки возможнаго будущаго.

Способность Екатерины привлекать къ себѣ людей, производить на нихъ чарующее, обаятельное впечатлѣніе, помогала ей имѣть друзей и поддерживать отношенія съ цѣлымъ рядомъ выдающихся людей Запада; но болѣе Вольтера или Дидро къ ней подошелъ Мельхіоръ Гриммъ; предпріимчивый наперсникъ философовъ, живой и бойкій журналистъ, издатель „Correspondance littéraire", просвѣтитель и житейскій искусникъ, онъ оказался очень пригоднымъ для нея человѣкомъ, какъ живой посредникъ между нею и передовой Франціей. Дважды пріѣзжавшій въ Россію, онъ вступилъ подъ конецъ на русскую дипломатическую службу и вообще былъ обласканъ императрицей. Но такихъ людей, какъ Даламберъ, строгій, неподкупный, не могли обольстить никакіе посулы; Даламбера не прельстилъ зовъ стать воспитателемъ сына той правительницы, о чьей исторіи восшествія на престолъ онъ зналъ по слухамъ, зналъ о „внезапной смерти" Петра III и не желалъ имѣть съ нею какихъ либо сношеній.

Но такихъ людей было немного.

Несоотвѣтствіе и частныя противорѣчія между словомъ и дѣломъ—характерная черта Екатерининскаго просвѣтительства. Въ Екатеринѣ уживались съ одной стороны идеи, полныя преданности заботамъ о народномъ благѣ, принципы гуманности, стремленіе къ насажденію свободы въ странѣ, заботы о просвѣщеніи массъ,—съ другой—осторожное, недовѣрчивое, подчасъ почти враждебное отношеніе къ дѣлу, едва являлась необходимость приняться за осуществленіе сдѣланныхъ ею во всеуслышаніе заявленій, къ которымъ съ интересомъ прислушивались въ то время на Западѣ, когда вся просвѣщенная и культурная Европа смотрѣла на Россію, какъ на міровую арену, на которой разыграется

Digitized by Google

грандіозная освободительно-культурная работа на пользу милліоновъ порабощенныхъ людей.

Въ революціонномъ предпріятіи, которое возвело Екатерину на престолъ, и въ которомъ немалая доля агитаціи въ собственную пользу принадлежала самой императрицѣ— большую роль сыграло дворянство. Выгоды же и благосостояніе послѣдняго покоились всецѣло на рабовладѣніи. Нельзя было обездолить дворянъ, лишивъ ихъ матеріальной опоры. Екатерина, чувствуя себя до нѣкоторой степени обязанной передъ дворянскимъ сословіемъ, блюла его интересы и даже запретила крестьянамъ подавать жалобы на жестокое обращеніе съ ними помѣщиковъ. Но горькая участь крестьянъ и столкновенія часто не обходились безъ эксцессовъ; жестокость доходила иногда до звѣрства и мучительства, какъ это было въ дѣлѣ знаменитой Салтычихи, помѣщицы, наслаждавшейся муками своихъ жертвъ, ихъ истязаніями,— тогда, естественно, гуманная просвѣтительница, ученица Вольтера и Дидро, должна была негодовать, возмущаться и выступать на защиту.

Въ противовѣсъ, однако, мы знаемъ, что она была глубоко возмущена, прочитавъ въ Радищевскомъ „Путешествіи изъ Петербурга въ Москву“ описаніе возмущенія крестьянъ противъ помѣщика-тирана; въ главѣ: „Зайцево“ самовластіе, жестокость и распутство помѣщика, вышедшаго изъ низкаго состоянія, дослужившагося до асессора, получившаго права рабовладѣльца и предавшагося всѣмъ влеченіямъ хищника-плантатора, довели до отчаянія крестьянъ, которые расправились съ нимъ и его дѣтьми, не отстававшими въ мучительствѣ отъ отца, и убили ихъ.

Напуганная смѣлостью обличенія Екатерина особенно осудила Радищева за это вѣрное изображеніе жизни; ей чудился чуть не призывъ къ открытому возстанію, къ революціи, и государыня, писавшая гуманныя правила Наказа, признала Радищева „мартинистомъ, бунтовщикомъ, не хуже Пугачева“.

Безумная раздача во вторую половину царствованія десятковъ тысячъ крестьянъ въ неволю, раздариванье цѣлыхъ помѣстій своимъ фаворитамъ въ странѣ, которая раньше не

Digitized by Google

знала крѣпостного права, въ вольной Малороссіи,—еще одно вопіющее расхожденіе дѣла съ хорошими, казалось, заставлявшими вѣрить въ лучшее будущее, обѣщаніями.

Прислушиваясь къ очереднымъ вопросамъ времени, Екатерина внимательно отнеслась и къ важному вопросу о воспитаніи, которое, какъ исповѣдывалось тогда многими авторитетными мыслителями, призвано было „создать новую породу людей", свободныхъ отъ предразсудковъ и задерживающихъ вредныхъ вліяній стараго строя.

Ближайшій поводъ къ тому представился въ семейномъ ея кругу; приходилось позаботиться объ образованіи дѣтей Павла—великихъ князей Александра и Константина. Свои мысли и соображенія по педагогическимъ вопросамъ Екатерина выразила въ наставленіяхъ для руководства избраннымъ ею воспитателямъ великихъ князей, и, подобно тому какъ раньше Беккарія и Монтескье давали ей матеріалъ своими произведеніями при составленіи Наказа, такъ и теперь дѣло не обошлось безъ авторитетовъ,—въ лицѣ Монтеня, Локка (его трактатъ „О воспитаніи" былъ изданъ въ переводѣ еще Поповскимъ въ 1760 г.) и нѣмецкихъ педагоговъ Кампе и Базедова.

„Инструкція" Екатерины главному воспитателю Салтыкову носитъ на себѣ слѣды этихъ вліяній. Императрица писала для внуковъ нравоучительныя сказки, составила небольшой сборникъ русскихъ пословицъ и обширныя Записки по русской исторіи, но эта дѣятельность ея не выходила за предѣлы дворца, не попадала въ общую школу, не шла къ народнымъ массамъ.

Послѣ Салтыкова воспитаніе Александра было передано Екатериной швейцарцу Лагарпу, на котораго ей указали ея западные друзья (Гриммъ). Онъ пріѣхалъ въ Россію, полный республиканскихъ убѣжденій, выгодно выдѣлялся изъ екатерининской придворной среды, которая косилась на него, доносила Екатеринѣ о его вольнодумствѣ, но императрица долго не обращала вниманія на это и благосклонно относилась къ нему. Свою роль воспитателя онъ велъ независимо и старался привить воспитанникамъ любовь къ свободѣ; Екатерина удалила его лишь послѣ того, какъ Ла-

Digitized by Google

гарпъ принялъ горячее участіе въ образованіи Гельветической республики, образовавшейся на его родинѣ подъ вліяніемъ Франціи.

Но какъ ни свободно проведено было это воспитаніе, оно касалось только двухъ юношей въ огромной темной странѣ. Въ общихъ задачахъ народнаго воспитанія она или останавливалась на отдѣльныхъ частныхъ вопросахъ или, намѣчая широкія, основныя темы, отступала передъ сложностью и трудностью выполненія. Такъ Бецкій помогъ ей въ задуманной организаціи женскаго образованія, и она положила основу дѣлу, о которомъ, конечно, не думали никто изъ ея предшественниковъ и предшественницъ, и Смольный Монастырь, превратившійся въ учебное заведеніе для обученія „благородныхъ дѣвицъ" сталъ первою большою закрытою женскою школой. Екатерина передала Дидро въ Петербургѣ проектъ организаціи женскаго образованія, прося его просмотрѣть и высказаться. Доѣхавъ до Голландіи, онъ читалъ тамъ корректуры этихъ уставовъ, внесъ въ нихъ соотвѣтственныя измѣненія, заинтересованный Екатерининскимъ починомъ. Но въ какой степени и здѣсь охранительныя соображенія останавливали дѣло на полу-пути, видно изъ характеристической частности, которая всегда останется страннымъ недочетомъ реформы. Дидро, не останавливавшійся ни передъ какими полезными новшествами, препроводилъ Екатринѣ, въ поддержку и развитіе устава, свою записку (найденную въ наше время), какъ бы введеніе, прологъ къ исторіи женскаго медицинскаго образованія въ Россіи. Горячо совѣтуя ввести въ воспитаніе женщинъ изученіе медицины, онъ указалъ на лицо, которое могло бы принести большую пользу при организаціи дѣла—на необыкновенно свѣдущую, поражавшую медиковъ и пріѣзжихъ иноземцевъ, передъ которыми академія щеголяла ея работами, удивительно выполненными анатомическими препаратами—дѣвицу Біеронъ. Она посвятила всю жизнь, всѣ свои интересы, пропагандѣ врачебныхъ знаній, исходя изъ взгляда, которому Дидро всецѣло сочувствовалъ, что изученіе медицины освободитъ женскій умъ отъ тайнъ, ошибокъ и невѣдѣнія человѣческой природы, постоянно сопровождавшаго жизнь женщины, при-

Digitized by Google

нося ей много вреда. Дидро указывалъ на то, что во Франціи движеніе въ этомъ направленіи все усиливается; г-жа Біеронъ читала рядъ публичныхъ курсовъ, отдѣльно для мужчинъ и для женщинъ. Дидро и его товарищи, люди пожилые, садились на скамьи и учились у нея, подобно тому, какъ Дидро въ старости три года посѣщалъ оригинальные, полные большого интереса курсы профессора Руэлля, изъ чьей школы вышелъ потомъ истинный основатель химіи, Лавуазье. На курсы анатоміи, благодаря энергіи и искусству умной женщины приходили и дѣвушки и замужнія женщины; Дидро послалъ туда свою дочь, и могъ только похвалить результаты, достигнутые этимъ въ ея развитіи. Г-жа Біеронъ ѣздила въ Англію, гдѣ положила основаніе врачебно-педагогическому дѣлу,—она готова была пріѣхать въ Россію, не спрашивая никакого вознагражденія, приложить и у насъ свой организаторскій талантъ; коллекціи своихъ препаратовъ она принесетъ въ даръ институту, но въ немъ серьезно надо ввести медицину въ планъ преподаванія. На этотъ горячо написанный вызовъ („sur l'école des jeunes demoiselles"). Дидро не получилъ никакого отвѣта. Проектъ оставленъ былъ безъ всякаго вниманія. Восхвалявшійся просвѣщенный абсолютизмъ уклонился отъ введенія слишкомъ радикальной мѣры. Женское медицинское образованіе долго еще должно было ждать своего осуществленія и введено было не правительственнымъ путемъ, а по иниціативѣ общественной.

Но имя Дидро, какъ составителя примѣчательныхъ „русскихъ проектовъ" связано съ широкимъ планомъ „Университета для Россіи", т. е. системы всенароднаго образованія, начиная съ элементарнаго обученія, переходя къ гимназіи и заканчиваясь высшей школой; Екатерина, казалось, сочувствовала ему, готовая примѣнять его совѣты. И въ Петербургѣ, и вернувшись въ Парижъ, Дидро работалъ надъ этимъ проектомъ, привлекъ къ участію въ немъ спеціалистовъ, первые научные авторитеты современности, чтобы придать народному просвѣщенію въ Россіи прочную и истинно-культурную основу; сообразно послѣднимъ завоеваніямъ и указаніямъ науки образованіе русскаго народа представлялось ему въ формѣ даровой и обязательной шко-

Digitized by Google

лы. Программа средней школы освобождена отъ обремененія несущественной работой и даетъ все, что насущно, необходимо и приложимо къ русской жизни. Но настоящее раздолье для просвѣтительныхъ требованій въ программѣ университета. Для каждой науки указаны способы ея введенія, направленіе работъ, основныя руководства, которыя должны быть приняты во вниманіе; сначала это будутъ переводныя работы лучшихъ европейскихъ ученыхъ, потомъ должна явиться своя педагогическая литература. Дидро подъ конецъ жизни, сосредоточившійся на изученіи естествознанія, тщательно разработалъ его программы; онъ обращался къ Даламберу и другимъ сотрудникамъ-энциклопедистамъ, заручился ихъ совѣтами и указаніями для того, чтобы русская народная среда была обезпечена широкимъ притокомъ истинной науки. Медицина является также особымъ предметомъ его заботъ; будущность врачебной науки въ Россіи представлялась ему весьма важной по разнымъ причинамъ, хотя бы потому, что для анатомическихъ работъ холодный климатъ, дольше сохраняющій трупы и облегчающій вивисекцію, можетъ дать преимущество передъ развитіемъ того же дѣла въ другихъ странахъ. Въ насажденіи науки права въ странѣ произвола, при Екатеринѣ, желающей укрѣпиться въ духѣ справедливости и законности, все лучшее, что добыто движеніемъ западнымъ въ этой области, пересаживаетъ онъ на русскую почву. Есть заботы и о богословскомъ факультетѣ—какой дѣйствительно предполагался одно время при московскомъ университетѣ. Свободомыслящій Дидро исходилъ изъ того взгляда, что въ странѣ или можно не имѣть совсѣмъ священниковъ, или же имѣть хорошихъ, и желалъ, чтобы богословскій факультетъ былъ поставленъ на разумныхъ основаніяхъ, которыми гнетъ клерикализма, предразсудковъ и суевѣрій былъ бы парализованъ. Посылка русскихъ молодыхъ людей за границу (именно въ Англію), чтобы подготовить профессоровъ для богословскаго факультета стоитъ въ связи съ этимъ намѣреніемъ. Мечтательный, довѣрчивый къ силѣ слова, дѣйствію мысли, Дидро хотѣлъ связать будущихъ профессоровъ приносимой ими четыре раза въ годъ присягой въ томъ, что они будутъ передавать

Digitized by Google

слушателямъ только истину, тогда какъ богословамъ желалъ вмѣнить въ обязанность заканчивать каждый курсъ лекціями о свободѣ совѣсти. Въ „планѣ Университета“ русскому языку и литературѣ отведено почетное мѣсто; историческій курсъ долженъ также начинаться съ исторіи родной земли. Молодому русскому искусству онъ указываетъ самостоятельный путь служенія возвышеннымъ, облагораживающимъ цѣлямъ. Таковъ духъ, проникающій это великолѣпное созданіе чужестранца-философа, явившагося другомъ русскаго народа и вмѣсто русскихъ же ревнителей просвѣщенія съ честью поработавшаго для народнаго блага. Теоретически многое, быть можетъ, привлекало въ немъ Екатерину. Это былъ прекрасный отвѣтъ на сдѣланный ею же вызовъ. Но изъ образовательнаго плана Дидро ничего не вошло въ русскую жизнь.

Что же было сдѣлано императрицей въ дѣлѣ народнаго образованія?

Представленный Григоріемъ Тепловымъ проектъ всеобщаго, обязательнаго и дарового обученія не былъ приведенъ въ исполненіе и остался лишь красивымъ „словомъ“, какъ и многія заявленія того времени. Во вторую половину царствованія, Екатерина, хотя и не дала существеннаго хода развитію народной школы, но, увидавъ укоряющій примѣръ въ дѣятельности гуманнаго Іосифа II, въ его заботахъ объ образованіи народа въ Австріи, выписала изъ Новой Сербіи (австрійской провинціи) славянина Янковича де-Миріево, которому было поручено открывать въ Россіи школы и составлять для нихъ учебники. Чужой, пришлый, хотя и усердный педагогъ—Янковичъ не зналъ основательно русскаго языка и условій русской жизни и не могъ быть вполнѣ пригоднымъ. Получалось нѣчто уродливое и урѣзанное. Между тѣмъ стремленіе и сознаніе необходимости широкой организаціи школьнаго дѣла задолго до Екатерины, еще въ Петровскую эпоху, жило въ умахъ лучшихъ людей. Бодрымъ сознаніемъ всеобщаго пробужденія силъ вѣетъ отъ личности Ив. Посошкова. Онъ чутьемъ дошелъ до цѣлаго ряда просвѣтительныхъ заявленій и требованій, указывалъ на необходимость основать „великую всѣхъ наукъ Академію“

Digitized by Google

(подъ которой разумѣлъ университетъ), создать среднее образованіе, дающее молодымъ поколѣніямъ возможно болѣе практическихъ свѣдѣній, и „учинить такъ, чтобы и въ малой деревнѣ были грамотные люди и имъ безотложно отдавали учиться дѣтей, тогда черезъ 3—4 года не останется уже ни одного безграмотнаго въ народѣ". Безъ всякой философіи, безъ мудреныхъ идей, приведенныхъ въ систему, давно слышались уже подобныя рѣчи: когда же настала пора просвѣтительства, сдѣлано было немного...

Нѣмцы, французы, англичане—цѣлый цвѣтникъ идейныхъ писателей въ умѣломъ переложеніи государыни-философа и... безпросвѣтное невѣжество массъ.

Екатерина очень гордилась учрежденіемъ „Приказовъ общественнаго призрѣнія", которые лишь къ 60-мъ годамъ XIX-го столѣтія окончили свое существованіе. По мысли Екатерины они должны были являться центромъ заботъ о неимущихъ, обездоленныхъ, сиротахъ. На дѣлѣ они обратились въ чиновничьи учрежденія съ процвѣтаніемъ въ нихъ лихоимства, взяточничества и всякихъ несправедливостей.

Жалованныя грамоты дворянству и городамъ явились лучомъ свѣта, исключеніемъ изъ разлада между словомъ и дѣломъ. Дворянство и города получили извѣстное самоуправленіе; это было хоть что-нибудь осязательное. Дворянство стало первенствующимъ сословіемъ, ему были переданы нѣкоторыя функціи правительственныя, но одновременно это усиливало дѣленіе на касты; привилегіи были даны одному лишь классу,—подобное выдѣленіе не должно бы, казалось, существовать въ нормальномъ государствѣ.

Екатерина любила прибѣгать къ суду Европы, любила выступать передъ нею въ качествѣ энергичнаго проводника просвѣтительныхъ идей. Такъ въ своей брошюрѣ, теперь представляющей библіографическую рѣдкость: „Lettres d' un Scyte franc et loyal", изданной въ Амстердамѣ въ 1771 году въ видѣ писемъ къ редактору очень распространеннаго журнала, Екатерина отъ имени „прямодушнаго скиѳа" настаивала на заявленіяхъ „Антидота" и опредѣленно подтверждала свою приверженность просвѣщенію.

Если при Петрѣ Посошковъ, сумѣвшій вѣрно и глубоко

Digitized by Google

подмѣтить разладъ тогдашней общественной массы съ правительствомъ, восклицалъ: „Какъ дѣлу спорымъ быть?.. Нашъ императоръ самъ десять въ гору тянетъ, а милліоны подъ гору тянутъ“, то за долгій промежутокъ, послѣ Петра и до Екатерининской поры, уже не десятки, а сотни людей „потянули въ гору“; когда же на престолъ вступила Екатерина, послышался хоръ голосовъ, полный надеждъ на осуществленіе завѣтныхъ желаній лучшихъ людей страны, императрицей все же было отпущено немного воли, возможности свободнѣе мыслить, пытаться осуществлять общественныя идеи, и это показалось уже современникамъ чѣмъ-то очень замѣтнымъ, заманчиво обѣщавшимъ еще болѣе свѣтлыя дѣянія.

Когда люди, хотя бы въ своей личной жизни, почувствовали себя привольнѣе, должна была создаться атмосфера, сильно содѣйствовавшая проявленію и развитію самостоятельности. И общественно-культурныя силы стали собираться, готовиться къ работѣ. Екатерину вначалѣ называли „матерью отечества“—думалось ли, что въ концѣ царствованія она станетъ гонительницей идей, которымъ служила!

Проявляя извѣстную терпимость къ свободной мысли, Екатерина, напр., въ дѣлѣ Николева, написавшаго трагедію „Сорена“ на политическую тему, будто бы изъ исторіи полоцкаго княжества, и обвинявшагося въ государственной измѣнѣ, когда послышались требованія покарать его, — великодушно отвѣчала: „Здѣсь возстаютъ противъ тирановъ, вы же называете меня „матерью отечества“,—я на свой счетъ принять этого не могу“, но нѣсколько лѣтъ спустя трагедію Княжнина „Вадимъ“, написанную въ томъ же духѣ, но явившуюся уже послѣ французской революціи, она подвергла запрещенію; книга, гдѣ она была напечатана, была сожжена, немилость постигла Дашкову, съ вѣдома которой пьеса включена была въ „Россійскаго Ѳеатръ“, Княжнинъ же, умершій до появленія „Вадима“, спасенъ былъ смертью отъ великой кары.

Соединеніе въ одномъ лицѣ правителя и писателя, да еще такого разносторонняго, какимъ была Екатерина, встрѣчается довольно рѣдко. Въ восходящей линіи русскихъ

Digitized by Google

правителей было два подобныхъ примѣра, Иванъ Грозный и Петръ Великій. То, что осталось отъ писаній Грознаго, характеризуетъ его, какъ человѣка съ недюжиннымъ умомъ, оригинальностью, сильнымъ проявленіемъ воли, съ большимъ запасомъ обличительнаго задора и полемическихъ пріемовъ. Таковы его „Посланіе въ Бѣлозерскій монастырь“ и „Письма къ Курбскому“. Что касается Петра, то написанное имъ указываетъ прежде всего на неуклонное желаніе отстаивать то новое, что онъ проводилъ. Петръ берется за перо, чтобы осмѣять противниковъ вводимыхъ имъ реформъ; въ особенности подъ видомъ членовъ „всепьянѣйшаго и всешутѣйшаго собора“, въ его противленіи новому порядку, выведены нѣкоторые члены церковной іерархіи; нападки эти отмѣчены массой задора и вызывающей силы. Берется онъ за перо и тогда, когда ему приходится отстаивать свою политику противъ нападокъ западныхъ публицистовъ. Чтобы опровергнуть несправедливыя сужденія одного шведскаго публициста, вице-канцлеромъ барономъ Шафировымъ было написано: „Разсужденіе о причинахъ войны съ Карломъ XII“ (1717 г.) по приказанію Петра, подъ его непосредственнымъ руководствомъ, а нѣкоторыя мѣста и заключеніе въ немъ написаны самимъ Петромъ.

Какимъ представляется необыкновенно оживленное и разнообразное писательство Екатерины на большомъ историческомъ отдаленіи?

Что сама она смотрѣла на себя, какъ на исключительную натуру, существо необыкновенно богато-одаренное, что въ ней таилась большая доля самовлюбленности, самонадѣянности,—не подлежитъ сомнѣнію.

Хотя она необыкновенно много писала, можно ли, по справедливости, говорить объ екатерининской литературѣ, основываясь при томъ на главенствующей роли, которую она хотѣла себѣ приписать? Значеніе это, вначалѣ, быть можетъ, устанавливавшееся, потомъ было совершенно утрачено, и то знаменательное и важное, что было сдѣлано въ ея время, создалось независимо отъ нея, переросло ее, стало казаться ей враждебнымъ.

Digitized by Google

Въ области литературы она такъ же склонна была руководящую роль взять на себя, какъ сдѣлала это въ жизни общественной и государственной. Это было тоже своего рода стремленіе къ единодержавію, которое пыталось все нормировать, всѣмъ управлять. Любопытно ея заявленіе, касательно театра, которому она такъ много послужила: „театръ— школа народная, я въ ней учитель, и за дѣло свое въ ней дамъ отвѣтъ Богу", говорила она. Дѣло, конечно, идетъ о театрѣ, какъ о такой народной школѣ, въ которой развивается и крѣпнетъ просвѣщеніе. Въ ней одинъ учитель, сотрудники же повторяютъ внушенія, которыя она имъ даетъ. Опасна была бы такая зависимость. Для роли такого руководителя требуется, чтобы онъ внесъ въ свою дѣятельность цѣльность и послѣдовательность взглядовъ. Что будетъ, если въ убѣжденіяхъ учителя, подобно тому, какъ это случилось съ Екатериной, произойдетъ коренная перемѣна и многое будетъ взято назадъ? Тогда единодержавіе въ литературѣ явится коварнымъ, опаснымъ.

Фридрихъ II Прусскій, не менѣе Екатерины связанный съ просвѣтительнымъ движеніемъ, и притомъ, какъ писатель, сильно офранцуженный, не обременилъ своимъ вмѣшательствомъ развитіе нѣмецкой литературы и въ брошюрѣ своей „De la littérature allemande" высказалъ мнѣніе, что „самое лучшее, что онъ сдѣлалъ для нѣмецкой словесности, было именно то, что онъ предоставилъ ее самой себѣ", и она, дѣйствительно, широко развилась въ его вѣкъ. Екатерина, какъ писательница, далеко превзойдена была выдвинувшимися въ ея время чрезвычайно одаренными русскими людьми: Державинымъ, Новиковымъ, Фонвизинымъ, Радищевымъ. Правда, она сознавала порой не слишкомъ большую силу своего писательства; есть ея признаніе, обращенное къ Мельхіору Гримму, который былъ „persona grata" при русскомъ дворѣ; она говорила ему, что писательство даетъ удовлетвореніе лишь ей самой, но эти слова шли въ разрѣзъ съ тѣмъ стремленіемъ къ учительству, которое таилось въ ней. Ей поневолѣ приходилось искать выхода изъ создавшагося положенія; она чувствовала, что около нея выростали и ее переросли настоящіе литературные таланты.

Digitized by Google

Пришла скоро пора, когда литература уже ея не слушалась, шла своими путями.

Несомнѣнно Екатерина изучала жизнь, бытъ, обладала наблюдательностью и остроуміемъ, очень любила изображать буржуазію, чиновниковъ, помѣщиковъ, женскій міръ схватывала цѣлыя сценки и переносила ихъ въ свои комедіи, пользовалась всякимъ случаемъ, чтобы замѣшаться въ бытовую подлинную жизнь, которую, на разстояніи, трудно было наблюдать изъ оконъ Зимняго Дворца. Ея путешествія по Россіи являлись способомъ такого изученія, и во время ихъ было собрано многое изъ того, что позднѣе отразилось въ ея произведеніяхъ. Утренніе пріемы во дворцѣ, въ теченіе которыхъ она принимала различныхъ просителей, давали ей также матеріалъ въ этомъ отношеніи, и Екатерина запоминала все, что ей доводилось слышать и видѣть; порой она стремилась запечатлѣть подмѣченное, характерное, использовать въ комедіи, въ набросанной сценкѣ. На тему, возникшую у нея, она поручала написать стихи для комической оперы Храповицкому или обращалась съ подобной же просьбой къ Козицкому, соредактору и офиціальному издателю „Всякой всячины“.

Тщательнымъ изученіемъ екатерининскихъ бумагъ, оставленныхъ ею черновиковъ, въ послѣднее время, вопреки долго державшемуся мнѣнію, будто доля ея въ сочиненіи текста для комическихъ оперъ была минимальной, установлено, что работа ея была гораздо болѣе значительна и обширна. Большимъ талантомъ судьба ее не наградила, но умѣнье схватывать отдѣльныя черты, наличность юмора, разносторонность ума, мѣткія порой замѣчанія, мысли, большая литературность,—у Екатерины на лицо. Ей часто принадлежалъ починъ; потомъ уже пойдутъ по ея слѣдамъ иныя силы и принесутъ съ собой новое, еще болѣе цѣнное и глубокое.

На Западѣ образцами для комическихъ оперъ Екатерины могли служить такія произведенія, какъ пьеса Ж. Ж. Руссо „Деревенскій знахарь“ („Le devin du village“), къ которой онъ же написалъ и музыку. Хотя въ художественномъ отношеніи оперы Екатерины не представляли собой ничего выдающагося, заслуга ихъ въ томъ, что въ нихъ вводится

Digitized by Google

народный элементъ, и въ самой обстановкѣ и въ хоровыхъ, обрядовыхъ пѣсняхъ, который со временемъ усилится и разовьется въ творчествѣ писателей-народниковъ, глубже принявшихся за изученіе народнаго быта.

Въ концѣ 60-хъ гг. начинается въ русской литературной жизни полоса сатирической журналистики. За три года до „Всякой всячины" появился, сборникъ словно прологъ къ возникновенію у насъ въ Россіи сатирическихъ журналовъ; книга эта была составлена изъ переводовъ, сдѣланныхъ Сичкаревымъ, взявшимъ матеріалъ изъ лучшихъ англійскихъ сатирическихъ журналовъ, которые до сихъ поръ сохранили свѣжесть и остроту злободневности. На Западѣ къ 20-мъ годамъ столѣтія насчитывалось около 200 сатирическихъ журналовъ, во главѣ которыхъ, какъ образцы, стояли изданія Стиля и Аддисона: „Болтунъ", „Зритель" и „Опекунъ".

Русская сатирическая журналистика запоздала болѣе чѣмъ на полстолѣтія противъ западной. Вначалѣ очень неопытная, она вполнѣ руководилась примѣрами и указаніями образцовъ, но если „Всякая всячина" на первыхъ порахъ шла за чужой указкой въ пріемахъ, она вводила русское содержаніе и этимъ давала нѣкоторую возможность обличать недочеты русской жизни.

Насмѣшка была все же мягка, не имѣла опредѣленнаго характера; недаромъ „Всякая всячина" подверглась нападкамъ со стороны болѣе радикальной новиковской группы сатириковъ-журналистовъ. Если вокругъ „Всякой всячины" въ теченіе семи лѣтъ (1769—75 г.) образовалось значительное потомство, то среди него были смѣльчаки, которые пошли по этому пути дальше и глубже Екатерины.

Новиковъ въ своихъ журналахъ, „Трутень", „Живописецъ" и „Кошелекъ", первый проявилъ непослушаніе поданному примѣру. „Всякая всячина", какъ ворчливая бабушка, сначала жаловалась, что ея не слушаются, потомъ стала гнѣваться, вдалась въ раздраженную полемику. Екатерина должна была снести это проявленіе независимости; первенство осталось не за ней.

Когда „Всякая всячина" была основана въ 1769 г., имя

Digitized by Google

Екатерины было тщательно скрыто отъ публики, отвѣтственнымъ лицомъ считался Козицкій. Хотя писательство Екатерины не было ни для кого секретомъ, всѣ дѣлали видъ, что не замѣчаютъ ея авторства, и анонимность соблюдалась. Когда Новиковъ начиналъ свой „Живописецъ", онъ открылъ его посвященіемъ „господину сочинителю комедіи: „О время", вызывая автора славной комедіи, въ которомъ видѣлъ даже мольеровскій талантъ, открыть свое имя, смѣло выступить передъ обществомъ, протягивалъ ему руку, чтобы вмѣстѣ итти къ работѣ русскаго обновленія, словно ожидая поддержки. Екатерина отвѣтила очень сочувственно, но все же скоро ихъ пути разошлись.

Три журнала Аддисона и Стиля такъ пришлись по вкусу большой массѣ англійскаго обывательства, что узаконили существованіе сатирической журналистики, а въ остальной Европѣ породили огромное количество подражаній. Это не были журналы юмористическіе въ позднѣйшемъ значеніи слова. Въ Германіи потомъ называли подражанія имъ „нравоучительными изданіями" (Moralische Zeitschriften); они были безъ моральной проповѣди, но въ огромной массѣ читающей публики росло убѣжденіе, что двигатели и участники такого изданія люди глубоко-порядочные, сторонники передовыхъ принциповъ, защитники общественныхъ интересовъ. Положеніе „Спектатора", лучшаго изъ англійскихъ журналовъ, было въ особенности почетнымъ. Для того, чтобы рядовой читатель сжился и свыкся съ основными стремленіями журнала, его редакторы придумали оригинальную инсценировку своихъ бытовыхъ изображеній; группа друзей изъ всѣхъ слоевъ англійскаго общества—дворянства, финансовой буржуазной среды изъ военнаго міра, сходятся, словно члены какого-нибудь клуба, и обмѣниваются мыслями и впечатлѣніями, только что вынесенными. Характеры очерчены превосходно, въ особенности сэръ Роджеръ де-Коверлей, старый баронетъ живущій въ Лондонѣ, а лѣтомъ пріѣзжающій въ провинцію, гдѣ онъ является популярнымъ въ своей округѣ землевладѣльцемъ. Превосходная обрисовка такихъ фигуръ предвѣщаетъ бытовые романы 18-го вѣка и позднѣйшія творенія Диккенса и Теккерея.

Digitized by Google

Рядомъ съ этой центральной фигурой стоятъ ея спутники, приносящіе изъ жизни всякія свѣдѣнія о происходящемъ въ ихъ средѣ. Ихъ мнѣнія, высказываемыя по самымъ разнообразнымъ вопросамъ, являются не поученіями, а представляютъ собою нѣчто цѣльное и законченное. Особенно выдавались рѣчи и мысли вездѣсущаго, вѣчно-наблюдающаго жизнь, появляющагося въ клубахъ, въ театрахъ, на митингахъ, въ деревнѣ, пристально вглядывающагося—Зрителя, который далъ имя всему журналу.

Статьи изъ „Спектатора" начали переводить очень рано; Миллеръ сдѣлалъ починъ, потомъ Екатерина заимствовала многое для своей „Всякой всячины".

Но не только въ транскрипціяхъ и передѣлкахъ выразилось общеніе съ англійскими и другими иностранными образцами. Передовая группа журналистовъ XVIII в. выказала опредѣленное предпочтеніе общественныхъ, боевыхъ задачъ сатиры.

Въ 1767 году въ Парижѣ вышла книга одного изъ младшихъ членовъ арміи просвѣтителей, Мармонтеля „Bélisaire", возбудившая негодованіе правовѣрныхъ круговъ, такъ какъ авторъ ея, отклоняясь отъ содержанія, взятаго изъ жизни византійскаго полководца, затрогивалъ вопросы принципіальные, о загробномъ возмездіи христіанамъ и не-христіанамъ, какъ въ древнемъ мірѣ, такъ и въ современности, толковалъ его наперекоръ господствующей церкви, и одну главу посвятилъ защитѣ идеи вѣротерпимости. Книга эта вызвала жестокія нападки и порицанія; Парижскій архіепископъ выступилъ противъ нея съ окружнымъ посланіемъ, и она включена была въ Римѣ въ списокъ книгъ запрещенныхъ. Мармонтель былъ признанъ опаснымъ и вреднымъ членомъ общества. Черезъ годъ, въ 1768 г. по Волгѣ плыла галера „Тверь"' несшая на себѣ Екатерину со всѣмъ ея аристократическимъ штабомъ, состоявшимъ, большею частью, изъ галломановъ. Императрица имѣла при себѣ „Велизарія" и вздумала тутъ же раздать по главѣ своимъ приближеннымъ, взявъ одну и на свою долю, для перевода книги, желая сочувственнымъ изданіемъ ея какъ бы бравировать мнѣніе старой Франціи.

Коллективный трудъ, импровизованный и дружно ис-

Digitized by Google

полненный, былъ напечатанъ въ томъ же году и, посвященный архіепископу Гавріилу, одному изъ рѣдкихъ тогда людей среди духовенства, шедшему въ уровень съ вѣкомъ, явился демонстраціей со стороны русской правительницы; эта перестрѣлка заключала въ себѣ немало искусственнаго; но починъ стоитъ быть отмѣченнымъ. Въ русскихъ кругахъ книга была принята съ особымъ интересомъ, потому что ею, наравнѣ съ Наказомъ, какъ будто внушалось думать по новому; на западѣ о русскомъ переводѣ тоже узнали, такъ какъ Екатерина, конечно, постаралась о его распространеніи, пославъ экземпляръ и Мармонтелю, что повлекло за собою переписку съ нимъ.

Этотъ переводъ,—первый русскій литературный трудъ царицы-философа, открываетъ собою отдѣлъ ея заботъ о просвѣщеніи. Въ архивахъ Академіи Наукъ найдены документы, касающіеся дѣятельности общества, основаннаго тогда же Екатериной подъ именемъ „Собранія, старающагося о переводѣ иностранныхъ книгъ", куда входили разнообразныя лица, знающія языки. Интересны точно также сохранившіеся списки книгъ, подлежавшихъ переводу. Раскрыто вмѣстѣ съ тѣмъ задуманное будущимъ великимъ дѣятелемъ просвѣщенія Новиковымъ подспорье екатерининскому замыслу: „Собраніе, старающееся о печатаніи книгъ". Фактъ совпаденія этихъ Обществъ, одного, сдѣлавшаго, въ самомъ дѣлѣ, многое, другого—рано заглохшаго, признакъ—знаменательный для 60-хъ и 70-хъ гг. Замѣтимъ, что въ числѣ переводчиковъ стояли уже такіе, въ будущемъ выдающіеся дѣятели, какъ Новиковъ или Радищевъ.

Отъ переводовъ Екатерина перешла къ самостоятельнымъ литературнымъ трудамъ и съ этого поприща не сходила уже до конца жизни, неустанно скрипѣла перомъ, обогащая и русскую и французскую литературу, по крайней мѣрѣ, количественно. Невольно возникаетъ изумленіе при видѣ массы оставленной ею исписанной бумаги, и рождаются вопросы: когда успѣвала она, занятая правительственными дѣлами, перепискою съ цѣлымъ рядомъ западныхъ мыслителей, замышлять литературныя произведенія, заносить ихъ на бумагу, и какъ велика была ея доля во всѣхъ этихъ

Digitized by Google

трудахъ? Близкое изученіе рукописей показало, что хоть дѣло и не обходилось безъ подручныхъ, о чемъ свидѣтельствуютъ, напр., „Записки“ ея секретаря Храповицкаго, сохранившаго съ благоговѣйной обстоятельностью всѣ разговоры и порученія Екатерины, все же личная доля ея труда была очень велика.

Среди ея произведеній немало французскихъ,—цѣлый рядъ сценическихъ бездѣлицъ, назначенныхъ для театра въ Эрмитажѣ, пьесы, направленныя противъ отдѣльныхъ лицъ, напр., Léon'a Нарышкина,—все это затѣи de passe temps. Русскіе труды были, конечно, содержательнѣе.

Первымъ этапомъ была журналистика, въ которой необходимо различать двѣ эпохи: первая—полная неопытности, содержащая, большею частью, только наброски, заимствованія и передѣлки иностранныхъ образцовъ,—это эпоха „Всякой всячины“; вторая—отдѣленная 14-тью годами отъ первой, не прошедшими безслѣдно для Екатерины, давшими ей много знанія русскаго быта, содержитъ болѣе законченныя произведенія,—это эпоха „Собесѣдника любителей Россійскаго слова“, издававшагося подъ редакціей Дашковой.

Во всякомъ случаѣ, Екатерина, какъ сатирикъ, стояла на недостаточной высотѣ; она усвоила себѣ умѣренный тонъ сатиры, осмѣивавшей общечеловѣческія слабости, не желавшей затронуть непосредственные вопросы русской жизни; но не пошелъ покорно, возникшій вслѣдъ за „Всякой всячиной“ журнально-сатирическій отрядъ; сатира, стремившаяся не карать, а только исправлять, не удовлетворяла. Вмѣстѣ съ Новиковымъ, пролагавшимъ въ своихъ изданіяхъ, начиная съ „Трутня“, путь для дѣятельной борьбы съ русскими темными и возмущающими справедливость сторонами быта и общественнаго строя, устанавливается иное направленіе, вызвавшее полемику со „Всякой всячиной“, и зачинщица дѣла отодвинута была далеко назадъ.

Во второй періодъ своей журналистики Екатерина, накопившая больше опыта, мѣняетъ составъ и духъ своей работы. Въ „Собесѣдникѣ“ (1783) встрѣчаются живыя характеристики (Екатерина вообще не поднялась до созданія типовъ); наиболѣе удачный образъ это—Дѣдушка изъ „Былей и Небы-

Digitized by Google

лицъ", обрисованный живыми чертами, являющійся воплощеніемъ преданности старымъ началамъ; въ прошломъ за нимъ немало всякихъ дѣлъ: и ябеды, и хищничество, теперь онъ живетъ на покоѣ, любитъ поговорить, вспомнить, посравнить, мѣрно течетъ его рѣчь, прерываемая старческимъ кашлемъ: „хэмъ... хэмъ..." Но и ему далеко до сатирическаго типа. Остроуміе и наблюдательность сквозятъ въ другихъ произведеніяхъ Екатерины („Уставъ общества незнающихъ", „Статистика острова Тихомора, находящагося! на правой сторонѣ отъ твердой земли"), но все это опять насмѣшки вообще надъ людьми, надъ ихъ слабостями, уродствами и нескладицей жизни.

Что же сдѣлала императрица-писательница въ области театра, о которомъ она сказала крылатое слово: „театръ—школа, а я въ ней—учитель"?

Въ этой области она была особенно плодотворна, писала и бытовыя комедіи, и полемическія, направленныя противъ отдѣльныхъ группъ и лицъ, и комическія оперы, и историческія драмы, созданныя подъ вліяніемъ Шекспира, наконецъ передѣлки комедій Шекспира, Кальдерона, Шеридана.

Для потомковъ изъ всего этого груза осталось немного, да и оно имѣетъ больше историческую цѣнность.

Украшеніемъ всего драматическаго творчества являются такъ называемыя „Ярославскія комедіи", получившія это имя благодаря помѣткѣ, сдѣланной на нихъ: „сочинена въ Ярославлѣ, 1772 г.". Конечно, трудно предположить, чтобы въ одинъ годъ могли быть выполнены всѣ эти работы, и дата, вѣроятно, относится лишь къ замыслу, но и въ такомъ случаѣ она свидѣтельствуетъ о рѣдкой продуктивности ума Екатерины. Лучшая изъ пьесъ „О, время!" по французски переведенная съ еще болѣе широкимъ заглавіемъ: „O temps! O, moeurs!", такъ много обѣщающая своимъ названіемъ, выдержаннымъ въ ювеналовскомъ тонѣ, но, не захватывая въ возможной полнотѣ картины всего быта, давая лишь рядъ удачныхъ портретовъ, далека отъ того, чтобы учить въ народной школѣ, и не поднимается выше осмѣянія невѣжества и суевѣрій. Поставленная на современной намъ сценѣ въ юбилейные дни Екатерины, она не пробудила никакого от-

Digitized by Google

клика, между тѣмъ какъ Фонвизинскій „Недоросль“ вѣчно живъ.

Въ бытовыхъ комедіяхъ Екатеринѣ удалось дать рядъ удачныхъ характеристикъ; на первомъ планѣ должны быть поставлены женскіе образы, не столько молодыхъ щеголихъ, сколько комическихъ старухъ, носящихъ по обычаю того времени имена, соотвѣтствующія наиболѣе выдающейся чертѣ ихъ характера: г-жи Ворчалкина, Ханжахина, Чудихина, Вѣстникова,—все это живыя лица. Нашли свое изображеніе и птиметры, какъ Фирлюфюшковъ, напоминающій Иванушку изъ „Бригадира“, появившагося за годъ до „Именинъ г-жи Ворчалкиной“; осмѣяно и мнимое просвѣщеніе, и его противоположность—барскіе сынки, недоросли, представленные Николушкой, сыномъ г-жи Чудихиной (не появляющимся на сценѣ; характеристика этого предшественника Митрофанушки заглазная), но эти образы все же уступаютъ комическимъ старухамъ.

Задоромъ и остроуміемъ отмѣчены тѣ комедіи, гдѣ Екатерина переходила отъ нападокъ на человѣческія слабости къ осмѣянію отдѣльныхъ лицъ или группъ, хотя здѣсь она еще дальше отъ намѣченной цѣли быть исправительницей нравовъ, и занимается часто дѣломъ, недостойнымъ просвѣтителя, тѣмъ болѣе, что въ пьесахъ „Шаманъ Сибирскій“, „Обманщикъ“ и „Обольщенный“, направленныхъ противъ масонства, слишкомъ чуждаго ей, раціоналисткѣ, своимъ мистипизмомъ, она совершенно игнорируетъ положительныя черты этого общества и, не задумываясь, ставитъ на одну доску такихъ выдающихся дѣятелей просвѣщенія, какъ Новиковъ и Шварцъ, и шарлатана графа Каліостро, выведеннаго ею въ произведеніи подъ именемъ Калифакджерстона. Тѣ же черты и въ политической сатирѣ, облеченной въ сценическую форму, „Горе-богатырь Косометовичъ, гдѣ героемъ является ея соперникъ, то врагъ, то другъ, король шведскій Густавъ III, который, объявляя войну Россіи, приглашалъ шведскихъ дамъ на балъ въ Петербургъ и сумѣлъ дойти только до Финляндіи.

Отъ комедій она переходитъ къ комическимъ операмъ, музыку къ которымъ писали иностранные композиторы,

Digitized by Google

особенно Сарти; сюжеты брались большею частью изъ народной старины, сказокъ и деревенскаго быта; такъ возникли „Ѳедулъ съ дѣтьми", „Новгородскій богатырь Боеславичъ" (Василій Буслаевъ), „Царь Архидѣичъ" или „Иванъ Царевичъ". Заслугою этихъ оперъ было внесеніе народности на сцену, но какъ и въ другихъ начинаніяхъ, Екатерина была превзойдена въ этомъ вскорѣ своими послѣдователями, и опера Аблесимова, человѣка почти не тронутаго культурой, „Мельникъ, колдунъ, обманщикъ и сватъ" живымъ народнымъ колоритомъ значительно превосходитъ екатерининскія.

Изъ увлеченія Екатерины иностранными драматургами особенно важна ея шекспироманія. До нея въ Россіи былъ извѣстенъ „Гамлетъ" въ передѣлкѣ Сумарокова, представлявшей странную смѣсь различныхъ элементовъ, гдѣ шекспировскаго была лишь минимальная часть, при чемъ имя Шекспира даже не было названо. Екатеринѣ не остался безызвѣстнымъ возродившійся въ Германіи интересъ къ Шекспиру, возбудителемъ котораго явился Іоганнъ Эліасъ Шлегель, тогда какъ переводчикомъ многихъ произведеній—одинъ изъ значительныхъ писателей вѣка, Виландъ.

Но напрасно стали бы мы искать у Екатерины слѣдовъ увлеченія міровыми трагедіями: Гамлетомъ, Лиромъ, Отелло; ее привлекаетъ Шекспиръ, какъ авторъ историческихъ драмъ, какъ несравненный обозрѣватель войнъ Алой и Бѣлой Розы, свободный отъ ложной-классическихъ правилъ, отъ ихъ узкихъ требованій; ей хотѣлось итти по его слѣдамъ, а сознаніе подсказывало трудность этого дѣла, о чемъ свидѣтельствуютъ подзаголовки ея произведеній этого типа: „Вольное, но слабое подраженіе Шакеспиру",—„безъ соблюденія обыкновенныхъ ѳеатральныхъ правилъ". Три пьесы, созданныя ею по этому образцу, имѣютъ сюжетомъ событія первоначальной русской исторіи: 1) „Начальное правленіе Олега", 2) „Рюрикъ", 3) „Игорь". Немало мѣшало, конечно, отсутствіе вѣрныхъ свѣдѣній, хорошихъ источниковъ; все же примѣчательна отвага, проявлявшаяся и въ другихъ замыслахъ подобнаго рода, какъ въ пространныхъ Запискахъ изъ русской исторіи, предназначавшихся для внуковъ Александра и Константина.

Digitized by Google

Шекспиръ-комикъ также увлекалъ ее; нельзя отказать ей въ тонкомъ критическомъ чутьѣ, позволившемъ изъ всей массы его комедій съ наибольшимъ вниманіемъ отнестись къ немногимъ, носящимъ въ себѣ черты истиннаго англійскаго быта,—„Виндзорскія проказницы", пьеса связанная съ „Генрихомъ IV-мъ" общимъ дѣйствующимъ лицомъ—сэромъ Джономъ Фольстафомъ, обратившимъ уже сцены ему посвященныя въ „Генрихѣ IV-мъ" въ превосходную комедію, возникшая по желанію королевы Елизаветы увидѣть этого хвастуна, лгуна и храбреца на словахъ въ роли влюбленнаго, „Виндзорскія проказницы" остановили на себѣ ея вниманіе и вызвали переработку съ нѣсколько страннымъ названіемъ: „Вотъ каково имѣть корзину и бѣлье", которое объясняется однимъ эпизодомъ въ комедіи, когда герой спасается отъ бѣды, спрятанный въ корзину и прикрытый бѣльемъ.

Всѣ дѣйствующія лица получили русскую окраску и русскія имена. Фольстафъ обратился въ Якова Власьевича Полкадова,—Фордъ въ Фордова и т. п.

Кромѣ того Екатерина предприняла также переложеніе на русскіе нравы „Тимона Аѳинскаго", назвавъ его „Расточитель", а героя—Тратовымъ. Сюжетъ этой трагикомедіи перешелъ и въ позднѣйшую литературу, вдохновивъ Мольера, создавшаго превосходный образъ мизантропа, Альцеста, съ которымъ въ свою очередь тѣсно связанъ замыселъ Чацкаго. Это исторія человѣка довѣрчиваго, силою обстоятельствъ приведеннаго къ борьбѣ съ соціальнымъ строемъ, къ сознательному отрѣшенію отъ людского общества.

Комедія Кальдерона „Скрытый и замаскированная женщина" переводилась Екатериной съ французскаго и получила названіе „Чуланъ"; наконецъ ей принадлежитъ передѣлка замѣчательной комедіи Шеридана „Школа злословія".

Работы для сцены неисчислимы у Екатерины; въ послѣдніе годы отыскано еще много неизданныхъ, оставшихся въ рукописяхъ, но всѣ онѣ свидѣтельствуютъ о томъ, что у автора ихъ не было данныхъ для роли руководительницы, и учителя въ мірѣ драмы и сцены. Она умѣла быть зачинщицей, и это нельзя не цѣнить; съ ея легкой руки, въ раз-

Digitized by Google

ныхъ областяхъ за нею шли слѣдомъ иные работники, скоро опережавшіе ее и оттѣснявшіе ее на задній планъ, и она, удачная отгадчица нарастающихъ вѣяній, бросающая въ массы и литературные круги одну мысль за другой, рѣдко выполнявшая эти мысли на дѣлѣ, осталась какимъ-то полководцомъ безъ арміи, пророкомъ безъ усердныхъ учениковъ. Ей недостовало возбудительнаго начала, подобающаго вождю литературнаго движенія.»

Въ числѣ заслугъ Екатерины необходимо вспомнить и ту терпимость, которая господствовала въ первую, лучшую половину царствованія. Грустно видѣть, какъ во вторую, омраченную преслѣдованіями, императрицѣ дѣлались заявленія нѣкоторыми писателями о свободѣ, бывшей когда-то аксіомой. Какой горькой ироніей звучатъ слова Фонвизина: „Въ наше время, когда признана сила литературнаго слова, когда русскіе писатели пользуются свободой"... въ одномъ изъ послѣднихъ произведеній, приготовленномъ для сатирическаго журнала „Стародумъ или другъ честныхъ людей", запрещеннаго цензурой.

Въ началѣ своей дѣятельности Екатерина окружена группою лицъ, представлявшихъ собою иногда крупныя силы, но лишь немногіе слушались ея командныхъ словъ, остальные развивались самостоятельно. Да и какъ могла она начальствовать надъ литературою, если та пробудилась еще до выступленія Екатерины въ роли писательницы? Здѣсь были дѣятели изъ предшествующей поры; въ ихъ числѣ Ломоносовъ, въ первое время какъ бы растерявшійся, вслѣдствіе того, что только что приноровившійся въ своей обязательной похвальной лирикѣ къ Петру III, теперь снова долженъ былъ приноравливаться къ новой государынѣ; впрочемъ въ послѣдніе годы жизни онъ мало работаетъ на литературномъ поприщѣ. За нимъ идутъ Бецкій, Козицкій и цѣлый рядъ другихъ.

Были и новые работники, не ждавшіе почина Екатерины, и если изъ нихъ назвать Новикова и Фонвизина, то эти имена будутъ уже надежнымъ ручательствомъ того направленія и блестящаго развитія, которое ждетъ литературу.

Личность Фонвизина въ раннемъ періодѣ неотдѣлима отъ

Digitized by Google

небольшого кружка писателей, во главѣ котораго стоялъ разносторонній и дѣятельный Елагинъ, начавшій свою работу еще при Елизаветѣ, но развернувшійся во всю ширь только въ Екатерининскую пору, западникъ по своимъ вкусамъ, масонъ, и даже основатель одной изъ масонскихъ системъ („елагинской"), страстный любитель театра, директоръ казенной сцены, переводчикъ многихъ комическихъ произведеній и романовъ благодаря знанію нѣсколькихъ языковъ,— такъ, увлекшись представителемъ нарождавшагося реализма, аббатомъ Прево, онъ далъ еще въ 1756 г. переводъ, сдѣланный совмѣстно со своимъ подченнымъ Лукинымъ, одного изъ романовъ этого автора „Mémoires d'nn homme de qualité, qui s'est rétiré du monde" подъ заглавіемъ: „Приключенія маркиза Г., оставившаго свѣтъ"; ему же принадлежитъ переводъ „Marianne" Мариво и „Манонъ Леско и кавалеръ де Гріе", исторія великой искренней любви, способной на все, и женской порочности и преступности, пьесы датскаго драматурга Гольберга „Jean de France", которой суждено было сыграть такую значительную роль въ творчествѣ Фонвизина; были переводы и съ англійскаго.

При Елагинѣ, занимавшемъ важную должность какъ бы „министра двора", среди подчиненныхъ ему чиновниковъ видимъ двухъ людей, сыгравшихъ крупную роль въ исторіи нашего театра: Лукина и Фонвизина.

Рядомъ съ ними должно поставить любопытную еще мало обслѣдованную личность отца русскаго романа—Федора Эмина; вѣроятно, южный славянинъ, проведшій свою юность въ Турціи, бывшій магометаниномъ и янычаромъ, что не разъ побуждало потомъ къ подозрительности и нападкамъ на него людей, его не любившихъ, а такихъ было немало изъ-за его независимаго, самостоятельнаго характера, спасшійся изъ Константинополя въ Лондонъ, онъ явился къ русскому послу, и, принявъ православіе, былъ отправленъ въ Россію, гдѣ силою воли ему, пріѣхавшему безъ знанія русскаго языка, удалось стать журналистомъ, романистомъ и просвѣтителемъ не изъ послѣднихъ. Онъ сошелъ нѣсколько рано съ арены дѣятельной борьбы, но немногіе годы, проведенные имъ въ Россіи, цѣнны; его журналъ „Адская почта" шелъ въ нови-

Digitized by Google

ковскомъ духѣ, не слушаясь высочайшихъ велѣній, касаясь больныхъ мѣстъ общественной жизни и самаго жгучаго вопроса о рабствѣ, противъ котораго онъ горячо протестовалъ.

Еще въ 1763 году онъ выступилъ романистомъ, не имѣя позади себя ничего кромѣ приспособленныхъ къ русской жизни romans d'aventure Петровскаго времени, вродѣ романа о „россійскомъ матросѣ Василіи Ивановѣ сынѣ Коріотскомъ", происходившемъ изъ захудалой дворянской семьи, гдѣ-то въ Поволжьѣ и волею судебъ побывавшемъ въ западныхъ государствахъ, да еще ставшемъ королемъ Флорентійскимъ, или романа въ стихахъ „О славномъ, храбромъ кавалерѣ Александрѣ" (напечатаннаго позднѣе Сиповскимъ въ сборникѣ „Русская повѣсть"), — впереди было величіе романа XIX вѣка.

Эминъ открываетъ эту нисходящую линію своимъ романомъ „Приключенія Мирамонда", въ которомъ можно найти немало автобіографическихъ чертъ, разсказовъ о собственныхъ мытарствахъ и скитаніяхъ, но сквозь экзотическую ткань этихъ причудливыхъ приключеній просвѣчиваетъ русское содержаніе, и оно-то дѣлаетъ цѣннымъ произведеніе.

Къ Мирамонду Эминъ вернулся еще разъ во второмъ произведеніи.

Но несомнѣнно выше и больше по значенію въ исторіи литературы, въ частности драматической, являются уже елагинскіе писатели—чиновники, которымъ суждено было стать отцами русской комедіи: Фонвизинъ и Лукинъ, товарищи и соперники, напоминающіе своими взаимными отношеніями Моцарта и Сальери; Лукинъ, трудолюбивый, умный, но недостаточно талантливый, какъ бы повторялъ собою Сальери съ его завистью къ блестящему, геніальному, такъ мало задумывающемуся надъ своею силою Моцарту—Фонвизину.

Товарищи-соперники, работавшіе бокъ о бокъ около Елагина, объединялись общею любовью къ театру, стремленіемъ сдѣлать театръ русскимъ и цѣннымъ, но Лукину-Сальери не удалось дать какое-либо произведеніе, которое способствовало бы осуществленію этой мечты; онъ памятенъ въ исторіи русской литературы лишь своими теоріями и мечтами,

Digitized by Google

нашедшими выраженіе въ письмахъ къ его другу, второстепенному драматургу—Ельчанинову и въ предисловіяхъ къ пьесамъ, гдѣ онъ развиваетъ мысль о необходимости учебнаго періода для русскихъ творцовъ сценическихъ произведеній, когда они, пользуясь иноземными примѣрами, перелагая сначала на русскіе нравы иностранныя комедіи, пріучились бы давать въ нихъ понятное всѣмъ и воспитывающее все общество, и вырабатывались въ истинно національныхъ „писцовъ". Лукина возмущалъ современный ему театръ, наполненный чужими лицами и нравами, далекій отъ интересовъ и пониманія народа; ему грезился не простонародный, а всенародный театръ, ему хотѣлось увидѣть его соединяющимъ въ своемъ вліяніи все общество безъ различія, черпающимъ свой матеріалъ изъ русской жизни, воздѣлывающимъ вмѣстѣ съ тѣмъ и живую русскую рѣчь. Ученичество по европейскимъ образцамъ должно служить средствомъ для достиженія завѣтной цѣли—развитія самостоятельнаго творчества, и въ одномъ изъ писемъ къ Ельчанинову (эта переписка въ изданіи сочиненій Лукина подъ редакціей Ефремова была напечатана впервые въ 60-хъ г.г. прошлаго столѣтія) онъ любуется временемъ, когда у насъ появятся свои писцы и поставятъ отечественную драму на одинаковый уровень съ европейскою.

Какъ уже сказано, собственныя произведенія Лукина не поднимаются до этой высоты; лучшее изъ нихъ, созданное подъ вліяніемъ француза Детуша „Мотъ, любовію исправленный", содержитъ въ себѣ автобіографическія черты, такъ какъ въ прошломъ жизнь Лукина была полна увлеченіями и излишествами. Въ иныхъ пьесахъ, которыхъ у преобразователя русскаго театра было не мало, ему удается въ чужомъ и только обрусѣломъ дать живыя этнографическія черты; такъ въ „Щепетильникѣ" (этимъ терминомъ онъ обозначаетъ продавца галантерейныхъ товаровъ), онъ вводитъ на сцену толпу костромскихъ рабочихъ съ ихъ нарѣчіемъ, ухватками.

Скудны эти проблески народности въ его творчествѣ; все же цѣнна заслуга Пыпина, обратившаго вниманіе на Лукина еще въ своей юношеской ученой работѣ и давшаго воз-

Digitized by Google

можность увидѣть въ его лицѣ искренняго мечтателя, выразившаго свои планы и мечты въ письмахъ и предисловіяхъ.

Тѣмъ основателемъ національнаго русскаго театра, о которомъ грезилъ Лукинъ, и отсутствіе котораго такъ печалило его, явился ненавистный ему Фонвизинъ, совершившій великое дѣло незамѣтно для себя, шутя, импровизируя.

Лукинъ не далъ заглянуть въ тайники его души и увидѣть, какъ развивалась въ немъ любовь къ театру, какъ постепенно выросталъ онъ духовно, между тѣмъ какъ Фонвизинъ, по примѣру Руссо, передъ которымъ онъ благоговѣлъ и увидѣть котораго въ Парижѣ онъ къ его немалому огорченію, не сподобился, написалъ „Чистосердечное признаніе въ дѣлахъ и помышленіяхъ", гдѣ съ несвойственнымъ покаянному произведенію юморомъ обрисовалъ рядъ лицъ, игравшихъ роль въ его раннемъ развитіи и далъ исторію его; въ этомъ пріемѣ обнаруживается богатство его смѣха надъ окружающей средой и людьми, смѣха не сквозь слезы и не какъ средства воспитанія общества, а веселаго, безудержнаго, обращающаго нерѣдко образы въ карикатуры.

Сквозь этотъ смѣхъ проступаютъ однако подлинныя черты ранней поры его жизни, протекшей въ мирной семейной обстановкѣ, подъ заботливымъ наблюденіемъ отца, стараго честнаго чиновника, отразившагося впослѣдствіи на фигурѣ Стародума; онъ стремился воспитать всю семью въ духѣ своихъ строгихъ нравственныхъ убѣжденій, читая имъ по вечерамъ Евангеліе, разсказывая нравоучительныя исторіи. Изъ-подъ его вліянія рано начала выбиваться горячая натура Дениса. Старикъ-отецъ, не слишкомъ книжно образованный, но понимавшій цѣну просвѣщенія, поспѣшилъ отдать сына въ гимназію при московскомъ университетѣ, потомъ въ университетъ, какъ только открылись эти школы новаго типа. Впослѣдствіи Фонвизинъ съ невольными преувеличеніями и карикатурно обрисовалъ жалкое подобіе образованія, дававшагося въ гимназіи, ничтожныхъ педагоговъ, готовившихъ воспитанниковъ къ прохожденію университетской науки, пріучавшихъ дѣтей къ обману.

Университетъ давалъ, конечно, больше; за проведенные тамъ года Фонвизинъ вынесъ все же хоть знаніе литера-

Digitized by Google

туры, но педагогическій персоналъ былъ немногимъ выше, и только 2--3 лица задерживаютъ на себѣ вниманіе; среди нихъ знакомый намъ Рейхель; онъ, первый, понялъ дарованіе Фонвизина, замѣтивъ въ немъ знаніе нѣмецкаго языка руководилъ его занятіями, познакомилъ его впервые съ датскимъ писателемъ, которому суждено было сыграть большую роль въ развитіи таланта драматурга, и далъ ему для перевода басни Гольберга. Первая работа Фонвизина была напечатана въ журналѣ Хераскова „Полезное увеселеніе" въ 1761 г.; затѣмъ появились переводы въ изданіи Рейхеля „Собраніе лучшихъ сочиненій къ распространенію знаній и произведенію удовольствій".

Идеи, которыя носились въ воздухѣ, захватили юношу Фонвизина, къ концу студенчества проявлявшаго немало вольнодумства, ставшаго libre penseur'омъ, хоть и не слишкомъ глубокимъ.

Какъ Пушкинъ, по выходѣ изъ лицея отдался заманчивымъ впечатлѣніямъ легко пріобрѣтавшихся успѣховъ въ свѣтѣ свободой сужденій, остроумія, независимости, такъ и Фонвизинъ, очутившись по окончаніи университета въ Петербургѣ, попалъ въ кружокъ великосвѣтскихъ вольнодумцевъ съ княземъ Козловскимъ во главѣ, отрицавшихъ все рѣшительно, не задумываясь особенно глубоко надъ своими сужденіями. Добиться популярности ничего не стоило остроумному, задорному, способному на блестящія импровизаціи юношѣ. Тогда въ немъ не было еще и проблеска его призванія, какъ драматурга.

Въ „Чистосердечномъ признаніи" онъ разсказываетъ, какъ онъ впервые соприкоснулся со стихіей, ставшей впослѣдствіи близкой, въ развитіи которой онъ является первымъ дѣйствительно крупнымъ дѣятелемъ. Когда его, въ числѣ нѣсколькихъ студентовъ повезли въ Петербургъ представляться Шувалову, онъ попалъ въ первый разъ въ превосходный комическій театръ, гдѣ въ то время собралась блиставшая талантами труппа актеровъ среди которыхъ выдвинулся необычайно даровитый комикъ— Яковъ Шумскій, вышедшій изъ народной среды. Исполнялась пьеса Гольберга, снова ставшаго на дорогѣ Фонвизина „Генрихъ и

Digitized by Google

Цернилла", позднѣе, въ „Чистосердечномъ признаніи" получившая почему-то отзывъ нелестный, хотя и до сихъ поръ она сохраняется въ скандинавскомъ репертуарѣ, и напр., Брандесъ признаетъ въ ней немалыя достоинства. Въ то время она показалась молодому студенту изумительной и сообща со всѣмъ обаяніемъ театра, иллюзіей сцены, прекрасной игрой, привела его въ состояніе экстаза.

Затѣмъ начинаются собственныя работы для театра. Еще въ Москвѣ онъ взялся за переводъ одной изъ философскихъ трагедій Вольтера на тему о вѣротерпимости, „Альзиры"; переводъ сдѣланъ тяжелымъ, нескладнымъ языкомъ; вѣроятно, была очень нетребовательная публика, если подобная работа не только читалась, но и пользовалась успѣхомъ, какъ увѣряетъ „Признаніе".

Произведеніе болѣе мелкаго писателя Грессе „Sidney" беретъ Фонвизинъ уже для передѣлки, переноситъ дѣйствіе въ русскую обстановку, придумываетъ герою новое имя „Коріонъ" и съ этимъ заглавіемъ выпускаетъ пьесу, появившуюся въ 1764 г. на сценѣ. Подобно тому какъ тяжелый по формѣ стихъ Грибоѣдова въ его первыхъ вещахъ, въ родѣ комедіи „Молодые супруги", переходитъ въ болѣе живой языкъ пьесы „Своя семья или замужняя невѣста", гдѣ уже звучитъ мѣстами легкій, мѣткій, блестящій способъ выраженія, такъ отличающій „Горе отъ ума", „Коріонъ" Фонвизина является переходомъ отъ ужасной, нескладной „Альзиры" къ будущимъ твореніямъ, „Бригадиру" и „Недорослю".

Шагомъ впередъ является уже введеніе русской дѣйствительности; герой, мизантропъ, пресыщенный цивилизаціей, удаляется въ деревню; здѣсь въ разсказахъ старосты, повѣствующаго объ ужасахъ и насиліяхъ, совершающихся присланными для экзекуціи драгунами, впервые въ русскомъ драматическомъ произведеніи рисуется настоящая жизнь. Этого ужъ не могъ заимствовать Фонвизинъ у своего западнаго образца.

Когда настала пора службы, Фонвизинъ былъ причисленъ къ Иностранной Коллегіи, во главѣ которой стоялъ графъ Никита Панинъ, но на время онъ былъ откомандированъ „для выполненія нѣкоторыхъ дѣлъ" въ распоряженіе Ивана

Digitized by Google

Перфильевича Елагина, не менѣе страстнаго, чѣмъ онъ самъ, любителя и знатока театра. Тутъ обстоятельства снова свели его съ произведеніями Гольберга. Теперь это была комедія „Jean de France“, гдѣ датскій писатель высмѣивалъ уродливую галломанію. Дѣйствіе происходитъ въ Копенгагенѣ, въ центрѣ пьесы стоитъ молодой человѣкъ Янъ Францъ, побывавшій недолгое время въ Парижѣ и съ тѣхъ поръ мечтающій лишь о немъ; онъ пустъ, самонадѣянъ, тщеславенъ, а между тѣмъ ему въ невѣсты волею родителей предназначена милая, хоть и не особенно выдающаяся дѣвушка, заслуживающая лучшаго счастья. Что-то должно прійти и освободить ее отъ постылаго, грозящаго ей брака. Спасеніе приходитъ со стороны ея субретки, расторопной, смѣтливой, прожившей нѣкоторое время въ услуженіи у француженки-модистки и научившейся кое-какъ французскому языку. Одѣвшись въ платье своей госпожи, она является къ Яну Францу, выдавая себя за парижанку, до того прельстившуюся молодымъ человѣкомъ, что ради него она бросила родину, вездѣ искала его и пріѣхала къ нему. Янъ, доходя до психопатіи въ грезахъ только о Франціи, и въ самой фамиліи своей видящій предназначеніе быть связаннымъ съ этой страной, легко увлекается мнимой парижанкой, готовъ бѣжать съ ней въ обѣтованную землю; въ этотъ моментъ его застигаютъ съ поличнымъ, и свадьба разстраивается.

Этой пьесѣ повезло въ Россіи; переведенная Елагинымъ она была переработана въ 1783 году Дмитріемъ Хвостовымъ подъ названіемъ „Русскій Парижанецъ“, она же навела Фонвизина на созданіе первой прославившей его комедіи, отодвинувшей далеко назадъ всѣ предыдущія попытки. Въ работѣ надъ „Бригадиромъ“ Фонвизинъ прошелъ какъ разъ тотъ путь, который проповѣдывалъ его соперникъ Лукинъ,— пользоваться иностранными образцами для обработки своего матеріала, взятаго изъ родной дѣйствительности. Что типъ птиметра-галломана существовалъ въ русской жизни, объ этомъ обильно свидѣтельствуютъ сатирическіе журналы, обрушивавшіеся на это смѣшное пристрастье; русскій драматургъ съ неменьшимъ правомъ могъ использовать тему

Digitized by Google

датскаго писателя; но Фонвизинъ не ограничился этимъ. Ту же уродливую форму западничества онъ подмѣтилъ и въ женщинахъ: и рядомъ съ фигурой Иванушки, выросшаго изъ Jean de France, стоитъ совѣтница, прототипа которой нѣтъ у Гольберга. На долю этой „жеманихи“ или „щеголихи“, какъ тогда называли, выпадаетъ у него роль невольной спасительницы невѣсты Иванушки (такъ какъ перспектива брака, предрѣшеннаго родителями, сохранена въ русской пьесѣ), но въ поступкахъ совѣтницы нѣтъ преднамѣренности—она искренне вторитъ птиметру въ его мечтаніяхъ, раздѣляетъ его пристрастье къ Франціи и увлекается имъ.

Однако Фонвизинъ не удовольствовался осмѣяніемъ галломаніи; слишкомъ много матеріала накопилось у него ко времени созданія „Бригадира“. Острая наблюдательность побуждала подмѣчать въ русской жизни тысячи другихъ сторонъ, какъ бы просившихся въ комедію. Этою способностью видѣть многое, накоплять въ глубинѣ безчисленное множество образовъ онъ напоминаетъ другого великаго комика—Гоголя, въ лучшую пору его дѣятельности, до созданія „Мертвыхъ Душъ“, когда образы брались прямо изъ жизни, миріадами носились въ его умѣ, временами удручая его и настойчиво просясь на волю, и онъ порою болѣзненно тѣшился вызываніемъ ихъ передъ своимъ воображеніемъ, состязуясь въ этомъ напр., съ поэтомъ Языковымъ, при чемъ своеобразная забава, состоявшая въ импровизаціи вслухъ рѣчей этихъ вымышленныхъ лицъ, тянулась до тѣхъ поръ, пока обоимъ не становилось жутко.

Почти то же было и съ Фонвизинымъ. Созданію „Бригадира“ предшествовалъ періодъ блестящихъ импровизацій, изображавшихъ старый русскій типъ въ лицѣ старомодной женщины среди екатерининскаго общества. Типъ ея былъ цѣликомъ выхваченъ изъ жизни; первообразомъ послужила мать молоденькой пустоватой дочки, за которой въ былое время въ Москвѣ Фонвизинъ и его товарищи ухаживали, и тогда онъ не мало потѣшался надъ пріемами этой пожилой, отставшей отъ вѣка женщины. Когда же пришлось ему, уже петербургскому жителю, вновь попасть въ Москву и столкнуться съ этой заплѣсневѣлой въ своемъ быту жизнью,

Digitized by Google

контрастъ по сравненію съ блестящимъ Петербургомъ былъ слишкомъ ярокъ, чтобы онъ могъ пройти мимо него безъ вниманія. Уродливо потѣшный образъ глубоко запалъ въ него, и, вернувшись изъ Москвы, онъ изображалъ ее и ея близкихъ въ кругу знакомыхъ, нерѣдко собиравшихся со спеціальною цѣлью его послушать. Импровизаціи, постоянно разростаясь, обращались въ разсказъ, рождалась мысль объединить ихъ, обработать, ввести на сцену. Такъ, словно, шутя, зародилась комедія, матеріалъ для которой давала жизнь, а рамки, способныя охватить ее, представились въ видѣ комедіи Гольберга.

Старозавѣтная московская знакомая обратилась въ бригадиршу Акулину Тимофеевну, особенно восхищавшую современниковъ, о которой Никита Панинъ говорилъ, что въ ея лицѣ Фонвизину удалось создать образъ близкій и знакомый каждому; она—„всѣмъ родня". Придерживаясь датскаго образца, ее пришлось отодвинуть съ перваго плана, но и на своемъ мѣстѣ она ярка, красочна и, полная жизни, привлекаетъ къ себѣ вниманіе. Изъ пьесы Гольберга сохранены два старика--отцы молодого поколѣнія, но какъ они не похожи на свои прототипы, и сколько въ нихъ чисто русскихъ чертъ! Это нетолько смѣшныя тѣни, въ нихъ есть опредѣленное, живое и сложное содержаніе. Бригадиръ—старый русскій служака, продѣлавшій массу походовъ, безмозглый, свирѣпый къ своимъ солдатамъ, да и къ женѣ, на которой, бывало, онъ вымещалъ провинности рядовыхъ,—это представитель той военщины, которая процвѣтала на Руси въ послѣ-петровское время. Еще полнѣе обрисованъ совѣтникъ, сутяга, хищникъ по натурѣ, чьи ненасытные аппетиты остались неудовлетворенными, благодаря указу противъ лихоимства, который заставилъ его уйти въ отставку; вспоминая прежнее благополучіе, когда можно было предаваться грабежу и вымогательству, онъ разжигаетъ въ себѣ хищническіе инстинкты и становится отвратительнымъ и безобразнымъ, особенно когда при этомъ выясняются и другія, не менѣе некрасивыя стороны его личности; онъ—семинаръ, духовнаго происхожденія и образованія, и полонъ лицемѣрія; соединеніемъ грубости съ ханжествомъ онъ является пред-

Digitized by Google

шественникомъ гоголевскаго городничаго; въ разговорѣ съ бригадиршей онъ высказываетъ мораль Тартюфа, стараясь убѣдить собесѣдницу, что нѣтъ передъ Богомъ грѣха, если онъ совершенъ тайно.

Эти образы были бы отталкивающими, если бы Фонвизинъ со своимъ стремленіемъ къ смѣху не сдѣлалъ ихъ комичными, перепутавъ ихъ сложною сѣтью любви, раскинувшейся надъ всѣми дѣйствующими лицами пьесы; совѣтникъ тянется къ бригадиршѣ, старозавѣтный бригадиръ по странному контрасту влюбленъ въ жеманиху-совѣтницу, а она увлечена Иванушкой, который отвѣчаетъ ей взаимностью,— рядомъ любовь двухъ положительныхъ лицъ Добролюбова и Софьи, предназначенной въ жены птиметру.

Каждый изъ нихъ такъ своеобразенъ въ этомъ положеніи, такъ ярко вырисовываются ихъ характерныя особенности. Нужно было имѣть выдающуюся талантливость, чтобы справиться съ сложной задачей этой потѣшной путаницы. Нѣсколько разъ повторяется объясненіе въ любви, и для каждой пары молодой авторъ находитъ свои слова, свой тонъ; бригадиръ съ жеманихой-совѣтницей, стремящійся по солдатски взять эту „фортецію“, совѣтникъ, льстиво и вкрадчиво, церковно-славянскими оборотами, подбирающійся къ своей возлюбленной, пара неудачныхъ парижанъ, щеголиха и птиметръ, съ игривой и вольной галантностью своихъ пріемовъ,—многое въ этихъ, безподобно смѣшныхъ оттѣнкахъ, конечно, лишнее, если цѣлью комедіи было осмѣять галломанію, но что же дѣлать, если не было силъ удержать переливающійся черезъ край избытокъ накопленнаго матеріала, сдержать богатство смѣха!

Въ „Бригадирѣ“ часто сквозитъ характерная особенность Фонвизина, склонность его къ карикатурѣ. Въ этой пьесѣ стоятъ рядомъ смѣхъ, какъ могучее свойство истиннаго комическаго писателя, и избытокъ этого смѣха, то и дѣло вдающагося въ преувеличеніе.

Понятно, какое впечатлѣніе должна была произвести комедія на общество, имѣвшее до сихъ поръ лишь комическіе опыты Сумарокова, неудачно выполненныя передѣлки западно-европейскихъ образцовъ, особенно Мольера. Въ 1768 г.

Digitized by Google

„Бригадиръ“ пріобрѣтаетъ извѣстность, сначала въ мастерскомъ чтеніи самого автора. Восхищеніе слушателей такъ велико, и слава его разнеслась такъ быстро, что Орловъ рѣшилъ устроить чтеніе пьесы во дворцѣ.

На недавней выставкѣ въ Академіи Художествъ была картина, изобразившая Екатерину, сидящую въ величественной позѣ въ креслѣ около окна, а передъ нею Фонвизина съ тетрадью въ рукахъ,—рукописью „Бригадира“. Первый русскій комическій писатель знакомитъ со своимъ произведеніемъ императрицу-просвѣтительницу.

Трудно предположить, зная любовь Екатерины къ широкой рекламѣ своихъ хорошихъ поступковъ, и меценатства въ томъ числѣ, чтобъ обстановка чтенія была такова; вѣроятно, императрица позаботилась о томъ, чтобы это происходило при болѣе или менѣе многочисленныхъ свидѣтеляхъ.

Какъ бы то ни было, ея одобреніе рѣшило участь пьесы. Черезъ годъ,—въ 1769 году, она была разыграна великолѣпными силами комиковъ, которыми особенно богата была придворная труппа.

Впечатлѣніе, произведенное „Бригадиромъ“, было такъ значительно, что журналъ „Пустомеля“, не задумываясь, назвалъ автора его „русскимъ Мольеромъ“ (Вспомнимъ, что и Екатерина получила впослѣдствіи отъ Новикова это названіе, за комедію „О время“). Но еще живѣе характеризуетъ силу впечатлѣнія отзывъ другого несравненно болѣе важнаго журнала, новиковскаго „Трутня“. Сцена на Парнасѣ; Аполлонъ задумчивъ, музы бродятъ грустныя; на землѣ умерла поэзія, тамъ давно уже не появлялось ни одного большого таланта. Вдругъ приходитъ радостный, торжествующій вѣстникъ, сообщающій богу о появленіи даровитаго художника на Руси,—автора „Бригадира“. Свѣтлѣетъ чело Аполлона, ликуютъ вѣщія музы, и радость царитъ на Парнасѣ.

Самъ Фонвизинъ не былъ однако вполнѣ удовлетворенъ своимъ произведеніемъ. Въ томъ же 1769 г. онъ обращается съ письмомъ къ Елагину, умоляя его сказать о недостаткахъ пьесы. Онъ готовъ все измѣнить, все передѣлать, потому что, говоритъ онъ, „во мнѣ нѣтъ того нелѣпаго само-

Digitized by Google

довольства и упоенія собой, которое заставляетъ писателя воображать себя Мольеромъ или Детушемъ". Недостатки въ самомъ дѣлѣ были: такъ Фонвизинъ не ограничилъ, напр. свое заимствованіе у Гольберга областью техники, которою самъ еще не владѣлъ, и взялъ не только рамки, способныя вмѣстить его собственный матеріалъ, но нерѣдко бралъ даже остроты и комическія черты у датскаго писателя и переносилъ ихъ цѣликомъ въ свою комедію. Фонвизинъ, обладая самъ громаднымъ комическимъ талантомъ, могъ обойтись безъ этихъ ненужныхъ, частныхъ подражаній. Но, конечно, не эти мелкіе недочеты волновали его и заставляли обращаться къ критическому чутью Елагина. Передъ нимъ начинало уже вырисовываться общественное значеніе комическаго писателя, но оно еще неясно ему, и онъ настойчиво хотѣлъ бы узнать, въ чемъ сила и сущность настоящей комедіи.

Казалось, послѣ успѣха „Бригадира" Фонвизинъ снова возьмется за перо, чтобы создавать одну за другой комедіи, но онъ умолкъ на долгіе годы и ушелъ въ иную работу. Кончилась его командировка, послѣднее время которой было омрачено враждебностью и происками Лукина, и Фонвизинъ снова вернулся къ Панину, ставъ вскорѣ правой рукой вельможи, завѣдывавшаго иностранными дипломатическими сношеніями. Панинъ долго жилъ въ Швеціи и на дѣлѣ изучилъ ея государственный порядокъ; онъ такъ высоко цѣнилъ его, что, вернувшись въ Россію, являлся убѣжденнымъ сторонникомъ общественнаго самоуправленія, и послѣ переворота, возведшаго на престолъ Екатерину, онъ уже побуждалъ ее сдѣлать къ тому первые шаги, но обѣщаніе не было исполнено. Близко поставленный къ императрицѣ, онъ никогда не довѣрялъ ей и проявлялъ большое недовольство; дворъ его бывшаго воспитанника Павла Петровича, на котораго онъ имѣлъ сильное вліяніе, становился центромъ оппозиціи. Работа рядомъ съ подобнымъ человѣкомъ, посвященіе въ его завѣтныя мечты и планы, критика дѣятельности Екатерины со всей ея мишурной позолотой, все это не могло не подѣйствовать на Фонвизина, и роль, которую ему пришлось играть при этомъ вельможѣ, участіе въ его

Digitized by Google

дипломатическихъ работахъ, манили его въ сторону отъ литературныхъ трудовъ; онъ становился офиціальнымъ лицомъ. О его положеніи при Панинѣ знали за границей, и этимъ объясняется чуть не торжественность встрѣчъ при его второмъ путешествіи за границу (первый разъ онъ ѣздилъ, состоя еще при Елагинѣ, но то была непродолжительная поѣздка, исполнившая въ сѣверной Германіи одно дипломатическое порученіе; третье и послѣднее путешествіе было лѣчебное).

Такъ во вредъ литературѣ этотъ великій талантъ отклонился отъ нея.

Двѣнадцать лѣтъ пройдетъ до того времени, когда онъ выступитъ снова въ роли драматическаго писателя, создавъ свое главнѣйшее произведеніе, „Недоросля", гдѣ проявитъ несомнѣнно больше глубины, чѣмъ въ „Бригадирѣ", ворвется въ самую толщу русской жизни и сдѣлаетъ это уже вполнѣ самостоятельно, не руководимый западными образцами, хотя попутно введетъ и въ эту комедію много мелкихъ заимствованныхъ чертъ и, достигнувъ этой высоты, внезапно оборветъ нить своего драматическаго творчества; появившіяся послѣ „Недоросля" маленькія пьески „Выборъ гувернера" и „Разговоръ у княгини Халдиной" не представляютъ собою ничего значительнаго и интересны только, какъ отраженіе взглядовъ вполнѣ зрѣлаго Фонвизина. И какъ у Грибоѣдова все его великое дарованіе сосредоточивается на одной лишь пьесѣ, и по ней одной можно судить объ авторѣ, такъ и здѣсь приходится считаться съ двумя лишь комедіями, изъ которыхъ одна составляетъ блестящее начало, а вторая—результатъ достигшаго своего апогея творчества.

Промежутокъ въ 12 лѣтъ былъ заполненъ работою надъ самимъ собою. Фонвизинъ принялся пополнять недочеты своего образованія, и въ самомъ дѣлѣ, за это время онъ выросъ, какъ мыслитель, наблюдатель современной жизни и какъ участникъ въ просвѣтительной работѣ. Онъ сталъ содержательнѣе, задумчивѣе, серьезнѣе. Стоять рядомъ съ Панинымъ, раздѣлять взгляды его кружка, значило получить то политическое воспитаніе, котораго до того времени

Digitized by Google

не хватало ему. Сохранился рядъ работъ этой поры Фонвизина, переводовъ, сдѣланныхъ съ прикладной цѣлью: „Похвальное слово Марку Аврелію“, аллегорическая „Жизнь Сифа, царя Египетскаго“ мѣтили на Екатерину; его „Краткое изъясненіе вольности французскаго дворянства и пользы третьяго чина“ отражало на себѣ дореволюціонныя идеи во Франціи о значеніи „tiers état“; меморандумъ объ ограниченіи верховной власти, введеніи самоуправленія, народнаго представительства и постепеннаго освобожденія крестьянъ, вотъ памятники его общественно - политическихъ трудовъ. Для нихъ нужно было много читать, много думать. Еще значительнѣе проектъ конституціи, задуманный Панинымъ и выработанный Фонвизинымъ; онъ еще прямѣе шелъ къ цѣли, но былъ обреченъ на тайное распространеніе, такъ какъ сочтенъ былъ за государственно-опасный замыселъ; его скрывали, прятали, передавали изъ однѣхъ вѣрныхъ рукъ въ другія; онъ, казалось, исчезъ, и былъ найденъ лишь въ одномъ экземплярѣ въ бумагахъ племянника писателя, декабриста Михаила Фонвизина.

Естественно, что императрица, первоначально благоволившая къ нему, начала зорко приглядываться къ его дѣятельности, все подозрительнѣе относиться къ его убѣжденіямъ и цѣлямъ, о которыхъ она узнавала по доносамъ и слухамъ. Ея расположенія хватило только до появленія „Недоросля“, потомъ отношенія ихъ все обострялись, пока не превратились въ настоящую вражду.

Кто знаетъ, что могъ бы сдѣлать Фонвизинъ, если бы надъ нимъ не висѣло, какъ нѣчто роковое, тяжелый, наслѣдственный нервный недугъ, съ которымъ не могла справиться тогдашняя медицина. Съ какой стороны пришелъ онъ? Образъ Стародума-отца слишкомъ силенъ и крѣпокъ, чтобы заподозрѣть передачу отъ него; очевидно, отъ матери получилъ онъ нервную впечатлительность, которая временами до того обострялась, что въ жизни Фонвизина могутъ быть отмѣчены цѣлыя полосы упадка духа, прострации, покаяннаго настроенія, терзавшаго его, будто онъ совершилъ небывалыя преступленія противъ нравственности, Бога, и ему ничего не оставалось кромѣ мысли о спасеніи души.

Digitized by Google

Именно такой періодъ переживалъ онъ послѣ созданія „Бригадира“, и въ это время имъ могъ завладѣть всякій, имѣвшій сколько нибудь душевнаго перевѣса надъ нимъ. Тогда-то ему встрѣтился Тепловъ, ставшій уже мистикомъ; встрѣча была случайная; полный человѣколюбія и душеспасенія, повелъ рѣчь о средствахъ борьбы съ безбожіемъ и вольнодумствомъ бывшій просвѣтитель елизаветинской поры, видя душевную растерянность своего собесѣдника; Фонвизинъ готовъ былъ слѣдовать за нимъ, но, къ счастью, наступилъ періодъ просвѣтленія, и онъ остановился. Такія колебанія нерѣдки были потомъ въ настроеніи Фонвизина, и съ ними приходится считаться, какъ съ переходами въ настроеніи Гоголя. Нервный недугъ вполнѣ овладѣлъ писателемъ въ послѣдніе годы; напрасно онъ бросался ко всевозможнымъ средствамъ, ища въ нихъ исцѣленія, но и съ парализованнымъ наполовину тѣломъ онъ не переставалъ слѣдить за жизнью, и жуткій огонь горящихъ глазъ, такъ характерныхъ для его лица, свидѣельсттвовалъ о неугасимой работѣ его ума.

Если среди сподвижниковъ Екатерины, полководцевъ, государственныхъ людей, писателей, гирляндой окружившихъ ея памятникъ въ Петербургѣ, Фонвизину принадлежитъ первое мѣсто, то второе безспорно должно быть предоставлено Новикову.

Вспоминается вступленіе его въ жизнь общественную: сначала онъ—измайловскій сержантъ, стоявшій на часахъ въ казармѣ въ тотъ моментъ, когда Екатерина, рѣшившаяся на переворотъ, шла къ измайловцамъ, ища у нихъ поддержки: въ его власти было остановить мятежную супругу императора, поднявъ тревогу, но онъ посторонился и пропустилъ ее, за что она долгое время хранила благодарность къ нему и покровительствовала ему, далекая отъ мысли, что изъ этого сторонника вырастетъ опаснѣйшій—конечно, на ея взглядъ—противникъ ея. Его дѣятельность, какъ журналиста и сатирика, по существу противоположная направленію Екатерины, все же могла возобновляться трижды; другая сторона его дѣятельности—изданіе ученыхъ сочиненій,—встрѣчала даже покровительство и участіе Екатерины,

Digitized by Google

и только когда началась его масонская и просвѣтительная работа, накоплявшееся недовѣріе разгорѣлось со всею силою и привело ее къ войнѣ съ прежнимъ сторонникомъ, закончившейся такъ печально для него.

Какъ бы то ни было, съ 1769 г. когда Новиковъ впервые выступилъ въ литературѣ съ сатирическимъ журналомъ „Трутенъ“ и до тѣхъ поръ, пока за нимъ не затворилась дверь каземата Шлиссельбургской крѣпости, куда онъ былъ заключенъ, безъ всякаго подобія суда, на 15 лѣтъ за преступленіе имъ несовершенное, въ русской жизни съ необычайной интенсивностью кипѣла и дѣйствовала огромная сила съ небывалымъ идейнымъ и нравственнымъ содержаніемъ. Сочувственное представленіе объ этомъ человѣкѣ навсегда сохранилось, и долго еще послѣ его поры считался особенно почетнымъ отзывъ о позднѣйшихъ дѣятеляхъ подобнато рода, напр., о Николаѣ Полевомъ: „это—второй Новиковъ“, между тѣмъ вся его духовная величина была результатомъ работы надъ самимъ собою.

Онъ увидѣлъ свѣтъ въ бѣдной дворянской семьѣ, въ захолустьѣ Бронницкаго уѣзда. Научившись грамотѣ у мѣстнаго дьячка, онъ поступилъ въ московскую гимназію, откуда былъ исключенъ за неспособность и плохое прилежаніе, въ особенности къ языкамъ: это обстоятельство нерѣдко и даже съ подчеркнутымъ вниманіемъ вспоминалось имъ впослѣдствіи, хотя тогда онъ поражалъ уже окружающихъ своей рѣдкой начитанностью, образованностью, которой былъ обязанъ собственнымъ усиліямъ, самообразованію и общенію съ глубоко культурными людьми, встрѣченными имъ на его жизненномъ пути, среди которыхъ одно изъ видныхъ мѣстъ принадлежало Шварцу, профессору университета и крупному общественному дѣятелю, сношенія съ которымъ завязались у Новикова къ концу 70-хъ гг.

Не однѣ книги образовывали Новикова, и не одинъ умъ стремился онъ развить въ себѣ. Въ немъ осуществлялся подвигъ нравственнаго совершенствованія въ теченіе всей его жизни. Чуткая отъ природы душа жадно присматривалась къ событіямъ, творившимся вокругъ него, и много дало для его развитія кратковременное пребываніе въ екатери-

Digitized by Google

нинской комиссіи 1767 г., куда онъ былъ посланъ самой императрицей, въ числѣ нѣсколькихъ гвардейцевъ, въ качествѣ протоколиста засѣданій. Здѣсь онъ имѣлъ возможность изъ наказовъ населенія отдѣльнымъ депутатамъ, изъ рѣчей и преній, ознакомиться съ нуждами народными, убѣдиться въ жалкомъ положеніи крестьянства и всей общественной жизни въ самыхъ разнообразныхъ углахъ отечества. Это было однимъ изъ поводовъ, вызвавшихъ къ жизни скрытыя въ немъ великія силы просвѣтителя и общественнаго дѣятеля. Онъ принималъ ближайшее участіе въ учрежденномъ Екатериною „Собраніи, старающемся о переводѣ книгъ", гдѣ состоялъ переводчикомъ, и въ параллель задумалъ свое „Собраніе, старающееся о печатаніи книгъ". Въ своихъ журналахъ онъ хотѣлъ итти навстрѣчу нуждамъ народнымъ и общественнымъ, и возбудилъ идею основанія общественныхъ школъ. Все шире развивалась его дѣятельность, на много лѣтъ отданная потомъ, въ московскій ея періодъ, великимъ цѣлямъ просвѣтительства, увѣнчанная осужденіемъ и тяжкимъ тюремнымъ заключеніемъ, составляющимъ одну изъ самыхъ мрачныхъ страницъ въ исторіи русскаго просвѣщенія, ничѣмъ не смываемымъ позорнымъ пятномъ на памяти объ Екатеринѣ.

Мы уже говорили, что русская сатирическая журналистика началась съ одной стороны екатерининской „Всякой Всячиной", съ другой—новиковскими журналами, не удовлетворявшимися умѣреннымъ морализующимъ направленіемъ, нападками на общечеловѣческія слабости, отличавшими сатиры императрицы. Новиковъ хотѣлъ воспользоваться сатирою для борьбы съ русскими темными сторонами жизни, обличать и казнить ихъ.

Смѣхъ не былъ свойственъ натурѣ Новикова, какъ это было у Фонвизина: онъ является вдумчивымъ, участливымъ, серьезнымъ, но, зная, что комизмъ можетъ служить на пользу, нашелъ въ своемъ разностороннемъ, легко возбудимомъ духѣ, необходимыя для сатирика черты. Въ этой дѣятельности своей онъ старается пользоваться всѣмъ, что можетъ пригодиться для общественнаго блага, онъ обличаетъ, смѣется, смотря по тому, какое средство оказывается пригоднѣе

Digitized by Google

въ томъ или иномъ случаѣ. Его журналы еще дальше отъ подражанія англійскимъ образцамъ, чѣмъ это мы видѣли по отношенію къ екатерининскимъ, и они возвышаются надъ всею журналистикой 18 столѣтія, за исключеніемъ развѣ только крыловской „Почты духовъ", душою которой былъ Радищевъ. Особеннымъ украшеніемъ журналовъ Новикова явились извѣстныя „Письма изъ деревни", подписанныя таинственными, до сихъ поръ не расшифрованными буквами „И. Т". (обычно ихъ понимали какъ „издатель Трутня", т. е. Новиковъ; нѣкоторые высказывались за Ивана Тургенева; въ послѣднее время даже поднимается вопросъ объ авторствѣ Радищева), важно здѣсь, что они возстали противъ крѣпостничества, изображали деревню въ ея подлинномъ видѣ, и грозили превратиться въ обличительную, тяжелую картину. Это было слишкомъ для Екатерины, и журналъ „Живописецъ" второй журналъ Новикова, такъ же, какъ и первый, „Трутень", прекратилъ свое существованіе. Однако, нѣсколько позднѣе, онъ былъ переизданъ отдѣльной книгой, читавшейся нарасхватъ, и Новиковъ объяснялъ это тѣмъ, что онъ писалъ доступно для „мѣщанъ", понимая подъ этимъ словомъ широкіе слои общества, а не верхи его. При изображеніи щеголихъ и птиметровъ онъ умѣлъ и просто смѣяться, но суженіе его задачи, самоограниченіе въ выборѣ темъ не могло спасти его журнальную дѣятельность. Третій журналъ „Кошелекъ", получившій свое заглавіе отъ названія сѣтки, въ которую мущины прятали концы парика, долженъ былъ служить только систематическимъ высмѣиваніемъ нелѣпостей галломаніи: казалось, нельзя было придраться къ такой невинной темѣ, но французскій посланникъ возбудилъ дѣло, увидѣвъ въ этомъ оскорбленіе національной чести французовъ, и журналъ былъ закрытъ, а съ нимъ прекратилась и сатирическая дѣятельность Новикова, но слишкомъ много энергіи таилось въ этомъ человѣкѣ, слишкомъ много было въ немъ желанія служить обществу, чтобы можно было заставить его бездѣйствовать, выхвативъ одну работу изъ рукъ.

Новиковъ обратился теперь къ иному роду воздѣйствія на жизнь, желая воспитывать умы, кромѣ обличенія золъ и

Digitized by Google

недостатковъ, развитіемъ національнаго самосознанія, пониманіемъ историческаго прошлаго во всѣхъ поднимающихъ духъ его завѣтахъ, ища въ немъ проявленія доблестей, мужества, благородства, преданности народнымъ нуждамъ, душевнаго величія. Недавній сатирикъ принялся за изданіе историческихъ памятниковъ. Въ теченіе трехъ лѣтъ выходила „Древняя Россійская вивліоѳика", потребовавшая вскорѣ новаго изданія; здѣсь, какъ и въ другомъ трудѣ „Повѣствованіи о древностяхъ Россійскихъ" Новиковъ тщательно собиралъ памятники старой Руси, пригодные для его цѣли,— воспитанія при помощи исторіи. Для различныхъ его работъ въ томъ же направленіи Екатерина, все еще покровительствовавшая ему, разрѣшила пользоваться архивами. Такъ въ „Древней россійской вивліоѳикѣ" собраны были разнообразные памятники старины, литературные, дипломатическіе и т. п. Новиковъ сознавалъ, что не ко всѣмъ можно относиться съ одинаковой довѣрчивостью, что нужна была бы тщательная научная критика, но опереться ему было не на что; позднѣйшіе историки, конечно, находили нужнымъ вносить въ его работу поправки. Новиковъ и въ Москвѣ не покинулъ работъ этого рода; къ московскому періоду относятся его историко-литературные труды. Онъ можетъ считаться первымъ историкомъ русской литературы; въ этомъ у него не было предшественниковъ и образцовъ, и онъ избралъ форму, конечно, несовершенную, „Словаря русскихъ писателей", но вѣдь въ то время и на Западѣ не было еще историческихъ обзоровъ развитія литературы. Во всякомъ случаѣ Новиковъ отнесся къ дѣлу внимательно и вдумчиво. Этимъ качествомъ отмѣченъ и его „Драматическій словарь", первый памятникъ исторіи русскаго театра.

Въ 1772 г. Новиковъ основалъ первый литературно-критическій журналъ „С.-Петербургскія ученыя вѣдомости", призванный оцѣнивать литературныя произведенія, установить вѣрную и справедливую ихъ критику и въ то же время служитъ посредникомъ между Россіей и западной словесностью и наукой.

Къ другому виду его просвѣтительной дѣятельности за то время относится основаніе двухъ большихъ школъ, воз-

Digitized by Google

никшихъ помимо екатерининскаго приказа, стоявшихъ внѣ вѣдѣнія обычныхъ властей, зато открытыхъ общественному контролю; идея подобной школы приходила въ голову боярину Ртищеву еще въ 17 в., постаравшемуся и привести ее въ исполненіе, открывшему на собственныя средства школу съ преподаваніемъ свѣтскихъ наукъ и языковъ; лишь короткое время существовала она и принуждена была закрыться. Такого крушенія не произошло со школами Новикова, правительство ставило препятствія ихъ дальнѣйшему развитію, а вскорѣ ихъ вдохновитель переселился въ Москву, и онѣ заглохли.

Въ 70-хъ гг. совершился важнѣйшій переворотъ въ душевной исторіи Новикова, который обусловилъ все дальнѣйшее содержаніе его жизни и дѣятельности; поворотъ этотъ связанъ съ его вступленіемъ въ масонство. Необходимо вглядѣться и выяснить, что представляло оно собою въ то время, что могло дать и дало русской жизни.

Современная наука сильно подорвала и измѣнила представленіе о зарожденіи и ходѣ ранняго развитія масонства; въ ней можно различить два направленія: одно изъ нихъ, придерживаясь исторической достовѣрности, начинаетъ это движеніе съ 17 в., другое отодвигаетъ корни его глубже, въ средневѣковье, но, конечно, и оно далеко отъ бывалаго ходячаго вымысла наиболѣе ревностныхъ фанатиковъ масонства, видѣвшихъ уже въ строителяхъ храма Соломона древнихъ пророковъ этого ученія: оно относитъ зарожденіе масонства къ рабочимъ ассоціаціямъ, группировавшимся вокругъ построекъ громадныхъ готическихъ храмовъ, которыя длились цѣлыя столѣтія. Это были первоначально органы взаимопомощи, на обязанности которыхъ лежала забота о семьяхъ и сиротахъ умершихъ товарищей, объ инвалидахъ труда, больныхъ, временно нуждающихся; филантропическая эта дѣятельность осталась навсегда свойственною масонскимъ ложамъ; но стариннымъ рабочимъ союзамъ не была чужда и другая особенность масонскаго ордена,—ихъ мистика, естественно развившаяся къ кругу людей, жизнь которыхъ протекала около возведенія колоссальныхъ зданій, въ чьей архитектурѣ заключалась ужъ сложная символика (въ

Digitized by Google

группировкѣ частей, въ ихъ количествѣ, рисункахъ и пр.). Беречь и лелѣять эту мистическую символику считалось столь же полезнымъ и необходимымъ, какъ и хранить открытыя задачи братства и всеобщей помощи: и тѣ, и другіе завѣты передавались съ одинаковой заботой изъ поколѣнія въ поколѣніе. Позднѣйшіе масонскіе союзы, переставшіе быть рабочими, обратившіеся въ общества иного характера, сохранили эти заповѣди и пронесли ихъ черезъ нѣсколько вѣковъ; отъ рабочихъ ассоціацій получили они и свое имя масоновъ (maçon—каменщикъ), точнѣе франкъ-масоновъ и, въ Россіи 18-го вѣка, „вольныхъ каменщиковъ".

Происхожденіе этого слова надо искать въ англійскомъ „free-mason" свободный каменщикъ, что собственно сокращено изъ „free-stone-mason", чѣмъ въ старину обозначались именно люди, работавшіе надъ высшими, благородными породами камня, мраморомъ. Повсемѣстное названіе масонскихъ союзовъ „ложами" тоже сохранило рабочій терминъ; англійское „lodge"—сборная квартира, куда сходятся рабочіе послѣ труда; символическія орудія масоновъ, молоты, циркули и др., которыми они серьезно вооружались, объясняются изъ преемственной связи этихъ обществъ со средневѣковыми каменщицкими ассоціаціями. По мѣрѣ перехода къ новому времени эти союзы постепенно замирали и, можетъ быть, стерлись бы съ лица земли, если-бы не нашлись люди, сумѣвшіе поднять и развить это движеніе, расширивъ кругъ людей, входившихъ въ составъ общества, и задачи его. Это были ужъ предтечи масонства не рабочаго, но преслѣдующаго опредѣленныя морально-религіозныя цѣли. Починъ оживленія принадлежитъ, несомнѣнно, Англіи, но почти къ тому же времени (начало 17 вѣка) относится появленіе въ Германіи трехъ нравственно-учительныхъ книгъ, выдающагося по задушевнымъ стремленіямъ моралиста и филантропа Andreae.

Особенно сильное впечатлѣніе произвела „Fama fraternitatis", ставшая потомъ въ одномъ изъ масонскихъ толковъ евангеліемъ; она повѣствовала, что въ XIV вѣкѣ одинъ нѣмецкій монахъ Христіанъ Розенкрейцъ отправился въ долгое странствованіе по Востоку, хранителю вѣчной спаситель-

Digitized by Google

ной мудрости, таинственной, непреложной и единственной истины; вернувшись, онъ образуетъ общество изъ восьми человѣкъ, которыхъ посвящаетъ въ тайну, добытую имъ, затѣмъ они идутъ въ міръ, обращать людей, проповѣдывать истину; ихъ знакомъ является андреевскій крестъ и розы— символы страданія и просвѣщенія и въ то же время составныя части имени основателя движенія (Rosen-Kreuz).

Авторъ книги Іоганнъ Андреэ (Andreae) старался укоренить вѣру въ реальность существованія своего героя; въ доказательство указывалъ, напр., даже мѣсто его могилы; онъ проповѣдывалъ нравственное самоусовершенствованіе и былъ далекъ отъ общенія съ невидимымъ міромъ. Розенкрейцеры распространились по всему отечеству, образуя нѣчто вродѣ крестоваго похода во имя братства, человѣчности и нравственной высоты, но этому почину, столь свѣтлому, не суждено было развиться. 30-лѣтняя война, потрясшая жизнь всего нѣмецкаго народа, на долгіе годы воцарила произволъ и насиліе, подорвала нормальное развитіе движенія, и оно никогда уже не воскресло въ прежней формѣ. Въ возродившемся резенкрейцерствѣ не было и помину объ идеальныхъ стремленіяхъ Анреэ, и оно впослѣдствіи стало наиболѣе реакціоннымъ видомъ масонства. Такъ зародилось масонство на Западѣ; въ Россію оно проникло лишь во второй четверти 18 вѣка, и именно изъ Англіи. Къ тому времени оно уже стало сектою, орденомъ, распалось въ Англіи и зависѣвшихъ отъ ея масонства странахъ на группы ложъ, во главѣ которыхъ стояла великая ложа. Было, должно быть, что-то чарующее въ этихъ свободныхъ союзахъ единомышленниковъ, что-то привлекало къ нимъ людей; масонство широко разлилось почти по всей западной Европѣ, свято сохраняя свой ритуалъ. Выходящій въ наше время коллективный русскій трудъ, „Масонство въ его прошломъ и настоящемъ“ (подъ редакціей Мельгунова и Сидорова), представляетъ рядъ историческихъ очерковъ масонства въ различныхъ странахъ, Запада, въ Польшѣ, въ Россіи, и въ многочисленныхъ рисункахъ воспроизводитъ сцены масонскихъ обрядовъ, масонскую иконографію, затѣйливую утварь, традиціонные наряды братьевъ и т. д., въ которыхъ такъ ярко

Digitized by Google

сказываются пережитки стараго. Легко проникнувъ изъ Англіи во Францію, затѣмъ перекинувшись въ Германію, масонство въ 1731 году появилось и въ Россіи, въ Петербургѣ. Первымъ проводникомъ былъ англичанинъ Джемсъ Кейтъ, состоявшій на русской военной службѣ. Первоначально мѣстное масонство состояло лишь изъ иностранцевъ; только съ 1741 года начинается существованіе русскаго масонства, когда Кейтъ получилъ право принимать въ орденъ и русскихъ, но до конца 70-хъ годовъ не видно живыхъ послѣдствій дѣятельности масоновъ въ русской средѣ. Съ теченіемъ времени, однако, развивается и масонская самодѣятельность. Такъ Елагинъ явился основателемъ самостоятельной „елагинской" системы. Масонство распространялось въ Петербургѣ, въ Москвѣ, въ провинціи, затѣмъ даже въ дѣйствующихъ арміяхъ, за предѣлами Россіи, гдѣ образовывались походныя ложи; возникала сѣть ложъ, миновать которую трудно было интеллигенту; принадлежать къ масонскому ордену считалось одно время почти необходимымъ, моднымъ. Среди масоновъ 18 вѣка можно увидѣть людей, которымъ глубоко чужды были истинные идеалы масонства: здѣсь были А. П. Сумароковъ, историки Болтинъ, Щербатовъ и много иныхъ дѣятелей. Новиковъ еще въ Петербургѣ также не могъ избѣжать влеченія къ масонству, но его призвала туда не мода; вѣчный искатель смысла жизни, назначенія человѣка, онъ пошелъ къ „свободнымъ каменщикамъ" за отвѣтомъ на свои мучительные вопросы; онъ думалъ и слышалъ, что они стремятся къ разгадкѣ ихъ, но, встрѣтивъ въ ложахъ лишь свѣтскія собранія, ничѣмъ почти не отличавшіяся отъ какихъ-либо иныхъ, отдалился, пораженный и обманутый въ своихъ надеждахъ. Въ своемъ отношеніи къ масонству онъ напоминаетъ Лессинга, показавшаго въ „Масонскихъ разговорахъ" („Freimaurer Gespräche") чѣмъ могло бы и должно было бы стать масонство для человѣчества.

Съ тѣми же идеальными требованіями подходили къ нему и Гердеръ, и его ученикъ Гете. Новиковъ въ ту пору переживалъ тяжелое душевное состояніе; имъ все сильнѣе овладѣвало то, что дало возможность одному изъ историковъ нашего масонства приложить къ нему названіе „толстовства"

Digitized by Google

той эпохи; душевная неудовлетворенность брала верхъ надъ общественной работой и просвѣтительствомъ и заставляла его искать путей къ познанію „истины“. Такой путь, показалось ему, можетъ открыть московское масонство, руководившееся, какъ онъ уже это сталъ отгадывать, иными цѣлями и духомъ. Въ концѣ 70-хъ годовъ судьба неожиданно послала Новикову возможность выполнить свое желаніе,— сблизиться сь московскими масонами и въ то же время въ широкихъ размѣрахъ организовать общество на пользу просвѣщенія. Въ 1779 году кураторъ Московскаго университета Херасковъ предложилъ ему взять въ аренду университетскую типографію и изданіе газеты „Московскія Вѣдомости“. Новиковъ увидѣлъ въ этомъ указаніе судьбы, призывающей его къ новой дѣятельности.

Херасковъ былъ самъ масономъ и пережилъ до вступленія въ ложу то же, что Новиковъ; они сошлись на этой почвѣ. Поэтъ, хотя и не особенно талантливый, но въ особенности цѣнный своими высоко развитыми нравственными и гуманными требованіями (примѣчательны его аллегорическія поэмы—типа соціальныхъ утопій: „Нума Помпилій“ и „Кадмъ и Гармонія“), умѣвшій группировать около себя людей. Въ его салонѣ являлось много молодыхъ начинающихъ силъ. Херасковъ, зная способность Новикова къ просвѣтительству и сознавая трудность этой работы изъ-за малаго тогда количества типографій, (вольныхъ печатенъ еще не существовало; лишь позднѣе изданъ былъ указъ о вольныхъ типографіяхъ; прежде приходилось имѣть дѣло съ одной изъ казенныхъ: сенатской синодальной, академической), онъ воспользовался случаемъ, дававшимъ ему возможность предоставить въ распоряженіе Новикова университетскую и редакторство единственно распространенной газеты.

Если Новикову предложеніе показалось словно указаніемъ свыше, то вмѣстѣ съ тѣмъ на рѣшеніе переселиться въ Москву повліяло и высокое представленіе о московскихъ масонахъ и надежда, что они смогутъ помочь ему разобраться въ волновавшихъ его вопросахъ; это заставило его немедленно согласиться и ликвидировать свои дѣла въ Петербургѣ. Съ переселеніемъ его въ Москву начинается славный и

Digitized by Google

плодотворный періодъ его дѣятельности Онъ могъ осуществиться при участіи дѣятелей, создавшихъ вмѣстѣ съ нимъ важное, высокополезное въ общественномъ, литературномъ и нравственномъ отношеніи дѣло. Сказать, что эти люди представляли собой большія научныя силы, были настоящими философами, посвященными въ глубину и сущность вещей— нельзя; глубоко образованнымъ былъ только Шварцъ, выходецъ изъ Трансильваніи, появившійся въ Россіи какъ наставникъ въ домѣ кн. Гагарина, ревностный масонъ-просвѣтитель. Когда онъ получилъ каѳедру въ университетѣ, онъ развернулъ широчайшую дѣятельность, понявъ, что передъ нимъ открылась возможность вліять на молодежь, а вмѣстѣ съ нею и на общество; началось нѣчто небывалое; никогда еще университетъ не видалъ такого работника.

Сначала онъ былъ только профессоромъ нѣмецкаго языка, но, вернувшись изъ заграничной поѣздки по порученію московскихъ масоновъ, при чемъ ему удалось сдѣлать многое для нихъ, а также и для русскаго издательскаго дѣла, устроивъ связи съ нѣмецкимъ книжнымъ міромъ, онъ читалъ курсы объ эстетикѣ, охватывая ими изученіе міровой культуры, создавалъ одно за другимъ различныя образовательныя учрежденія при университетѣ.

Еще шире развилась его работа, когда онъ сталъ первенствующей активной силой въ основанномъ Новиковымъ вскорѣ по пріѣздѣ въ Москву просвѣтительномъ и издательскомъ „Дружескомъ Ученомъ Обществѣ".

Но высоко цѣнна была и коллективная энергія братьевъ масоновъ, сгруппировавшихся въ немъ ради цивилизующихъ цѣлей и отличавшихся часто не малымъ развитіемъ (Лопухинъ, Ив. Петр. Тургеневъ.)

Изъ главныхъ вѣтвей западнаго масонства, распадавшагося вообще на секты, проникли на русскую почву и пустили въ ней корни три. Если впослѣдствіи при Александрѣ I масонство, совсѣмъ замершее въ концѣ екатерининскаго царствованія и едва начавшее снова возрождаться при Павлѣ, получило широкое распространеніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ приняло политическій оттѣнокъ, такъ что отъ масонской ложи до тайнаго общества былъ лишь шагъ, то это уже

Digitized by Google

было искаженіемъ масонскихъ заповѣдей; политика никогда не имѣла цѣны для масоновъ: формы правленія были для нихъ безразличны, лишь бы могло осуществляться высокочеловѣчное обновленіе жизни не гражданъ, но людей. Съ другой стороны позднѣйшее масонство лишено было просвѣтительныхъ тенденцій и вліянія на общество, которымъ пользовалось во время Новикова. И такъ три оттѣнка масонства нашли распространеніе въ Россіи. Наиболѣе значительнымъ былъ „мартинизмъ", получившій свое имя отъ двухъ вѣроучителей, испанца Мартинеца Паскалиса и француза Saint-Martin'a. Въ изданной въ настоящее время Академіей „Перепискѣ русскихъ масоновъ" (она сохранилась благодаря „черному кабинету", т. е. системѣ, примѣнявшейся широко въ царствованіе императрицы-философа,—перлюстраціи писемъ, въ чемъ особенно отличался московскій почтъ-директоръ Пестель; съ подозрительныхъ писемъ снимались копіи) люди, стоявшіе въ самой глубинѣ дѣла, изъ осторожности спрашивали другъ друга въ письмахъ, существуетъ ли вообще Мартинизмъ? что собственно обозначаетъ это названіе? хотя евангеліе этого толка, сочиненіе Saint-Martin'a „Des erreurs et de la vérité" уже черезъ 10 лѣтъ послѣ появленія въ Парижѣ (1779 г.) было переведено и на русскій языкъ; разумѣется, оно было включено въ списокъ запрещенныхъ книгъ, а въ 90-хъ годахъ вышло даже опроверженіе его, будто напечатанное въ Тулѣ,—на самомъ дѣлѣ въ столицѣ.

Второю масонскою сектой было „розенкрейцерство", первоначально свободное отъ мистицизма, но къ 18 вѣку насытившееся имъ. Къ этой группѣ подъ конецъ принадлежали и Шварцъ и Новиковъ.

Наконецъ третья вѣтвь представляла собою отклоненіе отъ истинныхъ цѣлей масоновъ въ сторону политическую,— это иллюминатство. Какъ бы образуя большое тайное политическое общество, оно нѣкогда казалось особенно опаснымъ, и правительства центральной Европы принимали сообща разнообразныя мѣры для искорененія его; страшилище это чудилось имъ чѣмъ-то вродѣ позднѣйшаго Интернаціонала. Оно было жизненнѣе остальныхъ и могло бы сыграть важную роль въ Россіи, если бы его послѣдователи не были

Digitized by Google

разсѣяны въ ней въ одиночку, едва зная другъ друга. По крайней мѣрѣ объ этомъ свидѣтельствуетъ „Переписка русскихъ масоновъ“, гдѣ, по поводу преслѣдованія Радищева, одинъ масонъ ставилъ вопросъ другому, откуда въ Радищевѣ столько вольнодумства, и не приверженецъ ли онъ иллюминатства? Родоначальникомъ этого движенія былъ Адамъ Вейсгауптъ, уроженецъ южной Германіи, прошедшій первоначально іезуитскую школу, сбросившій затѣмъ этотъ нарядъ внѣшне и внутренне, чтобы приспособить удивительную іезуитскую организацію къ цѣлямъ свободы и широкаго просвѣщенія, откуда и названіе его ученія. Иллюминатство могло стать замѣтной силой въ Европѣ 80-хъ 90-хъ гг., если бы противъ него не былъ предпринятъ настоящій крестовый походъ.

Каковы бы ни были оттѣнки масонства, однако, были черты, соединявшія ихъ: это стремленіе къ своему перевоспитанію, къ нравственному подвигу, обязательство итти на помощь человѣку, нуждающемуся въ ней, матеріальную или духовную, братское соединеніе людей изъ всѣхъ слоевъ общества, особенно цѣнное въ Россіи, съ ея рѣзкою сословною рознью.

Такъ среди близкихъ сотрудниковъ Новикова видимъ совершенно различныхъ по общественному положенію людей, Лопухина, изъ рода первой жены Петра Великаго, стало быть родственника династіи, князя Трубецкого, бывшаго гвардейца Татищева, приволжскаго помѣщика Ивана Тургенева, сына откупщика Походяшина, стараго заслуженнаго чиновника Гамалѣю, настоящаго рыцаря честности и прямодушія, плебея по происхожденію Шварца, — въ младшемъ поколѣніи (Колокольниковъ, Невзоровъ) выходцевъ изъ церковничества.

Въ 80-е гг., къ которымъ относится расцвѣтъ, опиравшейся на масонское движеніе, просвѣтительной дѣятельности Новикова, прерванной гоненіемъ и заключеніемъ его въ крѣпость, выдвигалась крупная сила и въ иной области, воплощеніе иного направленія, радикальнаго, на вопросы политическіе и соціальные энергически откликающаяся,—свѣтлая личность Радищева, самаго даровитаго и самаго несчастнаго изъ дѣятелей поры просвѣщенія.

Digitized by Google

Въ 1767 г. группа изъ 12-ти молодыхъ людей, различныхъ по возрасту (отъ 20 до 12 л.), по распоряженію Екатерины была отправлена въ Лейпцигскій университетъ. Поводомъ къ этому послужило то обстоятельство, что младшій братъ Орловыхъ, близкихъ императрицѣ и сыгравшихъ немаловажную роль при ея восшествіи на престолъ, Владиміръ, получившій образованіе за границей, вернулся на родину не обезличеннымъ, а напротивъ съ готовностью работать въ русскихъ условіяхъ. Отрядъ молодежи былъ посланъ подъ наблюденіемъ комиссара Бокума и священника, забавнаго, смѣшливаго и мало пригоднаго къ своей роли отца Павла, и долженъ былъ провести въ Лейпцигѣ 5 лѣтъ. Въ числѣ 12-ти юношей находился и Радищевъ. До той поры никто еще изъ русскихъ людей не получалъ болѣе правильнаго и продолжительнаго образованія; Полѣновъ, авторъ лучшаго русскаго проекта объ освобожденіи крестьянъ, былъ студентомъ въ Страсбургѣ и Геттингенѣ, но всего лишь 2 года, и это 5-лѣтнее пребываніе Радищева за границей благопріятно отразилось на его умственномъ развитіи. Екатерина не знала, конечно, что сама готовитъ себѣ такъ хорошо вооруженнаго врага, вмѣшиваясь въ воспитаніе его,— а это было уже вторымъ вмѣшательствомъ: первый разъ она пожелала помѣстить его въ Пажескій корпусъ, и отецъ, старый заслуженный военный, благоговѣвшій передъ своей государыней, думать не могъ ослушаться ея. Первые же шаги ученія Радищева прошли въ глуши Саратовской губ. у мало свѣдущаго грамотея иностранца, оказавшагося бѣглымъ солдатомъ, затѣмъ въ Москвѣ, гдѣ онъ жилъ у родственниковъ отца, Аргамаковыхъ. Здѣсь его преподавателемъ былъ французъ-эмигрантъ, претерпѣвшій гоненіе отъ Людовика XV за свою дѣятельность въ Руанскомъ парламентѣ, за вѣрность своимъ радикальнымъ убѣжденіямъ. Благодаря тому, что Аргамаковъ былъ директоромъ университета, для Радищева было устроено домашнее преподаваніе университетскихъ профессоровъ.

О своемъ пребываніи въ Лейпцигѣ Радищевъ разсказалъ подробно и необыкновенно живо въ одномъ изъ своихъ произведеній, первомъ самостоятельномъ трудѣ своемъ,

Digitized by Google

хотя переводовъ съ иностраннаго было у него уже тогда много.

Если первымъ произведеніемъ Радищева былъ небольшой памфлетъ, то еще большее значеніе имѣло „Житіе Ѳ. В. Ушакова". Личность старшаго годами въ этой группѣ лейпцигскихъ студентовъ необычайно интересна

Онъ не былъ уже юношей и примкнулъ къ экспедиціи по личному желанію и прошенію, оставивъ свою службу чиновника, шедшую удачно. По тому, какъ обрисовываетъ его Радищевъ, онъ встаетъ передъ нами человѣкомъ убѣжденнымъ и твердымъ вь своихъ принципахъ, много и глубоко задумывавшимся надъ жизнью и людьми. Если бы ему довелось вернуться на родину, онъ не прошелъ бы безслѣдно въ ея исторіи, онъ смогъ бы совершить не мало нужнаго, но бурною жизнью онъ расшаталъ свое здоровье и умеръ въ Лейпцигѣ къ великому огорченію всѣхъ товарищей и особенно Радищева, встрѣтивъ смерть стоически, готовый ускорить ея приходъ,—когда ему стало особенно мучительно, онъ просилъ дать яду, такъ какъ вообще признавалъ законность самоубійства въ нѣкоторыхъ случаяхъ. Что-то сильное, прямодушное и крупное таилось въ слабомъ организмѣ этого, очевидно, выдающагося человѣка. Въ концѣ своей книги объ Ушаковѣ Радищевъ приложилъ образцы его работъ—разборъ книги Гельвеція „De l'èsprit". У него были всѣ задатки, чтобы стать мыслителемъ, критикомъ, но не пришлось.

Жизнь русской молодежи въ Лейпцигѣ, распущенные нравы лейпцигскихъ студентовъ, обступившихъ тысячной толпой маленькую группу, захватили ихъ и закружили въ области, далекой отъ наукъ; но угаръ продолжался недолго, и скоро они перешли къ серьезному труду. Отравляли ихъ жизнь столкновенія съ комиссаромъ, раздражавшимъ ихъ притѣсненіями, скаредностью, суровыми мѣрами обузданія настолько, что они готовы были бѣжать отъ него въ Америку: послѣ неоднократныхъ жалобъ въ Петербургъ комиссара уняли, и можно было углубиться въ работу. Когда много лѣтъ спустя въ Лейпцигъ пріѣхалъ Карамзинъ и видѣлся съ однимъ изъ лучшихъ передовыхъ профессоровъ,

Digitized by Google

котораго слушали они, Платнеромъ, послѣдній далъ о нихъ лестный отзывъ, особенно выдвигая Радищева, какъ одного изъ талантливѣйшихъ слушателей. Платнеръ имѣлъ громадное вліяніе на студентовъ глубиной своихъ научныхъ свѣдѣній, но популярность свою дѣлилъ съ Геллертомъ, привлекавшимъ къ себѣ необыкновеннымъ свѣтомъ и красотою нравственнаго облика, авторомъ прекрасныхъ басенъ и романовъ („Die schwedische Gräfin"), очень цѣнившимъ Ушакова и сожалѣвшимъ о его смерти. Радищевъ занимался нетолько изученіемъ наукъ философскихъ и историческихъ, но по собственному влеченію и естествознаніемъ, и медициною, и это отразилось на энциклопедичности его развитія. Впослѣдствіи, въ Илимскомъ острогѣ, онъ успѣшно примѣнялъ эти свои познанія, особенно медицинскія, и могъ лѣчить инородцевъ. Русское лейпцигское студенчество организовало реферативныя собранія; это былъ первый студенческій русскій кружокъ, распредѣлявшій между своими членами темы для работъ и съ рѣдкой основательностью выполнявшій ихъ. Здѣсь имѣла, напр., необыкновенный успѣхъ книга Гельвеція „De l'èsprit", послужившая предметомъ долгихъ и горячихъ споровъ. „Мы на Гельвеціи мыслить научалися", писалъ позднѣе Радищевъ. Возвращавшійся изъ Россіи черезъ Лейпцигъ Мельхіоръ Гриммъ узналъ о такомъ отношеніи русскихъ студентовъ къ произведенію своего друга и разсказомъ объ этомъ вызвалъ у писателя, не привыкшаго къ поклоненію на родинѣ, слезы умиленія.

Такъ прошло 5 лѣтъ, и въ 1772 г. маленькая колонія должна была возвращаться на родину. Пребываніе за границей кромѣ всѣхъ преимуществъ сказалось еще однимъ недостаткомъ, который особенно чувствовался у Радищева, какъ у дѣятеля литературы. Онъ отвыкъ отъ русскаго языка и, вернувшись въ Петербургъ, бралъ уроки у брата екатерининскаго секретаря Храповицкаго; въ „Путешествіи изъ Петербурга въ Москву" бросается порою въ глаза тяжеловѣсный слогъ, мѣстами не русскіе обороты рѣчи, но рядомъ— почти разговорный, живой языкъ.

Въ „Житіи Ѳ. В. Ушакова" живо переданы впечатлѣнія и настроенія его бывшихъ товарищей во время возвращенія

Digitized by Google

въ Россію. Когда они увидѣли межу, отдѣлявшую Курляндію отъ Германіи, ими овладѣло необыкновенное состояніе, экстазъ, отъ сознанія, что наконецъ они будутъ въ своей землѣ, гдѣ приложатъ къ дѣлу накопленныя знанія, что теперь ихъ ждетъ работа на пользу государства и народа, къ чему они такъ долго подготовлялись; они бросились цѣловать родную землю: „Если кто, понимая, что есть изступленіе, скажетъ, что не было въ насъ таковаго, и что не могли мы тогда жертвовать жизнью для пользы отечества, тотъ не знаетъ сердца человѣческаго“, говоритъ Радищевъ. Ожиданіе счастья, удачи въ жизни, готовность все отдать на пользу отечеству, наполняли ихъ, но уже то, что они увидѣли по пути отъ границы до Петербурга, охладило ихъ пылъ; они убѣдились, что если и было какое-нибудь движеніе въ Россіи во время пятилѣтняго ихъ отсутствія, то только попятное. Дальнѣйшій опытъ показалъ и очень быстро, что они ненужны, что нѣтъ дороги ихъ стремленіямъ.

Это было тяжелымъ ударомъ, глубоко прочувствованнымъ Радищевымъ. Правда, онъ не былъ первымъ, чью силу и способности презрѣла Екатерина. Подобная безучастность къ готовности людей работать встрѣчалась у нея и раньше и особенно ярко проявилась по отношенію къ Гердеру, долгое время жившему въ Ригѣ. гдѣ онъ пріобрѣлъ громадную популярность и вліяніе въ нѣмецко-балтійскихъ кругахъ своей педагогической работой, рѣчами, критическими брошюрами. Присмотрѣвшись къ русской жизни, понявъ, что онъ могъ бы пригодиться для нея со своею великой просвѣтительной энергіей, онъ обратился къ Екатеринѣ, выражая готовность работать въ ея государствѣ, но не получилъ никакого отъ нея отвѣта и вскорѣ покинулъ Россію.

Въ такомъ же положеніи очутился и Радищевъ, но не покинулъ родины. Сначала онъ работалъ въ „Собраніи, старающемся о переводѣ книгъ“, при чемъ не ограничивался однимъ переводомъ, но давалъ и примѣчанія и объясненія (интересно его поясненіе въ переводѣ книги Мабли по греческой исторіи, къ самодержавію,—онъ называетъ его „наипротивнѣйшимъ естеству человѣческому состояніемъ“.) Началась служба первоначально въ Сенатѣ, потомъ у петербургскаго

Digitized by Google

главнокомандующаго, выйдя въ отставку въ чинѣ секундъ-маіора, онъ черезъ нѣкоторое время вернулся на службу, но уже въ таможнѣ и оставался до конца, дойдя до должности директора, всѣми уважаемый за необыкновенную честность и добросовѣстность; когда надъ нимъ нависла гроза, его арестовали, отдали подъ судъ, все портовое купечество вмѣстѣ съ иностранными фирмами подало прошеніе, умоляя сохранить имъ такого рѣдкаго человѣка. Но стоило ли для подобной дѣятельности изощрять свои великія способности, стоило ли такъ образовывать себя?

Около Радищева было лишь немного людей, способныхъ понимать его: это его друзья по Лейпцигу и прежде всего Алексѣй Кутузовъ, которому посвящены обѣ книги Радищева, Челищевъ, Яновъ, затѣмъ кружокъ кн. Дашковой и ея брата А. Р. Воронцова, непосредственнаго начальника его въ Коммерцъ-Коллегіи, обратившаго на него вниманіе, когда возникло дѣло по поводу несправедливыхъ дѣйствій браковщиковъ пеньки, въ которомъ Радищевъ упорно держался особаго мнѣнія и протестовалъ, и, какъ оказалось, былъ единственно правымъ. Расположеніе Воронцова къ Радищеву никогда не прекращалось, и въ годы ссылки онъ заботился о немъ, снабжалъ его книгами и старался облегчить его положеніе.

Но дѣятельное выступленіе Радищева было еще впереди; оно было совершено его книгой, появившейся въ 1790 г., съ которой начинается мартирологъ его.

Въ исторіи русскаго просвѣтительнаго вѣка есть замѣчательное десятилѣтіе, подобное 40-мъ г.г. XIX в. отмѣченное необыкновеннымъ оживленіемъ литературы и соціальности; оно начинается въ концѣ 70-хъ г. г. и заканчивается 1790 г., когда появилось „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву“ Радищева. Это пора высшаго расцвѣта дѣятельности Новикова и его друзей масоновъ, время роста и подготовленія къ дѣятельности Радищева, время созданія лучшаго изъ произведеній Фонвизина „Недоросля“, прилива новыхъ силъ, которыя разовьются и проявятъ себя нѣсколько позже,—выступленія появившагося изъ глухой провинціи талантливаго самородка Крылова, пора развитія

Digitized by Google

дѣятельности писателей, собравшихся въ Петербургѣ вокругъ Львова,—Хемницера, Державина, Капниста.

Важнѣйшая роль въ эту пору принадлежитъ, конечно, Новикову, окруженному въ Москвѣ превосходными сотрудниками и помощниками. Эти люди обступили его въ учрежденномъ имъ „Дружескомъ Ученомъ Обществѣ"; названіе, конечно, неточное, оно не было „ученымъ"; въ наше время слѣдовало бы назвать его „Дружескимъ просвѣтительнымъ" или „культурнымъ Обществомъ". Новиковское общество было первой русской просвѣтительной ассоціаціей оно задавалось цѣлью не столько пропаганды масонства, сколько распространеніе просвѣщенія живыхъ, поднимающихъ и возрождающихъ русскаго человѣка идей; этою стороной его дѣятельности оно сохранится на всѣ времена въ благодарномъ воспоминаніи потомства. Но кромѣ того оно не менѣе заботилось, во всевозможныхъ видахъ, о матеріальной помощи народу; во всей этой работѣ правой рукою и какъ бы дополненіемъ Новикова являлся Иванъ Григорьевичъ Шварцъ, случайно прибывшій въ Москву, слышавшій о Новиковѣ уже раньше и пришедшій къ нему, желая посвятить свои силы тому дѣлу, около котораго уже стоялъ русскій неутомимый просвѣтитель. О немъ доложили, какъ о „какомъ-то нѣмчикѣ", желающемъ видѣть Новикова; тотъ вышелъ къ нему, а черезъ короткое время они стали близкими товарищами. Когда Шварцу, благодаря отсутствію тогда высокаго ценза, удалось занять каѳедру въ университетѣ, онъ и молодежь слились въ дружномъ общеніи; по его иниціативѣ возникли „Педагогическая и Переводческая семинаріи", нѣсколько позднѣе „Собраніе университетскихъ питомцевъ". Особенно широко развивается его дѣятельность по возвращеніи изъ Вильгельмсбада, гдѣ на масонскомъ съѣздѣ или конвентѣ онъ былъ представителемъ русскихъ масоновъ.

Знанія Шварца пополняли пробѣлы образованія Новикова, на которые онъ часто указывалъ, называя себя невѣждой, хотя благодаря обширному чтенію онъ уже сталъ однимъ изъ просвѣщеннѣйшихъ людей эпохи.

Вокругъ Новикова сгруппировались представители разнообразныхъ положеній и занятій, но онъ заботился и о прив-

Digitized by Google

леченіи молодыхъ силъ; особенно много сдѣлалъ для этого Шварцъ. Ему же принадлежитъ мысль основанія „Студенческаго общежитія“, вѣрнѣе было бы сказать „масонскаго“, помѣщавшагося около Меньшиковой башни. Среди питомцевъ его были Карамзинъ, Петровъ и другіе, предназначенные продолжать и развивать работу новиковскаго кружка.

Имѣя въ своихъ рукахъ университетскую типографію, Новиковъ получилъ возможность печатать книги въ большомъ количествѣ и распространялъ ихъ даромъ или съ минимальною для типографіи выгодою, которая шла на то же просвѣтительное дѣло; въ короткое время число книжныхъ лавокъ увеличилось въ Москвѣ въ 5 разъ; цѣлыми партіямя книги пересылались въ провинцію, въ Москвѣ устроена была Новиковымъ первая библіотека для чтенія. Но особенно широкое развитіе получила эта работа въ 1783 г., когда былъ изданъ указъ о вольныхъ типографіяхъ, послѣдняя реформа, послѣдній остатокъ культурныхъ затѣй Екатерины.

„Дружеское Ученое общество“ тотчасъ породило новую „Типографическую Компанію“, которая основала цѣлый рядъ типографій. Если бы Екатерина могла знать, что прежжде всего ея реформою воспользуются тѣ, которые стали ей ненавистны, она, можетъ быть, и не подписала бы указа. Какъ бы то ни было, теперь масоны на законныхъ основаніяхъ завели свои типографіи; заработало множество станковъ, цѣлая армія наборщиковъ помогала истолковывать русскому обществу то, что казалось необходимымъ провести въ него. „Типографическая Компанія“ явилась вмѣстѣ съ тѣмъ первымъ акціонернымъ обществомъ со складочнымъ капиталомъ: сюда вложилъ всѣ свои деньги напр., выѣзжій изъ Германіи масонъ баронъ Шредеръ. Позднѣе, когда начались преслѣдованія масоновъ, положеніе Типографической Компаніи было крайне затруднительно; наконецъ пришлось ликвидировать ея дѣятельность, и дѣло ея было передано въ руки одного Новикова.

Программа дѣятельности Типографической компаніи была далека отъ односторонней пропаганды масонства: она стремилась къ служенію наукѣ, художественному творчеству,

Digitized by Google

театру, публицистикѣ, словомъ, хотѣла совмѣстить всѣ отдѣлы, всѣ стороны жизни, притомъ нестолько въ твореніяхъ русскихъ писателей, которыхъ было еще мало, сколько въ переводахъ съ иностраннаго. Эта была широкая популяризація европейской мысли и культуры. Типографическая Компанія явилась какъ бы развитіемъ рано задуманнаго и открытаго въ Петербургѣ Новиковымъ, общества— „Собранія, старающагося о печатаніи книгъ", планъ этотъ, волновавшій его въ Петербургѣ, нашелъ свое полное осуществленіе въ Москвѣ. И здѣсь онъ не пересталъ быть журналистомъ, но уже не сатирикомъ; хотя изрѣдка встрѣчаются и теперь прежніе пріемы, но уже не слышно прежняго смѣха, теперь не до него. Въ московскихъ журналахъ Новикова „Вечерней Зарѣ", „Московскомъ ежемѣсячномъ изданіи" и т. д., находимъ статьи на общественныя и литературныя темы; появляются статьи, обличающія крѣпостничество; въ античной обстановкѣ проявлена мысль о равноправіи женщинъ и т. п. Такъ откликается прежняя страсть Новикова—журналистика. Но не журналы особенно цѣнны въ его дѣятельности этого періода, а всевозможныя книги, имъ изданныя.

Въ переводной художественной литературѣ, изданной Новиковымъ, напрасно искать произведеній, отвѣчающихъ запросамъ одной только эстетики; выбиралось то, что могло дѣйствовать на умы людей, освобождая отъ вѣковыхъ заблужденій, предразсудковъ. Изъ твореній Лессинга, переводчикомъ котораго явился Карамзинъ, остановились на горячей драмѣ „Эмилія Галотти", обличавшей и бичевавшей беззаконія, развратъ и произволъ, царившіе въ высшихъ сословіяхъ и правительствахъ Германіи, свидѣтелемъ чему пришлось быть самому писателю во время его пребыванія въ Брауншвейгѣ. Въ томъ же духѣ выбрана трагедія Шекспира „Юлій Цезарь", которой, можетъ быть, слѣдовало бы называться трагедіей о Брутѣ, такъ какъ именно этотъ фанатическій поборникъ свободы, не избѣжавшій роковыхъ ошибокъ и промаховъ въ своихъ поступкахъ, но полный пыла, горячности въ своемъ культѣ свободы, стоитъ въ центрѣ пьесы. Выборъ обоихъ произведеній характеренъ для

Digitized by Google

Новикова, но какъ онъ далекъ отъ задачъ узкаго, истиннаго масона!

Изъ области комедіи выборъ палъ на возбуждающія соціальныя пьесы Бомарше „Севильскій цирюльникъ“ и „Свадьба Фигаро“.

Интересны отношенія Екатерины къ этимъ произведеніямъ. Бомарше вынесъ изъ-за нихъ напряженную долгую борьбу, и много труда нужно было употребить, пока не огласилъ ихъ со сцены. Императрица-философъ, кокетничая либерализмомъ съ Европой, въ гоненіяхъ на „Севильскаго цирюльника“ увидѣла предлогъ, чтобъ демонстративно разрѣшить постановку его на русской сценѣ. Въ Москвѣ, въ театрѣ близъ Андроніева монастыря, онъ, разыгранный впервые, восхищалъ московскую публику. Иначе было со „Свадьбой Фигаро“, считающейся однимъ изъ предвѣстій революціи и такими выдающимися заявленіями, какъ большой монологъ 5-го дѣйствія, производившей судъ надъ всѣмъ строемъ французской жизни; узнавъ содержаніе и значеніе этой пьесы, Екатерина рѣзко порвала съ покровительствомъ ея автору. Тѣмъ не менѣе переводъ былъ сдѣланъ послѣдователемъ Новикова Лабзинымъ и изданъ Типографической Компаніей; въ предисловіи Лабзинъ указывалъ на великое значеніе комедіи и говорилъ о своемъ восторгѣ, что именно онъ сподобился перевести ее. Новиковъ обращался и къ памятникамъ старой литературы, дѣлая искусный выборъ изъ французскихъ, итальянскихъ, англійскихъ произведеній, лишь бы они соотвѣтствовали руководящимъ его цѣлямъ. Еще въ 40-хъ г.г. 18 в. распространялся въ рукописяхъ переводъ „Потеряннаго Рая“ Мильтона и уже былъ однимъ изъ любимыхъ произведеній русскаго общества; читателей привлекала къ себѣ нетолько сторона, посвященная изображенію райской жизни, но съ несравненно большей силой изображеніе адскаго царства и могучій образъ Сатаны, который наряду съ Мефистофелемъ Гете и Люциферомъ Байрона стоитъ въ числѣ лучшихъ созданій художественной демонологіи; въ рѣчахъ его и его присныхъ, въ этомъ бѣсовскомъ парламентѣ, отразились бурныя дѣянія парламента англійскаго. Издавъ печатный переводъ поэмы,

Digitized by Google

Новиковъ еще болѣе способствовалъ ея популярности, которая въ большой массѣ публики сохранилась до нашего времени, поддержанная многими позднѣйшими переводами. Изъ твореній того же англійскаго вѣка переведенъ былъ „Путь паломника", проникнутая глубокой нравственной силой, смѣлостью обличенія людской порочности и нетерпимости, красивая въ своемъ аллегорическомъ нарядѣ проповѣдь простого рабочаго, Джона Бэніана. До сихъ поръ еще живъ у насъ къ этому произведенію интересъ въ читающей массѣ. Пушкинъ переложилъ стихами одинъ изъ отрывковъ этого творенія. У Бэніана поражаютъ аллегоріи удивительной силы, яркія изображенія города, гдѣ происходитъ вѣчная „Ярмарка житейской суеты", гдѣ все продается: дружба, честь, любовь къ свободѣ; это—Лондонъ съ его ужасающей развращенностью и преступностью. Паломникъ ищетъ града небеснаго, претерпѣваетъ по пути множество искушеній, остается наконецъ совсѣмъ одинокимъ; спутники его частью соблазнились земными благами, частью погибли, не перенеся труднаго пути.

Наряду съ представителями старой англійской поэзіи можно поставить религіознаго нѣмецкаго поэта Клопштока съ его поэмой „Мессіада", соединеніемъ мистики и освободительныхъ идей, сдѣлавшимъ автора горячимъ сторонникомъ французской революціи. Переводили нерѣдко выдающіяся публицистическія произведенія, напр., книгу Мозера „Даніилъ во рву львиномъ", ѣдкую сатиру на современныя нѣмецкіе гражданскіе порядки.

Трудно перечислить все то, что перешло въ русскую жизнь, стало достояніемъ большой читающей массы, благодаря уму и энергіи Новиковскаго кружка. Немало вниманія было удѣлено дѣтскому и школьному чтенію, которое хоть и подлежало вѣдѣнію особой, учрежденной Екатериною комиссіи о народныхъ училищахъ, было, однако, поставлено неудовлетворительно.

Новиковъ свою энергію направилъ и въ эту сторону и обильно снабжалъ нарождающуюся школу учебниками, изданіе которыхъ было привилегіей комиссіи. Книги св. Писанія долженъ былъ издать Синодъ, но онъ относился къ

Digitized by Google

своей обязанности небрежно, изданія были плохи, скудны. Выступилъ и здѣсь Новиковъ, и Св. Писаніе въ его изданіяхъ расходилось повсюду къ великому негодованію Синода, въ средѣ котораго возникла одна изъ наиболѣе странныхъ ябедъ противъ Новикова: его упрекали въ томъ, что онъ масонъ, мистикъ, слѣдовательно человѣкъ сомнительнаго православія, дерзаетъ издавать Св. Писаніе. Екатерина приказала архіепископу Платону, чья резиденція, близъ Троицкой лавры, Виѳанія, и до сихъ поръ представляется уголкомъ философіи и религіознаго просвѣщенія, вызвать Новикова и испытать твердость его православія. Они видѣлись нѣсколько разъ, послѣ чего Платонъ отозвался о немъ, какъ о человѣкѣ, чья сила и глубина христіанства прямо поразительны, и ему остается только желать, чтобы въ паствѣ его было побольше такихъ людей. Такъ была прекращена синодальная кляуза, грозившая Новикову запрещеніемъ его дѣятельности. Но это была лишь временная отсрочка, предвѣстье гоненій, Екатерина, напуганная начинавшейся французской революціей, которой такъ сочувствовало русское общество, возликовавшее послѣ взятія Бастиліи, какъ будто пала Бастилія русская, усиливала свой реакціонный походъ, желая уберечь Россію отъ революціонной язвы; все же до послѣдней возможности продолжалась плодотворная просвѣтительная работа масоновъ.

Тяжелымъ ударомъ была для нихъ смерть Шварца, но дѣло было налажено и не пострадало отъ этого.

Въ пору наиболѣе знаменательной дѣятельности масоновъ развивалось въ Россіи иное движеніе, политическое, радикальное, которое нерѣдко смѣшивали въ 18 в. въ одно съ масонскимъ, тогда какъ съ нимъ оно имѣло мало общаго. Въ своихъ вопросныхъ пунктахъ, обращенныхъ къ Радищеву, Екатерина сама ставила вопросъ, не мартинистъ ли онъ,—наоборотъ, масоновъ считали причастными къ идеямъ французской революціи, къ дворцовому перевороту въ Швеціи и т. п. Первенствующее значеніе, которое среди масоновъ выпало на долю Новикова, здѣсь принадлежало Радищеву. Печально то, что только десять лѣтъ суждено ему было дѣйствовать на этомъ поприщѣ.

Digitized by Google

Прежде чѣмъ выступить передъ громадною аудиторіей, обнимающей всю Россію, со своей книгой, онъ дѣлаетъ рядъ подготовительныхъ шаговъ въ видѣ брошюръ и журнальныхъ статей; первымъ по времени явился памфлетъ „Письмо къ другу, жительствующему въ Тобольскѣ по долгу званія своего“, написанный по поводу постановки Екатериною памятника Петру I на Сенатской площади, выполненнаго по замыслу знаменитаго французскаго скульптора Фальконета. Имя великаго преобразователя было тогда на устахъ у всѣхъ и вызывало на размышленія объ европеизмѣ, движеніи впередъ. Эти мысли и составили содержаніе „Письма“; сочувствуя въ общемъ Петру, Радищевъ все же отмѣчаетъ въ его политикѣ важныя ошибки,—сожалѣетъ, что не были развязаны узы, тѣснившія народъ, не была утверждена „вольность“. За памфлетомъ послѣдовало „Житіе Ѳ. В. Ушакова“, наряду съ біографіей выдающейся, но не успѣвшей проявить себя на дѣлѣ личности лейпцигскаго товарища Радищева, явившееся заявленіемъ идей самого автора.

Въ концѣ 80-хъ г.г. онъ вступилъ въ кружокъ, сгруппировавшійся вокругъ Рахманинова, тамбовскаго помѣщика и страстнаго вольтерьянца, воспользовавшагося указомъ о вольныхъ типографіяхъ, чтобы, основавъ, кромѣ петербургской печатни, типографію въ своемъ имѣніи Козловскаго уѣзда, издать собраніе сочиненій Вольтера, и не измѣнившагося въ своемъ отношеніи къ нему даже, когда разразилась революція, и на голову Фернейскаго старца посыпались укоры въ возбужденіи революціонныхъ идей. Въ этомъ кружкѣ занималъ видное мѣсто Крыловъ, удивительный самоучка, ставшій литераторомъ, не пройдя никакой школы,—онъ обучался какъ бы въ наглядку, получивъ разрѣшеніе присутствовать на урокахъ, дававшихся сыновьямъ Львова, въ чью семью ему пришлось попасть въ Твери, и тѣмъ не менѣе въ Петербургъ онъ привезъ съ собою уже два произведенія оперу „Кофейница“ и трагедію „Филомела“. Среди всѣхъ членовъ кружка самымъ значительнымъ и образованнѣйшимъ являлся, несомнѣнно, Радищевъ. Этотъ кружокъ былъ одной изъ тѣхъ немногочисленныхъ группъ,

Digitized by Google

гдѣ даровитѣйшая личность русскаго поборника свободы находила пониманіе; кромѣ нихъ Радищевъ былъ близокъ со своимъ непосредственнымъ начальникомъ графомъ Воронновымъ, да съ немногими изъ лейпцигскихъ друзей Челищевымъ, Кутузовымъ, хотя послѣдній ушелъ потомъ въ масонство и сталъ однимъ изъ самыхъ усердныхъ работниковъ у Новикова; какъ переводчику, ему принадлежитъ переложеніе „Мессіады" Клопштока и одной изъ наиболѣе любимыхъ и читаемыхъ книгъ въ 18 столѣтіи: „Ночныхъ размышленій" англійскаго поэта-мыслителя Юнга; но такое расхожденіе путей не прервало ихъ дружбы,—вѣдь именно Алексѣю Кутузову посвященъ главный трудъ Радищева, и самъ Кутузовъ остался вѣренъ своему несчастному товарищу, когда на того обрушилась гроза, и всѣми силами искалъ возможности вступить съ нимъ въ сношенія изъ своей зарубежной дали (послѣ смерти Шварца онъ былъ командированъ масонами въ Берлинъ, гдѣ и провелъ около 10 лѣтъ). Въ письмѣ къ нему онъ говорилъ: „Во многихъ дѣлахъ мы съ тобою разно смотримъ, но сердце твое бьется въ уровень съ моимъ, и ты мой другъ".

Рахманиновъ далъ средства Крылову для основанія журнала „Почта духовъ". Вглядѣвшись въ статьи этого журнала, конечно, неподписанныя, такъ какъ онѣ представляли собою переписку духовъ и гномовъ, наблюдавшихъ все, что творится на землѣ и доносившихъ объ этомъ главному волшебнику Маликульмульку, нельзя не выдѣлить нѣкоторыхъ, выдержанныхъ въ гражданственномъ тонѣ, принадлежавшихъ, очевидно, не редактору, но сотруднику, далеко превышавшему его культурно. Сличеніе слога, отдѣльныхъ пріемовъ, мыслей и выраженій съ типическими особенностями „Путешествія" обнаруживаютъ въ этомъ сотрудникѣ Радищева, Его авторство подвергалось сомнѣнію; въ 60-хъ г.г. прошлаго столѣтія на немъ настаивалъ Пыпинъ; въ наше время Щеголевъ отвергалъ участіе Радищева въ названномъ журналѣ, но оно все же несомнѣнно. Видя примѣчательную широту вопросовъ, затрагиваемыхъ въ нѣкоторыхъ письмахъ, проявленія большой образованности, обнаруживающейся въ нихъ, нельзя не прійти къ

Digitized by Google

убѣжденію, что никто, кромѣ Радищева, не обладалъ всѣмъ этимъ изъ членовъ кружка; но что еще убѣдительнѣе, въ этихъ письмахъ ставятся темы, которыя Радищевъ разрабатывалъ въ другихъ своихъ произведеніяхъ, и они же повторяютъ часто его аргументы; такъ имъ проводится мысль о законности суда, который призваны выполнять хранители общественнаго блага—писатели, та же идея и въ „Путешествіи изъ Петербурга въ Москву"; онъ выступаетъ на защиту людей, типа мольеровскаго Альцеста, строго судящихъ жизнь и общество, возстаетъ противъ названія ихъ человѣконенавистниками; эти строки четвертаго письма изъ „Почты Духовъ" совпадаютъ съ горячо написанными страницами „Путешествія", возвеличивающими мизантроповъ, Тимона Аѳинскаго и того же Альцеста; эта мысль повторяется и въ позднѣйшемъ философскомъ трактатѣ, созданномъ уже въ Сибири: „О человѣкѣ, его смертности и безсмертіи". Вторымъ журналомъ, въ которомъ работалъ Радищевъ, былъ „Бесѣдующій Гражданинъ", существовавшій недолго и закрытый среди начавшагося сыска и гоненій, совпавшихъ съ началомъ французской революціи; редакторомъ этого журнала былъ Антоновскій. Честь открытія сотрудничества Радишева принадлежитъ Шеголеву. Статья Радищева: „Что есть истинный сынъ отечества" разсматриваетъ противорѣчія между тѣмъ значеніемъ, которое придается обыкновенно понятію о патріотѣ, сынѣ отечества, и тѣмъ, что должен ъ быть „истинный сынъ отечества"; этого названія не заслуживаетъ рабъ, невольникъ, склоняющій подъ ярмомъ свою голову; нужно вызывать изъ народа все лучшее, свободное, дать ему всѣ преимущества и вольности, созданныя культурой.

Участіе въ журналахъ было точно прологомъ къ главному труду Радищева. У него накопился громадный запасъ наблюденій надъ русскою жизнью; недоставало подходящей формы, въ которую онъ смогъ бы облечь свой матеріалъ и выразить въ доступномъ и легко западающемъ въ умы видѣ насущныя свои мысли; она была ему подсказана произведеніемъ англійскаго писателя Стерна: „Сентиментальное путешествіе", пользовавшимся необыкновеннымъ успѣхомъ во

Digitized by Google

всей Европѣ и нѣсколько запоздавшимъ появиться у насъ. Оно вмѣстѣ съ романомъ Стерна „Тристрамъ Шэнди", и нѣсколькими проповѣдями (авторъ былъ пасторомъ) представляютъ все литературное наслѣдіе, завѣщанное потомству, очень даровитымъ, но необычайно организованнымъ умомъ этого писателя.

Стернъ былъ натурой, сотканной изъ крайностей и неожиданныхъ переходовъ, съ душою, склонной къ самоанализу и исповѣди своихъ мыслей и ощущеній, способной отгадывать скрытыя глубины и откликаться на разнообразныя проявленія жизни, вдумчиво относиться къ каждому изъ нихъ. Произведенія его отличаются безконечною измѣнчивостью настроенія: обличеніе стоитъ рядомъ съ юморомъ, смѣхъ со слезами, но наиболѣе характерной особенностью является сентиментальность, понимаемая не въ смыслѣ ложной, жеманной чувствительности. Онъ самъ, классифицируя въ началѣ „Путешествія" различные виды путешественниковъ, дѣля ихъ на спеціалистовъ, инквизиторовъ, скептиковъ и т. д., причислялъ себя къ категоріи путешественниковъ чувствительныхъ, и хотѣлъ этимъ сказать, что онъ чутокъ ко всему, что даетъ жизнь народная, свѣтлому и темному, что онъ не останется празднымъ свидѣтелемъ происходящаго и видѣннаго, но все это пропуститъ сквозь свой внутренній міръ. Юморъ, свойственный вообще англійскому народу, въ Стернѣ былъ осложненъ особыми, лишь ему присущими чертами; оттого-то ни одинъ изъ послѣдователей его въ литературѣ не смогъ его повторить, а послѣдователей было много. Сентиментализмъ или стернизмъ надолго завладѣлъ умами въ Европѣ, проникъ къ намъ, породилъ рядъ подражательныхъ „Путешествій", былъ живъ еще въ первой четверти XIX столѣтія, хотя къ этому времени, износился уже до лохмотьевъ, какъ напр. у Шаликова или Измайлова, у которыхъ нечего, конечно, искать тѣхъ вспышекъ негодованія, которыми иногда загорался Стернъ; они давали одну только слезливость, и это вызвало извѣстнаго водевилиста кн. Шаховскаго въ началѣ XIX вѣка написать комедію: „Новый Стернъ", гдѣ ѣдко осмѣивалось ставшее уродливымъ, безжизненнымъ направленіе.

Digitized by Google

Радищевъ первый ввелъ сентиментализмъ въ Россію, но онъ взялъ его съ его настоящей и лучшей стороны и, не повторивъ Стерна, превзошелъ его своей гражданственностью.

Въ Стернѣ все же было что-то патологическое, сквозь которое временами проступала необычайная даровитость. Во время пребыванія во Франціи онъ крайне интересовалъ своей личностью наиболѣе выдающихся представителей французской мысли и учености, съ которыми онъ свободно вошелъ въ сношенія: они изучали его, какъ необычайно своеобразный психологическій экземпляръ. Жизнь его не была богата событіями, нѣтъ въ ней эффектныхъ біографическихъ подробностей; за исключеніемъ путешествія во Францію, Стернъ прожилъ мирно и однообразно, но тѣмъ живѣе текли его внутреннія переживанія, тѣмъ большее значеніе имѣли они для него. Знаніе людей, проникновеніе въ тонкости душевной жизни въ различныхъ слояхъ народа, своеобразный тонъ сужденій, переходы отъ печальнаго смѣха къ соболѣзнованію и негодованію сказались уже въ романѣ „Тристрамъ Шэнди", полномъ безподобно очерченныхъ характеровъ, но появившееся черезъ 6 лѣтъ, „Сентиментальное путешествіе", изданное Стерномъ за годъ до смерти, затмило романъ. Онъ описывалъ свое подлинное путешествіе по Франціи и въ связи съ описаніемъ разныхъ остановокъ на пути изображалъ жизнь со всѣми ея противорѣчіями и страданіями. Печально вспоминать о томъ, какъ кончилъ этотъ такъ душевно на все реагировавшій человѣкъ: онъ умеръ въ одиночествѣ, былъ похороненъ по послѣднему разряду; ночью же его трупъ былъ вырытъ и проданъ въ анатомическій театръ для работъ надъ нимъ. Случайно въ разлагающемся трупѣ были узнаны черты родоначальника сентиментализма.

Когда Радищевъ прочелъ „Путешествіе" Стерна, форма этого произведенія такъ понравилась ему, что онъ рѣшилъ воспользоваться ею для своего труда, съ тою разницей, что это не было описаніемъ одного изъ многочисленныхъ путешествій изъ новой столицы въ старую, а къ отдѣльнымъ станціямъ или ямамъ были пріурочены различные

Digitized by Google

случаи, когда-либо наблюденные имъ въ жизни, слышанные имъ, или же мысли по поводу всевозможныхъ явленій общественной жизни Россіи.

Вторымъ произведеніемъ, сильно повліявшимъ на Радищева, была книга, составителями которой были многіе изъ французскихъ энциклопедистовъ (напр. Дидро), но которая вышла съ именемъ главнаго сотрудника аббата Рейналя: „Histoire philosophique et politique des établissements et du commerce des Européens dans les Deux Indes" (1780). Это было главное проявленіе гуманнаго похода философіи XVIII-го вѣка противъ рабства. Въ теченіе многихъ лѣтъ Рейналя занимала мысль дать правдивую исторію колонизаціи европейцами различныхъ земель Азіи и Америки, куда они заносили не истинную культуру и свободу, а эксплоатацію труда туземцевъ, язву невольничества, жестокости и грубаго проявленія человѣческой злобы и хищничества. Онъ не былъ самъ въ колоніяхъ, но огромный, внимательно собранный матеріалъ позволилъ ему составить полную картину ужасовъ рабства въ его постепенномъ развитіи и распространеніи. Изложеніе книги мѣнялось, переходя изъ историческаго обзора къ разсужденіямъ экономическаго характера, превращаясь временами въ горячую декламацію или прерываясь вводными эпизодами беллетристическаго характера, что дѣлало произведеніе еще болѣе доступнымъ для широкихъ массъ общества. Такъ напр., авторъ выдумываетъ исторію двухъ любящихся туземцевъ, попавшихъ въ неволю къ различнымъ плантаторамъ, иллюстрируя этимъ насиліе надъ личностью человѣка. „Исторія обѣихъ Индій", возбуждавшая стремленіе къ освобожденію негровъ, индусовъ или европейскихъ рабовъ, нашла горячій откликъ всюду, гдѣ существовало невольничество. Когда въ Вестъ-Индіи вспыхнуло возстаніе негровъ, ихъ предводитель Туссенъ Лувертюръ, съ увлеченіемъ и слезами перечитывалъ книгу аббата Рейналя. Радищеву ли было остаться равнодушнымъ къ ней? Ему, конечно, бросилось въ глаза сходство съ русскими условіями быта, хотя онъ взялся за нее, по его собственнымъ словамъ въ отвѣтахъ на вопросные пункты, предложенные ему, заинте-

Digitized by Google

ресовавшись ею „по долгу службы", какъ книгою коммерческою. „Исторія обѣихъ Индій" вообще широко распространилась въ Россіи: въ каждой библіотекѣ старыхъ дворянскихъ гнѣздъ можно было потомъ встрѣтить ее.

Радищевъ несомнѣнно иногда подражаетъ Рейналю въ его пріемахъ: такова напр. исторія ёдровской Анюты, которую онъ разсказываетъ, отвлекаясь отъ плана; мѣстами онъ дѣлаетъ даже выписки изъ Рейналя; впрочемъ онъ и не старается скрывать пользованіе источниками, упоминаетъ и о Стернѣ, и о Гердерѣ, которымъ воспользовался для историческаго очерка цензуры въ главѣ „Торжокъ" и горячо защищая свободу слова и мысли.

Для своего воображаемаго путешествія онъ придумалъ небольшое, но хорошо написанное вступленіе; отъѣздъ изъ Петербурга, прощаніе съ друзьями; затѣмъ начинается многодневное странствіе по ужасной, вымощенной бревнами дорогѣ, по крѣпостной, невѣжественной Россіи; въ униссонъ съ настроеніями путешественника звучитъ заунывная, безконечно печальная пѣсня ямщика. Авторъ ведетъ за собою читателя по всѣмъ станціямъ между Петербургомъ и Москвой, показывая ему бытовыя сцены изъ русской жизни или, хотя и рѣдко, увлекая его въ былыя, даже историческія воспоминанія, какъ онъ это дѣлаетъ на остановкѣ „Новгородъ", сопоставляя прошлое Великаго, республиканскаго, сильнаго и богатаго города, съ современнымъ его состояніемъ, ничтожнымъ и захудалымъ. Конечно, въ подобномъ подборѣ матеріала есть придуманность: трудно предположить, чтобы на каждой станціи судьба посылала ему занимательныя сцены или возмутительныя происшествія. Книга заканчивается возгласомъ: „Москва, Москва!" и, такимъ образомъ, иллюзія путешествія ярка, и планъ строго выдержанъ. Если онъ былъ заимствованъ у Стерна, то у него взята и мысль озаглавить каждую главу именемъ города, станціи: передъ читателями проходятъ Новгородъ, Торжокъ, Спасская Полѣсть, Едрово и рядъ другихъ.

Несмотря на общность настроенія плана и пріемовъ, „Путешествіе" Радищева ни въ какомъ случаѣ нельзя назвать сколкомъ съ западно-европейскихъ образцовъ, онъ—не раб-

Digitized by Google

ствующій ученикъ, а самостоятельный писатель, который высказалъ именно то, что хотѣлъ и долженъ былъ сказать, какъ русскій человѣкъ, въ особенности проводя мужественно и настойчиво важнѣйшую для него идею--необходимость освобожденія крестьянъ, громя крѣпостное право. По неотвязчивости этой idée fixe его можно сравнить въ XIX в. съ другимъ однодумомъ, первымъ по времени русскимъ эмигрантомъ, спасшимся случайно отъ разгрома, постигшаго декабристовъ, который онъ пережилъ за-границей: это — Николай Тургеневъ, всю жизнь, десятки лѣтъ проповѣдывавшій освобожденіе крестьянъ, какъ необходимое условіе успѣшности другихъ реформъ. Эта мысль проводилась имъ еще въ молодомъ трудѣ его „Опытъ теоріи налоговъ" и широко развита въ книгѣ „Россія и русскіе" („La Russie et les Russes"), напечатанной въ Парижѣ въ 1847 году. Когда наступила пора Герцена съ его лондонской публицистикой, Тургеневъ, уже пожилой человѣкъ, принимаетъ передъ реформой 19-го февраля участіе въ „Колоколѣ" статьями о крестьянскомъ вопросѣ, шлетъ свои статьи противъ рабства въ Америку, гдѣ шла борьба сѣверныхъ штатовъ съ южными за отмѣну невольничества.

Но если черезъ все произведеніе Радищева проходитъ основной идеей завѣтное убѣжденіе въ необходимости уничтоженія крѣпостного права, было бы несправедливо думать, что оно посвящено лишь этому вопросу, потому что стремленіемъ автора было пересмотрѣть всю русскую общественную жизнь, отъ дворца императрицы и ея сановниковъ до низовъ. Для выполненія своей задачи онъ пользуется разнообразными пріемами: то описывая встрѣчу, то излагая слышанный будто бы разсказъ, или приводя отрывки изъ найденной рукописи („Проэктъ въ будущемъ"), то передавая аллегорическій сонъ, поднимаясь до паѳоса, находя въ нужную минуту и смѣхъ, вообще не свойственный ему, и напоминая этимъ разнообразіемъ средствъ Новикова.

Чѣмъ больше вживался Радищевъ въ выполненіе своего обширнаго замысла, тѣмъ большія способности беллетриста, литератора, проявлялись въ немъ,—которыхъ нельзя еще найти въ его первыхъ произведеніяхъ. Иногда въ одной главѣ

Digitized by Google

у него совмѣщаются юмористическое изображеніе дѣйствительности, задоръ, бойкость съ великимъ негодованіемъ. Такъ одна изъ важнѣйшихъ главъ книги „Спасская Полѣсть“ начинается передачей разговора, слышащагося путешественнику изъ-за досчатой перегородки, отдѣляющей его отъ собесѣдниковъ мужчины и женщины; до него доносится безподобно выдержанный въ юмористическихъ тонахъ разсказъ о гастрономѣ-намѣстникѣ, такъ сильно любившемъ устрицъ, что каждую весну подъ видомъ казенной надобности онъ гналъ курьера за тысячи верстъ въ столицу за своимъ любимымъ блюдомъ, устраивалъ ему парадную встрѣчу, разставляя по дорогѣ вѣстовыхъ, доносившихъ о его приближеніи, и, не довольствуясь денежной наградой, произвелъ его въ слѣдующій чинъ за отлично выполненное порученіе,—разсказъ такъ выдержанъ, что подъ нимъ могъ бы подписаться великій мастеръ этого дѣла—Салтыковъ. Но миновала эта картина, и одинъ пріемъ смѣняется совершенно противоположнымъ, до котораго никогда не доходилъ образецъ Радищева—Стернъ. Авторъ вводитъ вдругъ въ міръ своей сонной грезы. Утомленный дорогою путникъ наконецъ засыпаетъ и видитъ себя какимъ-то могучимъ владыкой, шахомъ, султаномъ, набобомъ или императоромъ; большой пышный дворъ окружаетъ его; министры, сановники, царедворцы, военачальники кажутся преданными ему, они слѣдятъ за каждымъ измѣненіемъ его лица, стараются развлекать его, но лесть, увѣренія, что его держава могущественна и сильна, всѣ искательства скучны ему; вдругъ среди придворныхъ онъ замѣчаетъ скромно одѣтую женщину, неопреодолимая сила влечетъ его къ ней, тогда какъ приближенные всячески стараются не допустить ее къ нему.

Она называетъ себя Прямовзорой, говоритъ, что она окулистъ, и, глядя на его глаза, увѣряетъ, что на нихъ бѣльма; они исчезаютъ отъ прикосновенія ея руки. Тогда видитъ онъ все въ настоящемъ свѣтѣ, понимаетъ истинную природу окружающихъ его людей, ихъ ужасающая душевная нагота раскрывается передъ нимъ; это—хищники, заботящіеся о собственной выгодѣ, готовые предать его, грабя-

Digitized by Google

щіе народное достояніе. А Прямовзора говоритъ ему, что она приходитъ разъ въ царствованіе, что сама она уже не вернется къ нему, чтобы снова показать ему истину, но будутъ являться другіе люди, вѣстники ея, и горе тому правителю, который не приметъ ихъ. Умудренный и встревоженный царь хочетъ приступить къ дѣйствіямъ, но—просыпается, и опять дѣйствительность вступаетъ въ свои права.

Въ чертахъ придворной жизни не трудно узнать дворъ Екатерины съ его роскошью, лестью, ложью. Наряду съ этимъ въ „Путешествіи изъ Петербурга въ Москву" встрѣчаются картины повседневной захолустной жизни, лица изъ разныхъ классовъ общества; такъ въ одной главѣ обрисованъ семинаристъ, будущій священникъ, томящійся скудостью знаній, даваемыхъ въ семинаріи, и бредущій въ столицу „за наукой". Всюду заглядываетъ Радищевъ; и крестьянинъ и дворянинъ находятъ себѣ мѣсто въ его книгѣ, и хоть ратуетъ онъ за крестьянъ, однако, не желая быть одностороннимъ, даетъ положительные типы и въ дворянской средѣ; рядомъ съ разбогатѣвшимъ ассессоромъ изъ главы „Зайцево", притѣсняющимъ, мучащимъ и глумящимся надъ своими крестьянами, онъ набрасываетъ образъ „крестецкаго дворянина" (встрѣченнаго имъ на станціи „Крестцы"). Онъ напоминаетъ собою черты французскаго шевалье, видѣннаго Стерномъ въ Версалѣ и изображеннаго въ „Сентиментальномъ путешествіи"; это типъ идеалиста; живя въ своей деревнѣ, въ захолустномъ имѣніи, онъ стремился воспитать своихъ сыновей въ честныхъ и здоровыхъ понятіяхъ, закалить ихъ отъ всѣхъ соблазновъ жизни, повторяя въ прощальной бесѣдѣ свои завѣты. Свидѣтелемъ этой сбивающейся на проповѣдь бесѣды приходится случайно стать автору „Путешествія изъ Петербурга въ Москву".

Кромѣ обрисовки отдѣльныхъ лицъ, сценъ, происшествій, Радищевъ посвящаетъ цѣлыя главы вопросамъ общаго характера. Таково его выступленіе противъ цензурнаго гнета въ главѣ „Торжокъ". „Слово о Ломоносовѣ", заканчивающее книгу, представляетъ собою размышленіе о великомъ представителѣ русской народной энергіи, вырвавшейся на волю,

Digitized by Google

о носителѣ могучаго народнаго духа. Ломоносовъ изображенъ здѣсь съ глубокой правдивостью со всѣми своими и свѣтлыми, и темными сторонами. Но самымъ сильнымъ мѣстомъ книги въ области общихъ политическихъ вопросовъ является ода „Вольность“ въ главѣ „Тверь“. Это нетолько первое стихотворное произведеніе Радищева, но и вообще первое политическое стихотвореніе, какое мы знаемъ въ Россіи, посвященное прославленію свободы. Оно тѣсно связано съ извѣстнымъ пушкинскимъ стихотвореніемъ подъ тѣмъ же заглавіемъ, стоившимъ поэту ссылки и гоненія, Пушкинъ не повторилъ всецѣло оды Радищева такъ его историческіе примѣры взяты изъ болѣе близкаго ему прошлаго, и, желая обрисовать расправу народа со своими угнетателями, онъ не тревожитъ уже тѣни Кромвеля, прославляемаго Радищевымъ за казнь Карла I, но укоряемаго за узурпацію данной ему народомъ власти; у Пушкина есть иное событіе—французская революція, судъ надъ Людовикомъ XVI и Маріей-Антуанеттой и казнь ихъ.

Ода „Вольность“ начинается обращеніемъ къ богинѣ свободы, которая въ глазахъ поэта самый великій и священный даръ, ниспосланный человѣчеству. „Позволь, чтобъ рабъ тебя воспѣлъ“, говоритъ онъ, — этому пріему могъ бы позавидовать опытный стихотворецъ. Ода имѣла совсѣмъ особенную судьбу. Предполагая, что во всемъ своемъ объемѣ она можетъ быть не пропущена цензурой, Радищевъ принялъ предосторожности. Оду онъ называетъ не собственнымъ произведеніемъ, а твореніемъ встрѣченнаго въ Твери стихотворца, лишь часть оды передается подлинными стихами, другая же пересказывается прозой. Такъ варьируется до конца форма этой оды. Нѣкоторые куплеты, вовсе не изъ умѣренныхъ по тону, все же даны сполна. Оставлены всѣ мѣста, гдѣ авторъ обращается къ древней свободной Греціи, къ Риму, въ лицѣ фанатика свободы—Брута, изъ исторіи Швейцаріи вызвана тѣнь Вильгельма Телля, куплетъ объ англійской революціи XVII в. и Кромвелѣ былъ признанъ однимъ изъ наиболѣе опасныхъ мѣстъ, такъ какъ заключалъ въ себѣ будто бы призывъ къ мятежу,—какъ казалось Екатеринѣ. Но Радищевъ, возвеличивая полити-

Digitized by Google

ческую свободу, не звалъ къ республиканскому строю; онъ только напоминалъ правителямъ, что есть судъ народный.

Какъ ни разнообразно содержаніе „Путешествія“, главнымъ нервомъ является все же вопросъ объ освобожденіи крестьянъ. Тема эта на разные лады повторяется на протяженіи книги. Тотчасъ послѣ описанія отъѣзда изъ Петербурга слѣдуетъ сцена на пути, встрѣча съ пашущимъ въ воскресенье крестьяниномъ; завязывается съ нимъ разговоръ проѣзжаго, во время котораго показаны тяжелыя стороны барщины, отнимавшей у крѣпостныхъ шесть дней въ недѣлю, оставляя для собственной работы ночи да воскресенья. Въ книгѣ Радищева впервые во всей безотрадности своей появляется настоящій народъ, который предшествующіе писатели если и выводили на сцену, то скорѣе для того, чтобы заинтересовать живописной его стороной, заставить его пѣть свои пѣсни и т. п. и чувствительно идеализировать „деревню“.

Различными способами пользуется нашъ первый народникъ, желая сосредоточить особое вниманіе на участи крестьянъ; среди этихъ средствъ есть обветшавшія уже, но тѣмъ не менѣе надолго пережившія Радищева и перешедшія къ позднѣйшимъ народникамъ, какъ Тургеневъ, Григоровичъ,— это идеализація крестьяннна; образцомъ подобнаго творчества является едровская Анюта, простая дѣвушка, привлекшая къ себѣ путешественника и внѣшнимъ видомъ и умѣньемъ скромно, но достойно держать собя. Когда ему, поборовъ ея первоначальное недовѣріе, удается разговориться съ нею, онъ узнаетъ, что у нея есть женихъ, котораго не соглашается принять къ себѣ ея семья, такъ какъ у него нѣтъ денегъ. Предложеніе снабдить ихъ нужной суммой встрѣчено отказомъ: достоинство и честь не позволяютъ имъ быть обязанными барину. Свѣтлая картинка написана съ большой любовью, хотя и съ преувеличеніями, Въ противоположность этимъ пріемамъ, въ главѣ „Зайцево“ описывается крестьянскій бунтъ въ деревнѣ, доставшейся человѣку, который выбрался въ дворяне и землевладѣльцы изъ низовъ. Когда данный за выслугу чинъ ассессора открылъ ему право земельной и крестьянской собственности, онъ почувствовалъ свою силу, и началось наглое вымогательство и

Digitized by Google

циничное надругательство надъ личностью и достоинствомъ своихъ рабовъ.

Точно дикіе кони, вырвавшіеся на волю, безчинствовали ассессоръ съ дѣтьми, грабили крестьянъ, безчестили женщинъ; наконецъ не выдержало крестьянское терпѣніе. Напавъ на своего помѣщика, они вырѣзали всю семью.

Оканчивая главу, Радищевъ не морализируетъ. Расправа была для крестьянъ единственно возможнымъ способомъ освобожденія; вѣдь жаловаться они не могли. „Крестьянинъ передъ закономъ мертвъ",—говоритъ онъ; ему негдѣ искать себѣ защиты.

Естественно, что такія сцены, равно какъ ода „Вольность" или глава „Спасская Полѣсть", должны были сильнѣе всего раздражать Екатерину.

Книга Радищева была бы не полна для такого практическаго дѣятеля, какъ онъ, если бы наряду съ изображеніемъ настоящаго положенія крестьянъ, онъ не далъ проекта ихъ освобожденія; его проэктъ—лучшій изъ всѣхъ, такъ какъ основанъ на освобожденіи не личномъ только, но съ землей. Все предусматривалъ онъ: дальнѣйшее устройство быта крестьянъ, ихъ самоуправленіе, судъ, основанный на принципѣ, что каждый гражданинъ долженъ судиться равными себѣ, предоставленіе имъ гражданскихъ правъ. При беллетристической формѣ произведенія это все можетъ казаться лишнимъ, зато оно обрисовываетъ Радищева, какъ истиннаго работника на пользу родинѣ, и является цѣннымъ вкладомъ въ эмансипаціонную литературу.

За 7 лѣтъ до выхода „Путешествія изъ Петербурга въ Москву", другое выдающееся произведеніе посвящено было также изображенію ужасовъ крѣпостнаго права, вторая комедія Фонвизина „Недоросль". Было бы, конечно, ошибочнымъ считать, что средоточіемъ ея должны были служить нелѣпый семейный бытъ Простаковыхъ, характеръ Митрофанушки, или даже моральная проповѣдь Стародума передъ лицомъ невѣжества и жестокости. Но Фонвизинъ при своемъ талантѣ могъ бы дать больше, чѣмъ далъ. Слишкомъ случайна и полна оптимизма развязка той трагедіи, которая разыгрывается въ усадьбѣ Простаковыхъ. Взятъ, въ духѣ

Digitized by Google

„просвѣщеннаго абсолютизма“, благодѣтельнаго, какъ будто бы всевидящаго, частный случай вмѣшательства. Все спасаетъ всевидящее око Правдина, возстановляя справедливость, но сколько Правдиныхъ понадобилось бы, чтобы исправлять такимъ образомъ зло, разсѣянное по всѣмъ угламъ Россіи!

Въ томъ разница и заслуга Радищева, что онъ указываетъ нетолько на зло, но и на средство къ его уничтоженію. Книга его должна была бы появиться раньше, чтобы избѣжать судьбы, постигшей ее, хотя давно уже перемѣнилась Екатерина. Работа надъ нею задержалась вслѣдствіе смерти жены Радищева, сильно на него подѣйствовавшей. Два года не притрагивался онъ къ ней, и только прочтенная имъ книга Рейналя снова вдохнула въ него стремленіе дать русскому обществу правдивое описаніе русской жизни.

Произведеніе создавалось далеко не въ томъ порядкѣ, какимъ мы видимъ его. Раньше всего, одиночно, написана глава, изображавшая продажу крестьянъ съ публичнаго торга; потомъ сцена на морскомъ заливѣ и т. д.

Къ сожалѣнію, нѣтъ достаточно данныхъ для возстановленія во всей послѣдовательности исторіи созданія „Путешествія“. Извѣстно однако, что вступленіе—отъѣздъ изъ Петербурга—было написано гораздо позднѣе. Первоначально книга заканчивалась главою „Черная Грязь“, гдѣ изображается самоубійца, которому сначала не удается покончить съ собой, любопытный силуэтъ русскаго неудачника тѣхъ временъ, съ его протестующими рѣчами.

Эта глава ничего не прибавила бы къ выводамъ книги, и Радищевъ, уже приступая къ печатанію произведенія, откинулъ ее, помѣстивъ взамѣнъ ея ранѣе и самостоятельно, безъ связи съ „Путешествіемъ“ написанное „Слово о Ломоносовѣ“.

Радищевъ могъ, конечно, предполагать, что его книга не пройдетъ незамѣченной правительствомъ, что она можетъ вызвать кару, и потому принялъ рядъ предосторожностей. Прежде всего онъ постарался обойти цензуру. Въ то время во главѣ ея стоялъ оберъ-полицмейстеръ Никита Рылѣевъ, безпечный, разсѣянный человѣкъ, который, уви-

Digitized by Google

давъ, что дѣло идетъ объ описаніи какого-то путешествія въ Москву, отнесся къ произведенію поверхностно. Тѣмъ не менѣе Радищевъ не представилъ въ цензуру наиболѣе сильныя мѣста. Онъ не довѣрился и постороннимъ печатнямъ, а устроилъ свою, пользуясь указомъ о вольныхъ типографіяхъ: наборщиками и работниками его были преданные ему служащіе таможни; никогда никто изъ нихъ не проговорился бы объ этомъ. Когда книга была готова, авторъ часть изданія переслалъ въ провинцію, куда она такимъ образомъ проникла одновременно съ своимъ появленіемъ въ столицахъ. Большого, центральнаго склада ея нигдѣ не было. Сравнительно больше экземпляровъ получилъ книгопродавецъ Зотовъ, другіе тоже переданы были мелкимъ книгопродавцамъ, торговавшимъ не въ центрѣ города, а на окраинахъ. Все это было сдѣлано для того, чтобы затруднить розыски. На допросѣ Радищевъ объяснялъ, что изданіе было не полное (1200 экз.), а только 640 книгъ, изъ которыхъ восемь экземпляровъ авторскихъ онъ роздалъ друзьямъ, 23-24 успѣли продать, всѣ же остальные—конфисковали и уничтожили; но мало основаній довѣрять этому показанію.

Въ числѣ друзей, получившихъ книгу въ подарокъ, былъ старый лейпцигскій товарищъ его Козодавлевъ, выдвинувшійся позднѣе, при Александрѣ I, въ первые ряды государственныхъ дѣятелей. Будучи въ хорошихъ отношеніяхъ съ Державинымъ, онъ далъ ему прочесть книгу, и тутъ произошло нѣчто странное, Поэтъ, самъ ославленный якобинцемъ за стихотворную передѣлку псалма Давида „Властителямъ и судіямъ“, въ своихъ сатирическихъ одахъ такъ строго относившійся къ современному обществу, разочаровавшійся и въ Екатеринѣ, оскорбился за Русь, изображенную Радищевымъ, и со свойственной ему прямотой, досаждавшей иногда императрицѣ („Я горячъ и въ правдѣ чортъ“, говорилъ онъ про себя), высказывалъ негодованіе по поводу книги и настолько рьяно, что Екатерина узнала о томъ, потребовала себѣ произведеніе, и возмутилась, прочтя его. Судьба книги тогда уже была рѣшена: она должна была быть уничтожена. Но вмѣстѣ съ начатымъ разслѣдованіемъ

Digitized by Google

начинается и двойственная игра Екатерины. „Я здѣсь подсудимый и голоса не имѣю“, заявила она и старалась остаться въ сторонѣ, но роли не выдержала. Слѣдствіе надъ Радищевымъ было поручено Шешковскому, добродушному съ виду, мягкотѣлому, пожилому человѣку, усердно посѣщавшему раннія обѣдни, чьимъ именемъ пугали дѣтей, потому что это былъ пытатель и мучитель. Радищевъ, узнавъ, кому поручено его дѣло, упалъ въ обморокъ. Выработанные Шешковскимъ предусмотрительные и казуистически придирчивые вопросные пункты имѣли цѣлью выпытать у него, что хотѣлъ онъ сказать своей книгой, раскрыть его сообщниковъ, отыскать источники его вольномыслія. Прочтя отвѣты Радищева, Екатерина не смогла продолжать принятой на себя роли сторонней наблюдательницы слѣдствія и составила свой вопросникъ. Теперь оба списка вопросовъ, такъ же, какъ и отвѣты Радищева, напечатаны. Измученный допросами, производившимися, какъ говорилось тогда, „съ пристрастіемъ“, и всею тягостью заключенія, онъ дошелъ до того, что коснѣющимъ языкомъ произносилъ покаянныя слова, но это не было настоящимъ раскаяніемъ, такъ какъ онъ не могъ чувствовать за собою никакой вины. Онъ оправдывалъ свой поступокъ тѣмъ, что хотѣлъ лишь добра, что говорилъ не больше, чѣмъ было сказано когда-то самой императрицей; такъ онъ не поколебался назвать свою оду „Вольность“, такъ какъ Наказъ разъяснялъ, что признаетъ вольность, разумѣя подъ этимъ словомъ право поступать въ предѣлахъ указанныхъ законами. Но ссылки на идеи Наказа казались Екатеринѣ особенно оскорбительными, такъ какъ укоряли въ измѣнѣ прежнимъ убѣжденіямъ. Искали сообщниковъ Радищева. Графъ Воронцовъ и Дашкова, несомнѣнно, знали о томъ, что готовится книга; очень вѣроятно, что авторъ читалъ имъ отрывки въ рукописи. Среди ближайшихъ друзей его подозрѣніе падало на Кутузова, но тотъ былъ въ Берлинѣ, и на Челищева, тоже вскорѣ покинувшаго столицу (онъ уѣхалъ въ Архангельскъ, оттуда объѣхалъ сѣверное Поморье и потомъ описалъ этотъ заброшенный край).

Въ стремленіи найти источники его вольнодумства Ека-

Digitized by Google

терина и Шешковскій привлекли и Руссо, и аббата Рейналя и др., но объектъ преступленія такъ и не былъ найденъ. „Мысли не суть преступленія“, говорилъ Радищевъ еще раньше, да и мысли-то его не могли распространиться. „Меня обвиняютъ въ томъ, что я хотѣлъ вызвать возмущеніе въ Россіи. Какъ могъ я это сдѣлать, если она вся безграмотна?“.

Матеріалъ слѣдствія переданъ былъ суду. Законами того времени совершенно не предусматривались проступки печати, и нужно было привлечь законодательство военное, даже морское, чтобы получить приговоръ за тяжкое (хотя и не доказанное) преступленіе.

Въ ожиданіи рѣшенія своей участи, Радищевъ пережилъ состояніе, которое трудно было бы ожидать отъ него, воспитаннаго на Мабли, Гельвеціѣ, Руссо,—измученный нравственно, онъ впалъ въ религіозный мистицизмъ, побудившій его написать въ крѣпости единственную въ этомъ родѣ изъ всѣхъ его произведеній повѣсть „О Филаретѣ Милостивомъ“. Такъ, почти полъ-вѣка спустя, Герценъ въ тюрьмѣ, въ Крутицкихъ казармахъ, послѣ разгрома его соціалистическаго кружка, въ мистическомъ настроеніи могъ написать „Легенду о святой Ѳеодорѣ“.

Радищеву былъ вынесенъ страшный приговоръ—смертная казнь и до нея еще „торговая казнь“, т. е. сѣченіе кнутомъ, но такъ какъ онъ былъ дворянинъ, а изданный манифестъ освобождалъ отъ тѣлеснаго наказанія, то эта часть отпала. Впрочемъ Екатерина не думала именно о смертной казни, и въ теченіе нѣсколькихъ дней обсуждала замѣну ея другимъ наказаніемъ, наконецъ, рѣшивъ сослать его на 10 лѣтъ въ дальній Илимскій острогъ Восточной Сибири. Туда онъ долженъ былъ итти этапнымъ порядкомъ въ кандалахъ вмѣстѣ съ уголовными преступниками, ворами и разбойниками. Кандалы особенно возмутили Воронцова, и онъ сумѣлъ добиться распоряженія о снятіи ихъ, но до Нижняго Радищевъ шелъ однако въ кандалахъ. Воронцовъ и инымъ путемъ старался смягчить судьбу его, онъ старался вліять на губернаторовъ и прочихъ начальствующихъ лицъ, по пути ссылки, могущихъ быть ему полезными, дѣйствуя

Digitized by Google

иногда не прямо, если зналъ о суровомъ нравѣ того или другого администратора, а обращаясь къ ихъ женамъ, въ надеждѣ, что женское сердце легче смягчитъ.

Чего только не насмотрѣлся Радищевъ за свое путешествіе до Сибири, начавшее его жизнь, какъ ссыльнаго! Эта жизнь таитъ въ себѣ много интереснаго. Конечно, у него не осталось и слѣда отъ покаяннаго настроенія, которое охватывало его подъ пытками Шешковскаго; на свое наказаніе онъ смотрѣлъ, какъ на нѣчто неизбѣжное только потому, что всякое движеніе впередъ должно искупаться страданіями. „Іоаннъ Гуссъ сгорѣлъ на кострѣ, Галилей томился въ темницѣ, вашъ другъ отправляется въ Сибирь“, писалъ онъ своимъ друзьямъ. Изъ общественнаго дѣятеля, неустанно шедшаго впередъ, онъ обратился въ изолированнаго мыслителя, заброшеннаго на русско-китайскую границу, никому ненужнаго и совершенно одинокаго. Единственнымъ человѣкомъ, съ которымъ онъ могъ дѣлиться тамъ своими мыслями, была его свояченица, послѣдовавшая за нимъ въ ссылку и ставшая позднѣе его женой; въ столицѣ былъ еще и Воронцовъ, пересылавшій ему книги, даже газеты, давая ему такимъ образомъ возможность слѣдить за великими совершавшимися тогда на Западѣ событіями французской революціи. „Переписка русскихъ масоновъ“ обнаружила еще нѣсколько сношеній съ близкими когда-то людьми; напр. два письма Кутузова къ нему и отвѣты на нихъ (безъименные); письма шли окружнымъ путемъ, черезъ Архангельскъ, гдѣ служилъ его братъ, и были полны лишь намековъ, такъ какъ открыто писать было опасно. Но и въ Сибири Радищевъ не могъ вести праздную жизнь; голова его неустанно работала, и всѣ знанія, накопленныя имъ въ Германіи и потомъ постоянно развивавшіяся, нашли себѣ примѣненіе. Здѣсь онъ написалъ свое единственное, цѣнное философское произведеніе, по формѣ обращенное къ широкой публикѣ: „О человѣкѣ, его смертности и безсмертіи“; оно обнаруживаетъ громадный запасъ философскихъ знаній автора: онъ ссылается и на нѣмецкую, и на англійскую, и на французскую философію, что показываетъ также и необыкновенную силу его памяти, такъ какъ книгъ подъ руками

Digitized by Google

у него было мало, и онъ долженъ былъ пользоваться своими воспоминаніями. Къ періоду ссылки относятся и такія работы Радищева, гдѣ онъ сказывается, какъ прежній практическій дѣятель въ области торговой и экономической; такова „Записка о торговлѣ Россіи съ Китаемъ", явившаяся результатомъ изученія экономическихъ условій русско-китайскаго міра, на границу котораго забросила его судьба, и прежде прочтенныхъ книгъ но вопросамъ о торговлѣ, которымъ онъ не могъ не заниматься, служа въ коммерцъ-коллегіи. Пригодились и медицинскія познанія, усвоенныя имъ по собственному желанію въ Лейпцигѣ, для инородцевъ, оставленныхъ въ пренебреженіи русскими властями въ отношеніи медицинской помощи.

Такъ короталъ онъ свое время въ ссылкѣ, когда неожиданно пришла вѣсть объ избавленіи. Смертъ его гонительницы спасла его; положеніе переселенца, навсегда оторваннаго отъ жизни, окончательно нарушило бы его душевный міръ. Новый императоръ, до того возненавидѣвшій свою мать, что готовъ былъ дѣлать все противоположное ей, спасать, кого она гнала, и гнать, кому она покровительствовала, вернулъ Радищева изъ Сибири. Но все же прощеніе было неполное. Авторъ „Путешествія изъ Петербурга въ Москву" былъ интернированъ въ своемъ имѣніи Малоярославецскаго уѣзда, селѣ Нѣмцовѣ, сдѣлавшемся его второй тюрьмой, такъ какъ онъ никуда не имѣлъ права выѣзжать изъ него. Недалеко отъ него, также въ имѣніи, жила находившаяся въ опалѣ кн. Дашкова, всегда благосклонно расположенная къ нему; естественно, хотѣлось повидать ее; но это не было разрѣшено; потребовалась такая важная причина, какъ серьезная болѣзнь отца, чтобы ему позволили отправиться въ Саратовскую губ. Онъ не могъ привести въ исполненіе давнюю мечту свою, освободить, по крайней мѣрѣ, хоть своихъ крестьянъ, и долженъ былъ переносить тяжелыя нравственныя страданія, видя своихъ подданныхъ, занятыми работою на него. Это душевное состояніе нашло отпечатокъ въ его „Описаніи моего владѣнія". Такое положеніе тянулось до смерти Павла, который такъ и не реабилитировалъ его, такъ что и за это время, стало быть

Digitized by Google

съ начала слѣдствія, Радищевъ отрѣзанъ былъ отъ общества, не имѣлъ съ нимъ почти никакихъ сношеній.

Съ воцаренія Александра 1, въ его первый свѣтлый періодъ, Радищевъ былъ вызванъ въ столицу, возстановленъ во всѣхъ правахъ; онъ среди первыхъ сановниковъ, входитъ въ комиссію по преобразованіямъ, все такой же убѣжденный и неисправимый демократъ. Но все это длится лишь нѣсколько мѣсяцевъ. Приступъ ипохондріи, появлявшейся и въ Сибири, приводитъ его къ самоубійству.

Первое собраніе его сочиненій было издано въ началѣ 19 столѣтія Платономъ Бекетовымъ, его горячимъ и вѣрнымъ поклонникомъ. Вышедшее въ двухъ томахъ, оно содержало въ себѣ по возможности всѣ произведенія его, но здѣсь, конечно, нечего искать „Путешествія изъ Петербурга въ Москву". Изданное впервые въ Лондонѣ въ 1859 г. Герценомъ, оно въ Россіи получило права гражданства лишъ съ 1905 года.

Въ 90-хъ г. г. достигаетъ апогея преслѣдованіе масоновъ Екатериною; это было преслѣдованіе не только самой секты, но и всѣхъ начинаній, исходившихъ отъ ея членовъ. Перечисленіе всѣхъ способовъ борьбы составило бы длинный свитокъ—то были всевозможные оттѣнки гоненій, подозрѣній, подавляющихъ мѣръ. Послѣ упомянутой уже кляузы синода, по поводу изданія Св. Писанія, о еретичествѣ Новикова, поднялась не менѣе несправедливая ябеда комиссіи народныхъ училищъ по поводу нарушенія Типографической Компаніей ея прерогативы издавать учебники для народныхъ школъ. Это дѣло было закончено не такъ благополучно, какъ первое. Въ своемъ издательствѣ учебниковъ Новиковъ руководился устнымъ разрѣшеніемъ Чернышева, главнокомандующаго въ Москвѣ. Ко времени возникновенія жалобы онъ уже умеръ, масонамъ нечѣмъ было доказать своего права, и они были принуждены отказаться отъ печатанія учебниковъ и выплатить комиссіи извѣстное вознагражденіе.

Въ преслѣдованіяхъ масоновъ нельзя, конечно, не считаться съ раціонализмомъ императрицы, которому было въ корнѣ чуждо и враждебно направленіе масонства; можно понять ея литературныя вылазки противъ нихъ, гдѣ она ихъ впрочемъ непростительно смѣшивала и съ изступленными

Digitized by Google

жрецами сибирскихъ инородцевъ, и съ такими лже-масонами, или просто авантюристами, какъ графъ Кальостро, Месмеръ или С. Жерменъ. Несравненно серьезнѣе однако были причины иного характера, именно политическія. Это—застарѣлая вражда власти и общественности, побуждавшая къ пресѣченію всѣхъ начинаній, какъ бы хороши они ни были, если они исходятъ не отъ центральной власти. Конечно, полной безсмыслицей является подозрѣваніе масоновъ въ какихъ-либо политическихъ предпріятіяхъ; тѣмъ не менѣе Екатерина ревностно доискивалась ихъ связей съ общеевропейской политикой. Ей не нравились ихъ оживленныя сношенія съ Западомъ, въ которыхъ чудилась ей большая неблагонадежность; русскіе масоны въ это время, дѣйствительно, часто отправляли своихъ членовъ за границу: то Шварца въ Вильгельмсбадъ, то Кутузова на много лѣтъ въ Берлинъ; молодые Колокольниковъ и Невзоровъ были командированы въ Германію и Голландію (лейденскій университетъ) для занятій химіей, которая должна была содѣйствовать алхимическимъ работамъ масоновъ (они возвращались въ Россію уже послѣ разгрома московскихъ масоновъ, и, захваченные на границѣ, были брошены въ тюрьму); баронъ Шредеръ являлся одинъ изъ акціонеровъ Типографической Компаніи; верховнаго мастера, герцога Брауншвейгскаго приходилось считать германскимъ главою русскаго масонства, считавшагося провинціальнымъ отдѣломъ нѣмецкой масонской организаціи. Во всемъ этомъ Екатерина подозрѣвала политическія цѣли, стремленіе къ ниспроверженію установленнаго порядка. Подозрительность ея достигла высшей точки, когда въ Стокгольмѣ на придворномъ балу былъ убитъ Густавъ III. Какая связь могла существовать между убійствомъ шведскаго короля и культурно-просвѣтительною дѣятельностью московскихъ масоновъ, сказать трудно, но императрица ее подозрѣвала; послѣ этого событія разыгрывается послѣдній актъ гоненія. Но Екатерина не менѣе того боялась сношеній масоновъ съ наслѣдникомъ престола Павломъ, и здѣсь передъ нею вставалъ призракъ возмущенія, государственнаго переворота. Антагонизмъ между матерью и сыномъ сильно вліялъ на отношенія императрицы ко всѣмъ окружающимъ. Достаточно было

Digitized by Google

стоять близко къ Павлу, чтобы навлечь на себя подозрѣнія Екатерины; Панинъ, бывшій воспитатель великаго князя, умеръ во-время, не успѣвъ подвергнуться преслѣдованіямъ. Фонвизина не спасли великія литературныя заслуги, и послѣдняя пора его жизни была полна столкновеній съ прежней своей покровительницей; стоитъ припомнить исторію его „Вопросовъ". „Господинъ Фонвизинъ хочетъ меня учить, какъ править Россіей", отозвалась Екатерина о нихъ, и „Отвѣты" ея выдаютъ съ трудомъ сдерживаемое нерасположеніе и враждебность; заключительнымъ моментомъ является запрещеніе фонвизинскаго журнала „Стародумъ или другъ честныхъ людей". Изъ него могъ явиться только проспектъ его, и журналъ былъ задушенъ въ зародышѣ.

Что нужно было масонамъ отъ Павла? Желали ли они имѣть его въ своей средѣ? Вѣроятно, имѣлось въ виду обезпечить дальнѣйшее существованіе ордена, но ихъ можно упрекнуть въ неосторожности. Впрочемъ, каждое движеніе имѣетъ не въ мѣру усердныхъ дѣятелей, способныхъ пренебрегать доводами разсудка и осмотрительности изъ-за достиженія поставленной цѣли. Среди масоновъ такимъ былъ одинъ изъ лучшихъ русскихъ зодчихъ 18 вѣка Баженовъ. Близкій къ Павлу и его двору, онъ хотѣлъ ввести наслѣдника въ кругъ масонства, переписывался съ нимъ, доставлялъ ему масонскія сочиненія; въ результатѣ этихъ домогательствъ, можетъ быть (какъ это допускаютъ новѣйшіе историки масонства), Павелъ былъ келейно принятъ въ орденъ, относился же онъ къ нему во всякомъ случаѣ благосклонно. Но, если бы даже онъ сталъ и настоящимъ протекторомъ масонства, это не грозило бы никакимъ переворотомъ; такъ далеки были отъ политическихъ дѣлъ масоны, но для Екатерины довольно было уже того, что Павелъ играетъ у нихъ какую-то роль, чтобы они оказались виновными.

Прежде всего Екатерина рѣшила сдѣлать невозможнымъ издательскую дѣятельность Новикова. Закрыть его типографію она не могла, издавъ указъ о вольныхъ типографіяхъ, но университетская печатня была отнята у него. Порою налагался секвестръ на наличность изданныхъ имъ книгъ, но

Digitized by Google

черезъ нѣкоторое время онѣ вновь выпускались на свободу. Ей не нравился акціонерный характеръ Типографической Компаніи, и она добилась того, что компанія ликвидировала свои дѣла, передавъ ихъ въ единоличное вѣдѣніе Новикова. Потрясенный всѣмъ, что на него обрушивалось, Новиковъ серьезно заболѣлъ и, оставивъ всѣ дѣла, переѣхалъ съ семьей изъ Москвы въ деревню Авдотьино, Бронницкаго уѣзда. Главнокомандующимъ Москвы былъ въ то время очень недалекій, суетливый, не въ мѣру усердный князь Прозоровскій. Получивъ приказъ изъ Петербурга тщательно слѣдить за масонами и арестовать Новикова, онъ отправилъ въ Авдотьино чуть не эскадронъ гусаровъ съ кавказцемъ-офицеромъ кн. Жеваховымъ во главѣ. Появленіе этого коннаго отряда навело такой ужасъ на семью Новикова, что дочери его никогда уже не могли излѣчиться отъ нервной болѣзненности, вызванной потрясеніями той ночи.

Дѣло Новикова, какъ и Радищева, было поручено разслѣдовать Шешковскому; его ждали для этого первоначально въ Москву; потомъ пришло повелѣніе тайно отправить Новикова въ Шлиссельбургскую крѣпость. Надъ нимъ не было даже никакого подобія суда; были предъявлены только вопросные пункты; производился долгій мучительный допросъ; добиваясь желательныхъ отвѣтовъ, Шешковскій прибѣгалъ, конечно, къ излюбленнымъ пыткамъ. Все это закончилось приговоромъ, которымъ Новиковъ за многія преступленія, частью, какъ было сказано, имъ скрытыя, осуждался на 15-тилѣтнее заключеніе въ Шлиссельбургской крѣпости. Съ нимъ вмѣстѣ былъ заключенъ и докторъ Багрянскій, умолившій, чтобы ему позволили раздѣлить судьбу Новикова, одинъ изъ самыхъ рьяныхъ приверженцевъ его.

Смерть Екатерины явилась и здѣсь избавительницей. Только $4^1/_2$ года отбывалъ просвѣтитель свое наказаніе; восшедшій на престолъ Павелъ поспѣшилъ освободить его. Годы заключенія оказали, однако, неизгладимо-тяжелое вліяніе на Новикова. Выйдя изъ крѣпости, онъ представлялъ собою печальную развалину; ничего не осталось отъ прежняго энергичнаго дѣятеля; впечатлѣніе, производимое его видомъ, было такъ потрясающе, что, по преданію, Павелъ,

Digitized by Google

увидя его, склонился передъ нимъ на колѣни, прося прощенія за поступокъ своей матери.

На Новикова обрушилась вся тяжесть преслѣдованія; остальныя главы московскаго масонства поплатились гораздо меньше. Такъ Лопухинъ, подвергнутый частичной опалѣ, долженъ былъ выѣхать изъ Москвы, И. П. Тургеневъ очутился въ своихъ симбирскихъ краяхъ, но Павелъ вскорѣ послѣ вступленія на престолъ, сдѣлалъ его директоромъ университета; со временемъ онъ сталъ покровителемъ того кружка, куда входили: Жуковскій, бр. Тургеневы и др. Нѣкоторые притихли и попрятались; масонство замерло на нѣсколько лѣтъ до смерти Екатерины. При Павлѣ оно снова получило нѣкоторыя льготы, но при Александрѣ I, не запрещенное прямо, должно было, однако, совершенно окончить свое легальное существованіе; отъ вступавшихъ на военную службу требовалось принесеніе присяги въ томъ, что они не принадлежатъ къ масонскому ордену.

Просвѣтительная энергія, проявленная главными руководителями русскаго „siècle des lumières“, какъ Новиковъ, Радищевъ, Фонвизинъ, должна быть отмѣчена у менѣе выдающихся дѣятелей общественности и литературы, достигавшихъ съ своей стороны немалыхъ результатовъ. Таково, напримѣръ, значеніе идейнаго драматурга Княжнина, въ своихъ трагедіяхъ проповѣдовавшаго со сцены облагораживающія понятія гуманности, справедливости и свободы; смерть спасла его отъ преслѣдованія за республиканизмъ, ярко отразившійся въ его посмертной трагедіи „Вадимъ“, пользовавшейся, какъ и остальныя его произведенія (комедіи, комическія оперы, трагедіи) большимъ успѣхомъ у публики именно за то, что въ нихъ слышались освободительныя идеи.

Къ просвѣтительному движенію примыкали и разнообразные лирики екатерининскаго времени; сводъ ихъ произведеній, собранныхъ и перепечатанныхъ Венгеровымъ въ его большомъ сборникѣ „Русская поэзія“, свидѣтельствуетъ о подъемѣ мысли, о желаніи отзываться на просвѣтительныя идеи, о проповѣди облагороженія жизни.

Цѣнно также участіе въ общемъ дѣлѣ отдѣльныхъ

Digitized by Google

группъ, которыя обособляются къ 80-мъ годамъ и дружно, словно съ круговою порукою, направляютъ свои силы на опредѣленныя цѣли.

Однимъ изъ первыхъ является кружокъ Львова въ Петербургѣ, небольшой по количеству участниковъ, зато вполнѣ спѣвшихся между собою, убѣжденныхъ въ томъ, что они должны дѣлать, и какъ нужно выполнять свое призваніе. Въ центрѣ кружка стоялъ человѣкъ безъ большого литературнаго дарованія, но съ хорошимъ критическимъ чутьемъ, съ умѣніемъ объединять вокругъ себя людей, Николай Львовъ, нерѣдко сравниваемый со Станкевичемъ, свѣтлою, вдохновенною личностью, вліявшей въ 30-хъ годахъ 19-го вѣка на членовъ своего кружка и на цѣлое поколѣніе. Львовъ не представлялъ собою такой выдающейся, широковозбудительной силы; это была нѣсколько дилеттантическая, даровитая натура, разносторонне одаренный человѣкъ. Зная хорошо языки и европейскую литературу, онъ былъ тонкимъ критикомъ, искателемъ и новаторомъ, не склоняясь опредѣленно ни въ сторону ложно-классицизма, ни къ сентиментализму; творческая продуктивная способность его была слаба, онъ писалъ стихи, былъ недурнымъ живописцемъ, архитекторомъ, оставилъ послѣ себя нѣсколько красивыхъ зданій и церквей. Вокругъ него сгруппировались его друзья и единомышленники, среди которыхъ стоятъ и такія крупныя имена, какъ Хемницеръ, Державинъ, Капнистъ,—одно изъ нихъ говоритъ намъ о живомъ и сильномъ движеніи въ области басни, гдѣ оно выдержало соперничество Ив. Ив. Дмитріева, — другое, имя Державина, когда-то покрывало своей славой чуть не всю показную литературу вѣка, — съ третьимъ связана тяжеловатая по формѣ, но сильная и смѣлая комедія, направленная противъ жестокой неправды и позорнаго состоянія судопроизводства и тогда уже взывавшая къ реформѣ суда, которая была осуществлена только въ 1864 году. Къ кружку примыкали Оленинъ, Ипполитъ Богдановичъ, теперь забытый, въ былое время считавшійся образцомъ изящества „русскій Лафонтенъ“, но не въ области басенъ, а въ „contes en vers“, авторъ прославленной „Душеньки“, къ которой любовно

Digitized by Google

относился даже Пушкинъ, взятой изъ „Psyché“ Лафонтена. Интересно, что въ кружокъ входили и представительницы женской просвѣтительной энергіи, дочери оберъ-секретаря сената Дьякова; сестры были какъ бы музами друзей. Особенно выдѣлялась одна изъ нихъ, ставшая позднѣе супругою Львова; она обладала богатымъ внутреннимъ содержаніемъ и шла въ уровень со своимъ мужемъ; муза Хемницера, оставшагося всегда ея вѣрнымъ поклонникомъ, она написала привѣтственное стихотвореніе ему, помѣщенное въ первой книжкѣ его басенъ. Хемницеръ сознавалъ самъ, что онъ никогда не рѣшился бы на такой шагъ, какъ изданіе басенъ, если бы не вліяніе Львовыхъ.

Члены львовскаго кружка сошлись изъ разныхъ мѣстъ. Первымъ, кто подошелъ ко Львову, былъ Хемницеръ, нѣмецкаго происхожденія (отецъ его былъ уроженецъ города Хемница, въ Саксоніи); непривлекательный по наружности, замкнутый въ себѣ, но съ чуткой душой, болѣвшей за людей, за участь добра и просвѣщенія, которое въ загонѣ, онъ представляетъ собою какъ бы воплощеніе той трагедіи, которую Грибоѣдовъ назвалъ „горемъ отъ ума“; онъ прошелъ черезъ жизнь, тихій и глубокій, не ища выгодъ и славы, думая свою думу о западной и русской современности и высказывая свои мысли въ басняхъ. Отецъ его былъ врачемъ и къ той же дѣятельности готовилъ сына, но анатомическій театръ произвелъ ужасающее впечатлѣніе на душу Хемницера, и онъ оставилъ медицину. Но не менѣе тяжелое дѣйствіе произвела въ немъ военная служба, когда онъ участвовалъ въ походахъ въ Пруссію. „Изъ одного анатомическаго театра я перешелъ въ другой, несравненно бо̀льшій“, характеризовалъ онъ свои военныя впечатлѣнія. Вернувшись въ Россію, онъ началъ службу въ горномъ вѣдомствѣ и сблизился со своимъ начальникомъ Соймоновымъ, который заинтересовался имъ и взялъ его съ собой въ большое европейское путешествіе. Передъ Хемницеромъ прошли Германія, Франція, и онъ, не получившій правильнаго образованія, жившій до тѣхъ поръ въ бѣдныхъ условіяхъ, сумѣлъ себя поднять до высоты пониманія философскихъ идей Запада, увлекался французскимъ освободитель-

Digitized by Google

нымъ движеніемъ, особенно Руссо. Въ Парижѣ онъ, какъ влюбленный, ходилъ подъ окнами своего кумира. Рѣзкая разница общественныхъ условій Россіи и Запада обращала на себя его вниманіе, заставляла болѣзненно откликаться его душу и по возвращеніи на родину побудила его взяться за перо и создавать свои басни. Эти произведенія даютъ намъ больше, нежели его современникамъ, для пониманія его внутренняго міра; по варіантамъ, дошедшимъ до насъ, мы можемъ прослѣдить ходъ его мыслей. Кромѣ того сохранился дневникъ, писанный имъ въ послѣдній періодъ его жизни. Хрупкое сложеніе предопредѣляло его къ ранней смерти. Грудная болѣзнь, развивавшаяся въ немъ, заставила Львова употребить свое вліяніе, чтобы доставить ему, не искавшему никогда высокихъ чиновъ и положеній, мѣсто русскаго консула въ Смирнѣ. По натурѣ Хемницеръ, конечно, не могъ быть дипломатомъ; вначалѣ онъ напрягъ свои силы, чтобы импонировать, турецкому правительству, но напряженіе ослабло, и потянулись долгіе мѣсяцы одиночества. Русское правительство точно забыло о немъ, порою задерживало присылку жалованья, и ему приходилось терпѣть нужду. Забыли его, казалось, и друзья. Веденный имъ въ ту тяжелую пору дневникъ сохранилъ настроенія и невеселыя мысли благороднаго, честнаго человѣка, стоившаго лучшей участи.

Конечно, это не колоссальная сила, но въ немъ было много живыхъ и подкупающихъ идей, которыя стоило разносить по русской землѣ. Въ его басняхъ повторяются основныя темы, которыя встрѣчаются у баснописцевъ всѣхъ временъ, начиная съ индійскихъ, арабскихъ, Эзопа и кончая Лафонтеномъ, но его творчество необходимо изучать въ русскихъ условіяхъ. Наболѣвшіе вопросы русской жизни являются однимъ изъ главныхъ предметовъ его басенъ. Если бы ему суждено было жить дольше, онъ оставилъ бы большой слѣдъ и какъ сатирикъ; однимъ изъ достоинствъ его произведеній было то, что онъ писалъ, по выраженію привѣтственнаго стихотворенія Львовой лишь „внушенное ему самой натурой“, т. е. правдиво касался того, что видѣлъ, что наблюдалъ въ дѣйствительной жизни.

Digitized by Google

Еще болѣе талантливымъ членомъ этого своеобразнаго кружка, не напоминавшаго собою ни Новиковскаго „Дружескаго Ученаго Общества", ни группы, во главѣ которой стоялъ Радищевъ, былъ Державинъ. Молодость его прошла въ изнурительномъ кочеваніи по Россіи, связанномъ съ военной службой; время дѣлилось между казармами и походами; такъ, въ отрядѣ Бибикова, преслѣдовавшемъ Пугачева, ни читать, ни думать было некогда. Все это, конечно, плохая школа для будущаго стихотворца. Воспитаніе, полученное имъ въ Казанской гимназіи, по собственному его признанію въ мемуарахъ, дало ему только знаніе нѣмецкаго языка. Все же онъ явился въ Петербургъ съ небольшимъ сборникомъ лирическихъ произведеній „Читалагайскія оды",—это былъ его стихотворный починъ, проявившійся во время одной лагерной стоянки. Онѣ распадаются на двѣ части; одна изъ нихъ заключаетъ въ себѣ переводъ съ нѣмецкаго французскихъ одъ философскаго характера Фридриха II,—другая первые стихотворные опыты Державина. Позднѣе онъ самъ сознавалъ, что они созданы были въ духѣ чуждомъ ему; тогда, говоритъ онъ, онъ пытался итти по стопамъ Ломоносова, но дарованію его не было свойственно ломоносовское „пареніе" и это обрекало его на неудачу.

Со времени знакомства со Львовымъ, Державинъ подъ его вліяніемъ находитъ себя, находитъ свою манеру писать и тогда начинается его ростъ, продолжающійся до смерти Екатерины; это развитіе идетъ съ колебаніями, отклоненіями въ разныя стороны; если бы не это, то изъ него выработалось бы значительно бо́льшее, и онъ смогъ бы выполнить всѣ богатыя возможности, заложенныя въ его натурѣ.

Для участія въ просвѣтительномъ движеніи у Державина не было настоящей образованности; тѣ скудныя знанія, которыя онъ получилъ въ казанской гимназіи, были недостаточной опорой. Впослѣдствіи онъ кое-что подчиталъ, обо многомъ думалъ, много наблюдалъ въ жизни, и изъ всего этого сложилось его міросозерцаніе. Нѣмецкая образованность была въ немъ сильнѣе всего; тамъ, гдѣ въ творче-

Digitized by Google

ствѣ онъ философствуетъ, какъ въ одѣ „Богъ“, видно вліяніе нѣмецкихъ писателей, а подчасъ встрѣчаются и явныя заимствованія (изъ Галлера). Помимо того, въ немъ было немало общихъ требованій, серьезнаго отношенія къ жизни, и это ставитъ его, какъ лирика, въ русской поэзіи не на послѣднемъ мѣстѣ.

Слова, сказанныя о себѣ самомъ въ мемуарахъ: „я горячъ и въ правдѣ чортъ“, рисуютъ его съ иной стороны,— защитникомъ правды, рыцаремъ добродѣтели. Гдѣ же помѣстить его, въ рядахъ сладкозвучныхъ пѣвцовъ или среди общественныхъ дѣятелей, боровшихся за правду?

Такъ же затруднительно было бы поставить его въ рамки одного изъ литературныхъ теченій,—онъ во всю свою долгую жизнь не выходилъ изъ исканій. Если въ первое время онъ былъ подъ вліяніемъ нѣмецкихъ поэтовъ, то потомъ потянулся навстрѣчу огоньку романтизма, которымъ оказались появившіяся въ Англіи „Пѣсни Оссіана“ Макферсона, наполовину подлинныя народныя сказанія, наполовину мистификація. Очаровавшія всю Европу, онѣ проникли и въ Россію, и Ермилъ Ивановичъ Костровъ, изъ рядовъ тогдашней литературной богемы, перевелъ ихъ на русскій языкъ; но Державинъ первый вдохновился ими, что, конечно, было странно, потому что онъ вышелъ изъ школы ложно-классицизма, и все нестройное, фантастическое, неясное, должно было быть чуждымъ ему. Еще позднѣе онъ является переводчикомъ Шиллера, а въ послѣднихъ твореніяхъ, созданныхъ имъ въ новгородскомъ имѣніи „Званкѣ“, куда онъ удалился, впавъ въ немилость при Павлѣ, и гдѣ переживалъ періодъ народничества, изучалъ деревню, онъ является прямымъ предшественникомъ „легкой поэзіи“ Батюшкова и Пушкина. И это еще не всѣ грани его разносторонняго таланта. Находясь въ придворномъ кругу Екатерины, онъ, взявъ образъ киргизъ-кайсацкой царевны Фелицы изъ сказки императрицы, воспѣлъ ее въ восторженныхъ стихахъ, но тутъ же ввелъ въ оду бездну реалистическихъ чертъ. Весь высшій кругъ общества оказался изображеннымъ съ ѣдкой насмѣшливостью. „Таковъ Фелица, я развратенъ, но на меня весь свѣтъ похожъ“, го-

Digitized by Google

воритъ онъ потомъ, и эти слова отбрасываютъ самообличеніе на окружающую среду. Это соединеніе сатиры съ пріемами похвальной оды не оправдывалось стихотворной теоріей и явилось полнымъ новшествомъ. Въ другой одѣ „На смерть кн. Мещерскаго“ онъ вырастаетъ до могущественнаго образа смерти, уравнивающей всѣхъ. Державинъ же былъ и первымъ русскимъ пѣвцомъ природы,—хорошо ему извѣстный Олонецкій край, Ладожское и Бѣлое озера; въ описаніи водопада Кивачъ онъ достигъ такихъ красотъ, какихъ еще не встрѣчалось въ русской поэзіи.

Насколько справедливо названіе Державина „бардомъ“ Екатерины? Въ первое время сближенія съ нею онъ посвятилъ ей немало хвалебныхъ строфъ, но пора эта скоро прошла. Признанія его въ мемуарахъ вносятъ необходимыя поправки въ общепринятое сужденіе объ отношеніяхъ между нимъ и императрицей. Два года были они въ непосредственномъ общеніи другъ съ другомъ, потомъ охладѣли, и началось расхожденіе. Екатерина понимала, что пріятно имѣть около себя человѣка, способнаго такъ сладкозвучно воспѣть ея дѣла, но въ этомъ пѣвцѣ было слишкомъ много докучавшихъ ей сторонъ. Онъ былъ ея статсъ-секретаремъ, и каждый разъ, когда онъ входилъ къ ней, она уже ожидала какихъ-либо непріятныхъ разоблаченій; таково было, напр., дѣло афериста англичанина, банкира Сотерланда, гдѣ были замѣшаны различные сановники. Фавориты Екатерины, заинтересованные въ его воспѣваніяхъ, ухаживали за нимъ, выпрашивая себѣ оды, но онъ не давалъ себя обольстить. Въ дни могущества Потемкина онъ написалъ оду „Вельможа“, гдѣ изображалъ его сатрапомъ, а въ противоположность ему Румянцева, какъ вельможу—истиннаго друга народа. Однако, когда закатилась звѣзда Потемкина, онъ выступалъ на его защиту. Но въ практической дѣятельности Державина были разныя погрѣшности. Два раза отходилъ онъ отъ своей литературной работы: былъ губернаторомъ сначала въ Петрозаводскѣ, потомъ въ Тамбовѣ (гдѣ напр. сыгралъ крупную роль въ исторіи развитія тамбовскаго театра); въ Петрозаводскѣ рядомъ съ нимъ стояла власть намѣстника, и между двумя администраторами то и дѣло происходили разныя тренія,

Digitized by Google

вызывавшія поэта на мелкія ябеды и недостойную его клевету,

Некрасивую роль сыгралъ онъ и въ исторіи Радищева. Конечно, не было доноса съ его стороны, но онъ былъ повиненъ тѣмъ, что своими раздраженными рѣчами ускорилъ вмѣшательство Екатерины. Мало того,—когда Радищевъ отправился въ далекую ссылку, Державинъ напутствовалъ его злой эпиграммой, гдѣ, воспользовавшись старымъ ямщицкимъ окрикомъ на лошадей „вирь, вирь", подъ статьи къ нему и въ риѳму иронизируетъ: „знать, русскій Мирабо, поѣхалъ ты въ Сибирь".

Какъ бы то ни было, старое представленіе о Державинѣ, какъ о пѣвцѣ Екатерины, необходимо должно быть разрушено. Въ мемуарахъ онъ говоритъ, что свои хвалебныя оды онъ могъ создавать только издали; когда же, подойдя, убѣдился, что Екатерина правитъ не по справедливости, а по политическимъ соображеніямъ, онъ умолкъ. Подъ конецъ царствованія онъ впалъ въ немилость за оду „Властителямъ и судьямъ"; преслѣдовать именно за нее, казалось бы, было трудно, такъ какъ она представляла собою переложеніе псалма Давида, но авторъ былъ все-таки ославленъ якобинцемъ, распространителемъ вредныхъ идей.

Павелъ попробовалъ привлечь на свою сторону этого горячаго человѣка, но ладить съ психопатичнымъ владыкой было не подъ силу Державину; онъ ушелъ въ деревенское затишье своей Званки, гдѣ начинается періодъ его доживанія на правахъ литературнаго генеральства. И здѣсь онъ не переставалъ думать свою думу, характеръ которой полнѣе всего вылился въ его предсмертномъ стихотвореніи, написанномъ на аспидной доскѣ:

„Рѣка временъ въ своемъ теченьѣ
Уноситъ всѣ дѣла людей
И топитъ въ пропасти забвенья
Народы, царства и царей.
А если что и остается
Отъ звуковъ лиры и трубы,
То жерломъ вѣчности пожрется
И общей не уйдетъ судьбы".

Это точно эпилогъ его долгой житейской борьбы и работы. Все рухнетъ, все поглотится вѣчностью. Эти слова, на-

Digitized by Google

писанныя уже въ 19 вѣкѣ послѣ Отечественной войны,—послѣднее выраженіе державинской философіи, углубившейся къ концу его жизни.

Третьимъ выдающимся членомъ кружка былъ Капнистъ, все значеніе котараго, какъ литературнаго дѣятеля, сконцентрировано въ одномъ произведеніи, комедіи „Ябеда". Странный, но не единичный примѣръ въ русской комедіи,—таковъ Фонвизинъ, который, при всемъ значеніи „Бригадира" вполнѣ проявилъ себя въ одномъ лишь „Недорослѣ", Грибоѣдовъ съ его „Горемъ отъ ума". Очень даровитому Капнисту, уроженцу горячо любимой имъ Малороссіи, была свойственна характерная для его земляковъ лѣнь; нуженъ былъ очень сильный внѣшній стимулъ, который вызвалъ бы его творческія силы къ дѣятельности. Такимъ стимуломъ явился его процессъ съ наглымъ нарушителемъ права, оттягавшимъ часть его земли. Не желая отступаться отъ своего, Капнистъ провелъ дѣло по всѣмъ инстанціямъ, вплоть до сената, и передъ нимъ предстало во всемъ могуществѣ царство ябеды. До той поры авторъ только двухъ одъ, направленныхъ противъ рабства, Капнистъ берется за изображеніе этого царства, за обличеніе современнаго суда, и столько силы, гнѣва и негодованія вложилъ онъ въ свое произведеніе, что оно до сихъ поръ способно дѣйствовать на читателя.

Совсѣмъ не имѣя предшественниковъ въ русской литературѣ, онъ выступилъ въ области, имѣющей мало представителей и въ западныхъ литературахъ, и древнихъ, и новыхъ— въ судебной комедіи. Аѳинская комедія знала „Осы" Аристофана, въ 18 в. Расинъ въ своихъ „Сутягахъ" (Les Plaideurs") далъ яркое изображеніе суда при Людовикѣ XIV. Въ XIX столѣтіи (послѣ такой, напр., пьесы александровской поры, какъ „Неслыханное диво или честный секретарь"), какъ достойные преемники Капниста, выступили, изображая дореформенный судъ, Островскій въ „Доходномъ мѣстѣ" и авторъ трилогіи (начатой комедіей „Свадьба Кречинскаго") Сухово-Кобылинъ во второмъ звенѣ ея, „Дѣло". Въ русской боевой комедіи этого рода, конечно, Капнистъ былъ зачинщикомъ и выполнилъ задачу блестяще; но проведенія ка-

Digitized by Google

кихъ-либо реформъ суда онъ не достигъ; русскій судъ долго ждалъ своего преобразователя.

По своему строенію „Ябеда“ слаба; если въ ней на лицо неизбѣжные 5 актовъ, то переходы отъ одного къ другому мало обоснованы. Въ центрѣ пьесы стоитъ, со всѣми признаками рыцаря правды и благородства, Прямиковъ, созданный подъ сильнымъ вліяніемъ мольеровскаго Альцеста („Мизантропъ“), который столь же настойчиво борется въ процессѣ своемъ за правое дѣло, твердо рѣшивъ довести его до конца, чтобы на всѣ послѣдующіе вѣка сохранить память о возмутительныхъ нарушеніяхъ правосудія и справедливости. Прямиковъ говоритъ много хорошихъ словъ, много ратуетъ за правду, но всюду терпитъ неудачу; если подъ конецъ пьесы добродѣтель какъ-будто торжествуетъ, и порокъ наказанъ, то это введено лишь ради цензурныхъ требованій. Поучительный и исправляющій конецъ все же парализуется, однако заключительными словами въ пьесѣ. Когда палату гражданскаго суда отдаютъ всю подъ судъ, и справедливость кажется возстановленной, повытчикъ Добровъ мѣтко замѣчаетъ, что вѣдь палату гражданскую будетъ судить уголовная, онѣ же всегда жили другъ съ другомъ въ ладу и сумѣютъ добиться хорошаго конца; право побѣдило только на бумагѣ, въ дѣйствительности все останется по старому; ябеда неистребима, справедливость будетъ и впредь нагло попираться. Такой конецъ напоминаетъ развязку пьесы Островскаго „Свои люди сочтемся“, которая по первоначальному замыслу оставляла безнаказаннымъ и благоденствующимъ Подхалюзина, обобравшаго своего хозяина и благодѣтеля. Цензура требовала наказанія порока; Островскій принужденъ былъ вывести квартальнаго, появляющагося на сценѣ, чтобы арестовать преступника, но искуснымъ пріемомъ авторъ показалъ, что Подхалюзины не гибнутъ, а процвѣтаютъ; Подхалюзинъ, смутившійся сначала тѣмъ, что ему грозитъ Сибирь, кончаетъ пьесу словами: „Сибирь?—что-жъ, и въ Сибири люди живутъ!“

Въ пьесѣ Капниста есть и романическая интрига, любовь Прямикова къ дочери предсѣдателя Кривосудова, но она проведена совсѣмъ слабо; вся цѣнность комедіи въ изобра-

Digitized by Google

женіи превосходныхъ картинъ съ натуры. Первое дѣйствіе посвящено характеристикамъ и портретамъ судейскаго люда и изобилуетъ настолько мѣткими и запавшими въ умы слушателей словами, что они вскорѣ сдѣлались пословицами и поговорками. Когда Прямиковъ является въ городъ изъ-за своего процесса, онъ узнаетъ, что гражданская палата помѣщается не въ казенномъ зданіи, а въ домѣ самого предсѣдателя суда. Здѣсь вершатся всѣ дѣла; и съ передняго, и съ задняго крыльца проникаютъ въ домъ посѣтители; взяточничество пышно процвѣтаетъ; наглыя, безсовѣстныя сдѣлки совершаются. Прямиковъ прежде всего знакомится съ повытчикомъ Добровымъ, сколько-нибудь еще порядочнымъ человѣкомъ среди этой шайки грабителей; отъ него онъ слышитъ характеристику всѣхъ членовъ суда, въ томъ числѣ и прокурора, недремлющаго ока правосудія. „Мнѣ", говоритъ герой, „они не страшны — законъ охрана мнѣ и щитъ". „Эхъ, добрый господинъ", отвѣчаетъ ему Добровъ: „законы святы, да исполнители лихіе супостаты"; переходя къ прокурору, онъ находитъ, что это „чтобъ въ риѳму намъ сказать, существеннѣйшій воръ", что это настоящее всевидящее око, жадно высматривающее, гдѣ плохо что лежитъ. Эта часть пьесы при исполненіи вызывала вездѣ демонстраціи. Малорусскій историкъ Бантышъ-Каменскій разсказываетъ, какъ во время одного представленія „Ябеды" въ провинціальномъ городѣ весь театръ при обличеніи прокурора повернулся къ ложѣ прокурора мѣстнаго суда, закричавъ: „Это вы! это вы!" Съ большой силой и мѣткостью проведены многія сцены „Ябеды"; таковъ торгъ между истцомъ и Кривосудовымъ для того, чтобы дѣло направить къ выгодѣ ябедника; предстоитъ именинный пиръ у предсѣдателя, истецъ осыпаетъ его подарками; тутъ и лошади, и лѣсная пустошь; послѣ каждаго подарка Кривосудовъ какъ-будто смягчается, но черезъ нѣсколько минутъ снова хмурится и произноситъ со вздохомъ: „Да, дѣло плоховато!"—нужно, стало-быть, дарить еще и еще. Не менѣе ярка сцена имениннаго пира въ связи съ карточной игрой, гдѣ намѣренно ведется проигрышъ въ видѣ взятокъ. Вино льется рѣкой, языки развязались; прокуроръ по всеобщей просьбѣ согла-

Digitized by Google

шается спѣть пѣсенку, ставшую позднѣе знаменитой: „Бери, тутъ нѣтъ большой науки, бери, что только можешь взять, на что-жъ привѣшены къ намъ руки, какъ не на то, чтобъ брать, брать, брать“; послѣ каждаго куплета слѣдуетъ припѣвъ, подхватываемый хоромъ, и повторяющій послѣднія слова; слышится то „брать, брать“, то „драть, драть“. Эта пѣсенка припоминается герою „Доходнаго мѣста“ Островскаго, Жадову, когда онъ, сломленный капризами своей молоденькой и глупой жены, идетъ къ своему дядѣ и начальнику просить доходнаго мѣста.

Пьеса Капниста, написанная въ концѣ царствованія Екатерины, смогла увидѣть свѣтъ рампы только при Павлѣ. Первоначально Павелъ подъ вліяніемъ клеветниковъ-защитниковъ стараго суда, возмущенныхъ своимъ изображеніемъ, запретилъ „Ябеду“ и для сцены и въ видѣ книги; Капнисту грозила ссылка. Затѣмъ Павелъ передумалъ, далъ себя убѣдить въ пользѣ такого обличенія; пьеса была выпущена на волю, но Капнистъ ничего подобнаго ей уже не создавалъ больше. Удалившись, подобно своему другу Державину, въ глушь своего имѣнія въ любимой имъ Украйнѣ, „Обуховки“, онъ писалъ тамъ стихотворенія, изрѣдка печатая ихъ въ изданіяхъ „Общества любителей словесности въ Москвѣ“. Это были подражанія одамъ Горація или басни, вещи недурныя, но во всякомъ случаѣ значенія не имѣвшія.

Капнистъ дожилъ до царствованія Александра I. Когда становилась, казалось, на очередь судебная реформа и шли даже подготовительныя работы по введенію суда присяжныхъ, онъ въ Малороссіи сдѣлалъ опытъ согласительнаго или совѣстнаго суда, сходнаго съ современнымъ намъ мировымъ судомъ, но эта попытка обличителя судебной неправды перейти къ насажденію на дѣлѣ справедливости и уничтоженію ябеды осталась вполнѣ одиночною.

Подобно петербургскому кружку Львова въ Москвѣ образовалась тѣсная группа молодыхъ силъ, дружно сплотившаяся вокругъ Карамзина. Если существуетъ какъ бы два Карамзина: въ 18 вѣкѣ,—человѣкъ, полный силъ и таланта, стремленій къ просвѣтительной дѣятельности, въ 19—рѣшительно отходящій отъ современности исторіографъ, еще

Digitized by Google

дальше—реакціонеръ, проповѣдникъ застоя, то наша рѣчь идетъ о выдающемся дѣятелѣ екатерининскаго времени, новаторѣ въ нѣкоторыхъ областяхъ, искателѣ художественной и жизненной правды.

Смутныя исканія, обусловленныя его горячимъ воображеніемъ, сказывались въ немъ очень рано. Еще ребенкомъ, живя въ симбирскихъ краяхъ, въ родной усадьбѣ, окруженный заботами и лаской, среди прекрасной обстановки Поволжья, онъ, сидя на высокомъ берегу величавой рѣки и глядя въ необозримую ширь раскрывавшагося передъ нимъ горизонта, нерѣдко заливался слезами, самъ не умѣя разсказать причины того,—горя не было, алкала чего то душа. Такая повышенная чувствительность передалась ему отъ матери, которую онъ обрисовалъ потомъ какъ нѣжную, любящую, мечтательную женщину, питавшую страсть къ романамъ. Самъ Карамзинъ, уже въ дѣтствѣ поглотившій громадное количество книгъ, стремился къ завѣтному желтому шкафу, таившему въ себѣ ея богатства, и, сподобившись ихъ наконецъ, безъ оглядки ушелъ въ этотъ чудный міръ. Въ автобіографической неоконченной повѣсти „Рыцарь нашего времени“ (заглавіе, конечно, припомнившееся Лермонтову въ „Героѣ нашего времени“) онъ совѣтуетъ не устранять романовъ отъ юныхъ пробуждающихся умовъ, потому что они служатъ превосходнымъ средствомъ для борьбы съ житейскою прозой, способной опошлить человѣка, знакомятъ съ истинными человѣческими отношеніями, съ жизнью во всѣхъ ея противорѣчіяхъ, страданіяхъ, чувствахъ; подобное чтеніе облагораживаетъ человѣка, развиваетъ душу, открываетъ смыслъ жизни.

Сильныя воспитывающія впечатлѣнія исходили и отъ отца. Вышедшій изъ заурядной среды, когда-то служившій, онъ черезъ всю жизнь пронесъ глубокую преданность правдѣ и добродѣтели; около него сгруппировалось нѣсколько друзей, въ такой же степени преданныхъ служенію правдѣ. У каждаго изъ нихъ было прошлое, честно прожитое въ военномъ, чиновничьемъ, судейскомъ быту; соединившись, они все еще боролись, кто какъ могъ, съ господствующимъ зломъ, держась крѣпко другъ за друга. Если впечатлѣнія

Digitized by Google

дѣтства и отрочества отразились въ „Рыцарѣ нашего времени“, то сердечно обрисована авторомъ и эта лига поборниковъ добра. Когда герой повѣсти, спустя нѣсколько лѣтъ, пріѣзжаетъ на побывку въ родныя мѣста, онъ застаетъ въ живыхъ лишь двухъ друзей, но изъ нихъ одинъ совсѣмъ угасаетъ и скоро уходитъ изъ жизни, оставляя другого въ безутѣшномъ горѣ.

Всѣ задатки, вынесенные Карамзинымъ изъ впечатлѣній дѣтства, мечтательность, отзывчивость, любовь къ природѣ, продолжали развиваться и обусловили захватъ его сентиментализмомъ, который въ лицѣ Стерна, уже былъ характеризованъ, какъ синонимъ участливости, альтруизма, чуткости.

Изъ симбирской усадьбы Карамзинъ переносится въ Москву, въ пансіонъ Шадена; преподавателями были профессора университета, но важнѣе всего было вліяніе самого директора, высоко развитой, гуманной личности, горячаго энтузіаста, знакомившаго молодежь съ великими событіями современной міровой исторіи, увлекавшагося, напр., борьбой американцевъ съ Англіей. Изъ пансіона Карамзинъ не перешелъ въ университетъ; онъ на время очутился въ Петербургѣ въ гвардіи, гдѣ встрѣтился и близко сошелся съ интереснымъ и талантливымъ Ив. Ив. Дмитріевымъ, впослѣдствіи авторомъ безподобной сатиры „Чужой толкъ“, осмѣявшей одописаніе, прекрасной вещицы „Модная жена“, созданной подъ вліяніемъ сказокъ Лафонтена, и басенъ; для Карамзина эта жизнь продолжалась недолго.

Затѣмъ, вызванный изъ свѣтской жизни смертью отца, онъ вернулся въ старые края, гдѣ долженъ былъ заняться хозяйственными дѣлами. Молодой, красивый, самостоятельный, онъ вызывалъ, казалось, къ себѣ расположеніе сосѣдей-помѣщиковъ и женскаго персонала; можетъ быть, помѣщичье благополучіе затянуло бы его, если бы не встрѣча съ однимъ изъ важнѣйшихъ представителей масонскаго новиковскаго кружка Ив. П. Тургеневымъ.

Угадавъ и оцѣнивъ въ молодомъ человѣкѣ способности, Тургеневъ внушилъ ему ѣхать въ Москву, бросить атмосферу благодушной лѣни и заняться серьезной нравственной подготовкой къ жизни; подъ вліяніемъ этихъ рѣчей Карам-

Digitized by Google

зинъ отправился въ столицу, чтобы начать новую жизнь подъ руководствомъ старыхъ учителей нравственности и самосовершенствованія. Но онъ не сдѣлался масономъ; раздѣляя ихъ просвѣтительныя стремленія, онъ былъ чуждъ таинственному, мистическому элементу, котораго было такъ много въ ихъ ученіи. Масоны, Новиковъ и Шварцъ, смотрѣли на него, какъ на одного изъ своихъ будущихъ преемниковъ; Карамзинъ сталъ жильцомъ масонскаго общежитія; здѣсь, живя въ скромной обстановкѣ, гдѣ единственнымъ украшеніемъ комнаты было распятіе и полка съ книгами, онъ сблизился съ даровитымъ, но рѣзко отличавшимся отъ него Петровымъ. До конца короткой жизни послѣдняго (онъ умеръ въ 1793 г.) продолжалась ихъ тѣсная дружба, и смерть его глубоко огорчила Карамзина, излившаго свою скорбь въ стихотвореніи, посвященномъ памяти друга, „Цвѣтокъ на гробъ моего Агатона". Петровъ оказалъ немалое вліяніе на Карамзина, охлаждая его черезмѣрную чувствительность и мечтательность своимъ трезвымъ, стремящимся къ жизненной работѣ и независимымъ характеромъ, заражая его своимъ англоманствомъ, что привело Карамзина къ переводу трагедій Шекспира.

Пришла пора, когда Карамзинъ понялъ, что не въ силахъ итти по одному пути со своими покровителями, и искренне признался имъ въ этомъ. Къ чести масоновъ, они, глубоко сожалѣя о потерѣ такой силы, не отняли отъ него своего расположенія и продолжали поддерживать его. Онъ навсегда сохранилъ къ нимъ чувство уваженія, какъ къ богатырямъ духа, и привязанность, выразившуюся на дѣлѣ; когда грянула гроза надъ ними, Новиковъ не могъ покрыть всѣхъ долговъ, — Карамзинъ продалъ свое имѣніе, чтобы содѣйствовать уплатѣ ихъ.

Кромѣ масоновъ близкими людьми Карамзина въ Москвѣ была чета Плещеевыхъ и собиравшіяся около нихъ молодыя литературныя силы. Душою кружка была жена Плещеева, близкая всѣмъ друзьямъ, чуткая, развитая; теперь напечатана ея переписка съ Карамзинымъ, Кутузовымъ и др. Здѣсь сходились Плещеевъ, Карамзинъ, Петровъ, Кутузовъ; группу эту дополнялъ даровитый и несчастный выходецъ

Digitized by Google

изъ нѣмецкой жизни и литературы, Ленцъ, когда-то членъ ранняго кружка Гете, одинъ изъ участниковъ періода „Sturm und Drang". Несомнѣнно очень талантливый, онъ могъ бы занять въ литературѣ видное мѣсто, если бы не болѣзненное стремленіе во что бы то ни стало сравняться съ Гете, шедшимъ во главѣ новаго направленія литературы, водруженнаго его „Гёцомъ", его „Вертеромъ". Близкій къ Гете, Ленцъ ревниво присваивалъ его темы для переработки, хотѣлъ быть его преемникомъ даже въ сердечныхъ увлеченіяхъ; это мучительное состязаніе таланта съ геніемъ привело его къ душевной болѣзни, заставившей покинуть Веймаръ. Уроженецъ балтійскаго края, онъ вернулся въ Россію, тщетно ища дѣятельности сначала въ Петербургѣ, потомъ въ Москвѣ, гдѣ доживалъ свой вѣкъ, согрѣтый ласкою и сочувствіемъ немногихъ друзей. Его литературная дѣятельность продолжалась въ свѣтлые промежутки его душевнаго состоянія, до тѣхъ поръ, пока не насталъ плачевный конецъ; онъ былъ найденъ замерзшимъ на улицѣ. Въ кружкѣ Плещеевыхъ онъ пользовался авторитетомъ и являлся живымъ звеномъ между ними и западной литературой.

Вращаясь въ этомъ кругу, слушая разсказы Ленца, Карамзинъ все сильнѣе испытывалъ желаніе собственными глазами увидать современную Европу, соприкоснуться съ ея культурой. Это влеченіе поддерживалось Ленцомъ, не противились ему и масоны.

Въ 1789 году сбылась, наконецъ, его мечта, и онъ отправился въ свое знаменитое путешествіе, которое живо до сихъ поръ въ „Письмахъ русскаго путешественника"; они давно потеряли обаяніе, поблекли, но нужно перенестись въ ту эпоху, чтобы понять ихъ прелесть и значеніе. Карамзинъ, начавъ съ Кенигсберга, гдѣ смѣло постучался въ двери Канта, представился ему какъ поклонникъ его философіи, и вынесъ сильнѣйшія впечатлѣнія, всюду входилъ въ прямыя сношенія съ выдающимися мыслителями и писателями. Въ Лейпцигѣ онъ идетъ къ Платнеру, заводитъ съ нимъ разговоръ о Радищевѣ и его кружкѣ. Францію онъ застаетъ во время революціоннаго броженія, сочувствуетъ движенію, даже Робеспьеру, внимательно вгляды-

Digitized by Google

вается во все, старается вникнуть въ происходящее и своей пытливостью оставляетъ далеко позади себя Фонвизина, проявившаго непониманіе событій, свидѣтелемъ которыхъ ему приходилось быть. Но не только люди и ихъ отношенія занимаютъ Карамзина; въ Швейцаріи дивныя красоты природы поразили его, и ей посвящено немало искусныхъ, художественныхъ описаній въ „Письмахъ". И въ то же время онъ обращаетъ вниманіе на свободныя учрежденія, страны, заставляющія его восклицать: „О, если бы я могъ, я сталъ бы швейцарцемъ!". Въ Англіи онъ посѣщаетъ парламентъ, слушаетъ рѣчи знаменитыхъ ораторовъ, восхищается строемъ политической жизни, высотою культуры. Посѣщеніе четырехъ, наиболѣе культурныхъ странъ открыло передъ нимъ широкіе горизонты, обогатило его духовное содержаніе цѣлымъ рядомъ наблюденій и идей.

Свои впечатлѣнія, встрѣчи, наблюденія онъ изложилъ въ „Письмахъ". Ему хотѣлось бы выдать ихъ за путевые наброски, создававшіеся подъ впечатлѣніемъ видѣннаго и испытаннаго. Буслаевъ, Тихонравовъ, и особенно Сиповскій въ книгѣ „Н. М. Карамзинъ, авторъ „Писемъ русскаго путешественника" показали, что въ этомъ произведеніи Карамзинъ пользовался различными европейскими источниками, чего онъ не могъ бы дѣлать въ дорогѣ; самый слогъ слишкомъ изысканъ и обработанъ, чтобы возможно было повѣрить, что такъ выражались первыя впечатлѣнія; но это не мѣняетъ значенія и общаго характера „Писемъ". Они являются какъ бы отчетомъ русскаго интеллигентнаго человѣка о современной европейской культурѣ, человѣка пытливаго, вдумчиваго, съ живою мыслью; вмѣстѣ съ тѣмъ это была попытка заговорить новымъ языкомъ, какимъ до него никто еще не говорилъ въ литературѣ, опытъ реформы слога, возбужденный соревнованіемъ съ европейской стилистикой; правда, у Радищева мелькаютъ проблески его, но только съ Карамзина литература обогатилась новымъ прекраснымъ орудіемъ, составившимъ одну изъ ея красотъ.

Возвращаясь изъ-за границы, Карамзинъ переживалъ то же состояніе напряженнаго ожиданія работы и стремленія къ ней, какое въ свое время охватывало Радищева и его

Digitized by Google

товарищей, ѣхавшихъ изъ Лейпцига на родину; такое же разочарованіе ожидало его. Трагедіи Радищева онъ избѣжалъ, за то его дальнѣйшая жизнь представляетъ собою постепенное, длительное умираніе, медленное атрофированіе его способностей; чахнутъ его силы, въ 19 вѣкъ переходитъ иной человѣкъ, чѣмъ онъ былъ въ 18, и нельзя не считать эту утрату огромной, зная его выдающіяся силы и просвѣтительныя наклонности.

Первые шаги его въ Петербургѣ вызывали удивленіе въ подавленномъ и напуганномъ обществѣ; его внѣшность, демократической костюмъ и повадка, его разговоры отзывались Парижемъ, революціонной поры; послѣ одного обѣда, гдѣ онъ себя свободно велъ, вольно говорилъ, его отозвали въ сторону и посовѣтовали быть осторожнѣе. Важнѣе тотъ контрастъ его идей и намѣреній, которыя онъ пытался провести въ русскіе умы, и дѣйствительности, окружившей его. Вернувшись въ Россію, онъ хотѣлъ примѣнить тѣ знанія, которыя пріобрѣлъ за-границей, и войти въ ряды литераторовъ выступить журналистомъ, публицистомъ, критикомъ. Для этого основалъ онъ „Московскій журналъ", сумѣлъ привлечь въ сотрудники лучшія силы, и журналъ выработался въ хорошемъ направленіи, но цензурныя условія были тяжелы, и Карамзину скоро пришлось убѣдиться въ невозможности дѣлиться своими мыслями и убѣжденіями. Печатавшіяся здѣсь сначала „Письма русскаго путешественника" приходилось сильно мѣнять по сравненію съ первой редакціей, и это не спасало; черезъ нѣкоторое время журналъ, недостаточно поддержанный публикой, пришлось закрыть и дальнѣйшія „Письма" появлялись въ разныхъ альманахахъ Карамзина („Аглая", „Аониды").

Не только вѣстникомъ европейской культуры выступалъ Карамзинъ, онъ являлся въ то же время и беллетристомъ; его пріемы давно устарѣли, но для ранней поры русской повѣсти его опыты имѣли большое значеніе. У него, прирожденнаго сентименталиста, развивавшагося подъ вліяніемъ Стерна и Руссо, склонность къ художественной литературѣ должна была проявиться въ видѣ чувствительной повѣсти; въ этомъ тонѣ создана „Бѣдная Лиза", первый опытъ Карам-

Digitized by Google

зина, гдѣ сюжетомъ послужила исторія бѣдной дѣвушки, соблазненной и покинутой баричемъ и кончающей самоубійствомъ; онъ воспользовался здѣсь подлинною личностью и недавнимъ происшествіемъ изъ московской жизни. Повѣсть, проникнутая гуманнымъ чувствомъ, имѣла необычайный успѣхъ. Прудъ, въ которомъ утопилась дѣвушка, получилъ ея имя, сохраняющееся до сихъ поръ; онъ и Тюфелева роща около „Лизина пруда" сдѣлались мѣстомъ паломничества; по берегамъ его бродили, мечтая и плача, чувствительныя души, свивали вѣнки и бросали ихъ на воду, вырѣзали свои имена на корѣ деревьевъ, словомъ, въ уменьшенномъ масштабѣ повторилось то, что происходило въ нѣмецкомъ обществѣ послѣ появленія „Страданій молодого Вертера" Гете. Въ „Бѣдной Лизѣ" подкупала искренность тона автора, заступничество за бѣдную дѣвушку и изображеніе истинныхъ типовъ Москвы, съ одной стороны—прожигателей жизни, съ другой—бѣдноты, ютящейся по окринамъ города,—все это было ново и сильно по сравненію съ тѣмъ, что до той поры давала русская повѣсть.

Еще въ екатерининскую пору были попытки въ этой области; таковъ неоконченный, но интересный по замыслу и выполненію романъ Чулкова „Пригожая повариха", написанный въ духѣ западно-европейскихъ образцовъ, наприм., „Le paysan perverti" Ретифъ де ла Бретонна (Restif de la Bretonne), изобразившаго порчу нравовъ и развращенность здоровой крестьянской натуры въ городской обстановкѣ; героиня Чулкова изъ деревенской жительницы, простодушной и простой, подъ развращающимъ вліяніемъ большого города также превращается въ героиню полусвѣта.

Чувствительная же повѣсть ведетъ свое начало съ „Бѣдной Лизы" Карамзина. Отзывчивость и чувствительность его, отразившаяся здѣсь, проникли и въ другіе его опыты, „Наталью, боярскую дочь", „Марѳу Посадницу"; исторіи очень мало въ нихъ, интересно и цѣнно стремленіе показать и въ старинѣ движенія человѣческой души.

Карамзинъ-историкъ еще не народился, хотя еще въ Парижѣ у него явилась мысль дать Россіи „достойную ея исторію", но, пока не настала пора вынужденнаго застоя,

Digitized by Google

онъ пишетъ свои повѣсти, предается журнальной дѣятельности, является критикомъ, публицистомъ, прекраснымъ переводчикомъ, иногда стихотворцемъ, словомъ, представляетъ собою кипучую работоспособную силу; если бы дѣйствительность не ставила ему препятствій, изъ него вышелъ бы настоящій просвѣтитель; кромѣ прирожденныхъ данныхъ въ немъ сказывался и ученикъ Новикова. Но онъ пришелъ не во время, и хоть никогда онъ не былъ политически опасенъ на него не переставали сыпаться доносы и при Екатеринѣ, и при Павлѣ. Порою они бывали такъ нелѣпы, что Павелъ рвалъ ихъ въ клочки.

Какъ бы то ни было, работать становилось все труднѣе; его поступокъ по отношенію къ Новикову, когда онъ продалъ свое имѣніе для покрытія его долговъ, бросалъ на него въ глазахъ правительства тѣнь; но онъ кромѣ того выступаетъ на защиту гонимыхъ съ одой „Къ Милости", напечатанной въ „Московскомъ журналѣ". Это былъ благородный, но неосторожный поступокъ; въ немъ признали вольнодумца, и на него легла тѣнь отверженности. Ему пришлось со всею силою испытать на себѣ гнетъ екатерининской цензуры. Самыя невинныя заявленія его притѣснялись и не могли проникать въ общество. Когда онъ задумалъ изданіе „Пантеона россійскихъ писателей" и „Пантеона иностранныхъ писателей", изъ которыхъ особенно цѣннымъ былъ бы второй, какъ небывалая христоматія выдающихся европейскихъ твореній, этотъ замыселъ подвергся невѣроятному искаженію все, несогласное съ идеей самодержавія, отметалось; нельз было говорить о многихъ писателяхъ древности, потому что они были республиканцы. Все это дѣйствовало на него угнетающе; наконецъ, утомленный, онъ удалился отъ литературы и жизни, уѣхалъ въ деревню.

Письма изъ той поры свидѣтельствуютъ о мучительномъ процессѣ, происходившемъ въ его душѣ. Что теперь дѣдать? спрашиваетъ онъ въ одномъ изъ нихъ; писать стихи для романсовъ и пѣсенъ, чтобы потомъ чувствительныя дѣвы распѣвали ихъ? Въ затишьѣ стихаютъ его порывы дѣятельности, вмѣстѣ съ этимъ онъ отходитъ и отъ современности. Онъ возвращается къ своему плану заняться исторіей Рос-

Digitized by Google

сіи; въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ планъ этотъ крѣпнетъ и зрѣетъ.

Въ началѣ царствованія Александра I онъ снова пытается взяться за журнальную дѣятельность и основываетъ въ Москвѣ „Вѣстникъ Европы“, но эта попытка только окончательно констатировала его утрату для литературы. Въ журналѣ, обѣщавшемъ своимъ заглавіемъ быть вѣстникомъ Европы, преобладали историческіе и археологическіе интересы, которые захватывали его все сильнѣе; встрѣчаются статьи по спеціальнымъ русскимъ вопросамъ, которымъ опять не мѣсто въ подобномъ журналѣ. За нѣсколько лѣтъ вынужденнаго, молчанія умеръ писатель, художникъ, просвѣтитель; къ жизни вернулся односторонній ученый.

Такъ мало-по-малу дѣятели просвѣтительной поры сходятъ со сцены: Новиковъ въ крѣпости, Радищевъ въ Сибири, Державинъ въ опалѣ и умолкаетъ; Фонвизинъ испыталъ на себѣ всю сладость коварства и вражды Екатерины. Обострилось и выяснилось ея отношеніе къ нему, когда онъ, предполагая, что въ правительницѣ живы еще слѣды ея либеральныхъ идей, послалъ въ „Собесѣдникъ любителей россійскаго слова“ 21 вопросъ, обращенный къ автору „Былей и небылицъ“. Вопросы были помѣщены, а рядомъ стали отвѣты Екатерины; нельзя не признать сдержанности и осторожности Фонвизина, который остроту одного вопроса какъ-будто хочетъ сгладить шутливостью другого; съ другой стороны бросается въ глаза раздраженіе Екатерины, которая не можетъ сдержаться, чтобы не сказать ему, что онъ дерзокъ, пытаясь учить ее, какъ управлять Россіей. Въ своихъ вопросахъ Фонвизинъ касается или наболѣвшихъ мѣстъ русской жизни, или останавливается на общихъ темахъ. Екатерина, дѣлая какъ-будто видъ, что не понимаетъ сущности нѣкоторыхъ вопросовъ, даетъ ненужные или странные отвѣты. Такъ, на вопросъ о томъ, отчего у насъ тяжущіеся не печатаютъ тяжебъ и рѣшеній правительства,—вопросъ, являвшійся требованіемъ гласности суда,—она отвѣчаетъ, что этого не дѣлалось потому, что до 1783 г. не было вольныхъ типографій. „Отчего въ вѣкъ законодательный никто въ сей области не помышляетъ отличиться?“ любопытствуетъ

Digitized by Google

Фонвизинъ, наводя на тему объ участіи общественныхъ силъ въ законодательной работѣ, а императрица рѣзко обрываетъ: „Оттого, что сіе не есть дѣло всякаго“. И, наконецъ, на вопросъ о томъ, отчего опять, какъ прежде, люди стали выслуживаться не дѣлами, полезными государству, а обманами и коварствомъ, она заявляетъ, что подобныя замѣчанія внушаются „свободоязычіемъ, котораго предки наши не имѣли“. Фонвизину было весьма опредѣленно передано что его образъ дѣйствій и заявленій непріятенъ. Это вызвало одинъ изъ приступовъ ипохондріи и душевной подавленности; онъ обратился съ разъясненіями къ императрицѣ, старался показать, что ничего оскорбительнаго не было у него въ умѣ, что онъ говорилъ въ ея же прежнемъ духѣ. Эти напоминанія ее, конечно, такъ же раздражали. Она учитывала всѣ проступки Фонвизина: его принадлежность къ кругу Павла, составленіе проекта конституціи и т. д., все вызывало ея раздраженіе, достигшее апогея по поводу этого словеснаго поединка.

Запрещеніе издавать журналъ „Стародумъ или другъ честныхъ людей“ довершило разрывъ. Бытовое и сатирическое содержаніе журнала предполагалось поставить въ связь съ главными лицами „Недоросля“, съ Стародумомъ во главѣ; письма Правдина, Софьи, Милона и др., случайно доставшаяся ему въ руки переписка постороннихъ лицъ, наконецъ, сатирическія статьи. Сохранившіеся матеріалы этого журнала украшаютъ теперь собраніе твореній Фонвизина. Въ одномъ изъ писемъ звучало укоризной Екатеринѣ заявленіе о „таковой свободѣ писать, какою пользуются нынѣ россіяне, поставляющей человѣка съ дарованіемъ, такъ сказать, стражемъ общаго блага“, о долгѣ писателя возвысить свой голосъ противъ злоупотребленій и предразсудковъ. Однимъ изъ лучшихъ образцовъ язвительной колкости автора служитъ „Всеобщая придворная грамматика“, непринадлежащая никакому двору, потому что она,—„всеобщая или философская“, изложенная въ формѣ вопросовъ и отвѣтовъ и найденная будто бы гдѣ-то въ Аравіи.

Къ старости Фонвизина разбилъ параличъ; онъ тщетно ищетъ облегченія и помощи, обращаясь чуть не къ знаха-

Digitized by Google

рямъ. Не менѣе тяжелымъ было и душевное настроеніе. Выносимый иногда къ обѣднѣ въ церковь при университетѣ, онъ подзывалъ къ себѣ студентовъ и, указывая на дряхлые обезсиленные члены, говорилъ имъ: „Вотъ до чего доводитъ вольнодумство!“ Онъ умиралъ одинокимъ и все же, несмотря на свое мучительное положеніе, временами въ немъ вспыхивала прежняя юмористическая жилка, и огонь глазъ свидѣтельствовалъ о жившей въ немъ способности прежняго ѣдкаго смѣха.

Какой-то трагикъ, пользуясь его беззащитностью, проникъ къ нему и заставилъ его выслушать длиннѣйшую 5-ти актную трагедію; пришедшіе потомъ друзья, нашли его изнеможденнымъ, но съ яркимъ блескомъ въ глазахъ, и онъ разсказывалъ имъ, какъ бѣдная героиня этого бездарнаго произведенія на протяженіи всей трагедіи „чахла, чахла и наконецъ издохла“. На утро Фонвизина не стало.

Въ виду вреда, который съ національно-охранительной точки приносило просвѣтительное движеніе съ его европейскими корнями, зарождалось при Екатеринѣ направленіе, которое еще нельзя назвать славянофильскимъ, потому что въ немъ не было и рѣчи о славянахъ, славянскомъ мірѣ, мессіанизмѣ славянства, какъ это позднѣе, въ 30—40-хъ гг. 19 вѣка, было у славянофиловъ, но которое явилось несомнѣннымъ предшественникомъ ихъ, и за свой постоянный призывъ къ старинѣ и народности могло бы получить названіе „руссофильства“. Два писателя были этими ранними апостолами славянофильскаго ученія; оба они были историками; это—Болтинъ и кн. Мих. Щербатовъ,—генералъ екатерининскихъ войскъ и депутатъ, заявившій себя, какъ дворянскій ораторъ, еще въ комиссіи 1767 г. Въ нихъ обоихъ не было еще того нетерпимаго отношенія ко всему западному, которое приходится отмѣчать у славянофиловъ. Ихъ руссофильство имѣло своеобразный оттѣнокъ. Оба воспитались на европейской наукѣ и литературѣ, оба прошли черезъ увлеченіе французской философіей, и у обоихъ было стремленіе къ передачѣ западныхъ произведеній; такъ Болтинъ затѣялъ переводъ Энциклопедіи и собственными силами довелъ его до буквы „к“, а въ бумагахъ Щербатова былъ найденъ переводъ трак-

Digitized by Google

тата Беккаріи „О преступленіяхъ и наказаніяхъ“ и другихъ выдающихся философскихъ и юридическихъ сочиненій.

Но, являясь въ извѣстной степени поклонникомъ западной науки и культуры, Болтинъ хотѣлъ, чтобы его родина шла своимъ путемъ, тѣсно связаннымъ съ народными завѣтами; представителямъ западной культуры, порицавшимъ Россію за ея темныя стороны, такъ же, какъ и русскимъ хулителямъ своего отечества, онъ старался показать, что русскіе общественные недостатки не составляютъ ея печальной привилегіи, такъ какъ западные народы въ свое время переживали тѣ же болѣзненныя явленія. Пользуясь своею большою начитанностью, онъ приводитъ рядъ фактовъ; касаясь крѣпостного права,—а не коснуться его онъ не могъ, ибо оно было главною мишенью для нападокъ на Россію,—онъ говоритъ, что въ эпоху феодализма то же происходило и въ другихъ государствахъ; въ самое послѣднее время Вольтеръ долженъ былъ бороться за освобожденіе монастырскихъ крестьянъ во Франціи. Болтинъ не оправдывалъ крѣпостного права и не стоялъ за вѣчное сохраненіе его, онъ хотѣлъ только постепеннаго освобожденія. Взявшійся за изученіе историческихъ и археологическихъ памятниковъ по своей склонности, онъ пріобрѣлъ въ этой области такія большія знанія, что являлся авторитетомъ для Екатерины въ вопросахъ историческихъ, замѣняя для нея Гергарда Миллера, къ которому она, бывало, обращалась за разъясненіями.

Такимъ образомъ Россія въ глазахъ Болтина являлась не обособленной отъ другихъ государствъ Западной Европы; она должна быть солидарной съ ними, но безсмысленно ей навязывать чужія формы, она должна оставаться самой собой; онъ порицаетъ тѣхъ, кого европейское просвѣщеніе отдаляетъ отъ народности.

Нѣсколько иной оттѣнокъ представляетъ собой Щербатовъ. Занятія исторіей привили ему особенное тяготѣніе къ старинному складу русской жизни. Эта склонность особенно ярко сказалась въ его памфлетѣ „О поврежденіи нравовъ въ Россіи“, являющемся рѣзкимъ выступленіемъ противъ всего строя русской новой исторіи съ ея стремленіемъ подражать Западу. Вся она за исключеніемъ Петра Великаго представ-

Digitized by Google

ляетъ собой рядъ искаженій. До-Петровская Русь, напротивъ, была необыкновенно счастлива,—оптимизмъ автора примѣчательный. Сочиненіе открывается свѣтлой картиной жизни до Петра, полной необычайнаго благородства, нравственной силы, благополучія. И здѣсь, и въ другихъ произведеніяхъ онъ затрогиваетъ вопросъ, оправдывается ли подвигъ Петра, гигантскими усиліями ускорившаго сближеніе съ Западомъ, и отвѣчаетъ утвердительно; по его мнѣнію, Россія шла къ тому же, но безъ могучаго сдвига добралась бы до того же несравненно позднѣе; по его расчетамъ это произошло бы не ранѣе половины 19 столѣтія. Но съ началомъ культуры настало и поврежденіе нравовъ; Петръ выпустилъ преждевременно на волю слишкомъ много жизненныхъ силъ. Вокругъ него начинается такая порча нравовъ, что онъ готовъ былъ запретительными мѣрами остановить ея проявленія, но было уже поздно. Особенно дурно отразилась реформа Петра на женщинѣ; эмансипація развила въ ней любовь къ роскоши, стремленіе оказывать вліяніе на мужчинъ; она являлась виновницей многочисленныхъ преступленій. Онъ приводитъ подлинныя имена и набрасываетъ картины разврата, царившаго при послѣпетровскихъ дворахъ. Развертывается „chronique scandaleuse“ нѣсколькихъ царствованій. Когда Щербатовъ доходитъ до царствованія Екатерины, онъ обрисовываетъ особенно ярко императрицу, видитъ въ ней олицетвореніе лжи и двуличности, геніальную обманщицу, скрывающую подъ маской философа и культурнаго дѣятеля подлинное лицо отъ всей Европы и Россіи; изображая армію ея фаворитовъ, онъ не щадитъ правительницу и пригвождаетъ ее къ позорному столбу. Онъ вѣритъ, что настанетъ пора, когда все перемѣнится; она придетъ вмѣстѣ съ преемникомъ Екатерины, ея сыномъ. Понятно, что подобное произведеніе не могло появиться въ печати въ 18 вѣкѣ, распространялось въ спискахъ. Впервые оно было напечатано Герценомъ въ Лондонѣ, въ русскихъ же изданіяхъ появилось въ 70-хъ годахъ, сначала въ видѣ выдержекъ.

Второе произведеніе Щербатова носитъ литературный характеръ и является первой русской утопіей; такъ проникла

Digitized by Google

къ намъ, распространенная еще съ поры упадка классической культуры литературная форма; заглавіе произведенія 16-го вѣка, принадлежавшаго глубокому соціальному мыслителю Томасу Мору („Утопія") дало названіе всему типу. Въ „Утопіи" ведется разсказъ со словъ капитана корабля, будто бы посѣтившаго островъ, гдѣ сложился нормальный строй жизни, къ которому должно стремиться человѣчество. Съ тѣхъ поръ утопіи создавались въ видѣ путешествій, или какъ передача впечатлѣній человѣка, проснувшагося послѣ долгаго, длившагося много вѣковъ сна. Припомнимъ въ 18 вѣкѣ творенія Себастіана Мерсье „L'an 2440" или Морелли (La Basiliade), въ 19-мъ Бэллами, Анатоля Франса „Sur la pierre blanche", Уэльса. Щербатовъ при своей начитанности зналъ и Мора, и Мерсье, но, воспользовавшись формой путешествія, не повторилъ чужого содержанія.

Шведскій дворянинъ, отправившійся на кораблѣ отыскивать южный полюсъ, морскимъ теченіемъ былъ отнесенъ въ сторону и прибитъ къ берегу Офирской земли (отсюда заглавіе „Путешествіе въ Офирскую землю"). Въ описаніи этой земли легко узнать Россію; имена измѣнены лишь перестановкою буквъ, такъ что безъ труда раскрываются подлинныя названія городовъ, имена царей; такъ старая офирская столица „Квамо", конечно, Москва; въ Офирской землѣ тоже одинъ изъ царей перенесъ столицу въ приморскій городъ, гдѣ она подвержена гораздо большей опасности; дано аллегорическое изображеніе новой русской исторіи. За этимъ слѣдуетъ утопическое построеніе Щербатова, гдѣ онъ намѣчаетъ желательный, по его мнѣнію, порядокъ государственнаго правленія; онъ—не консерваторъ, допускаетъ самоуправленіе, но съ условіемъ, чтобы дворяне были на первомъ планѣ, переустройство многихъ сторонъ жизни, осторожное уничтоженіе крѣпостного права. Снова, какъ въ „Поврежденіи нравовъ въ Россіи", идеализована личность Павла, который и водворитъ въ странѣ желанный порядокъ.

Великія ожиданія, возлагавшіяся на Павла, были характерны не для одного Щербатова. По мѣрѣ того, какъ Екатерина вдавалась въ открытую реакцію, упованія сосредоточивались на ея сынѣ; воспитанникъ Панина, ставшій въ оп-

Digitized by Google

позицію съ матерью, рѣшительно осуждавшій ея поступки, казалось, позволялъ ожидать отъ себя иного образа дѣйствій, иного направленія; разсказы близкихъ къ нему людей, видѣвшихъ его интимную жизнь, поддерживали эти надежды; такъ же дѣйствовали разные факты изъ его путешествія подъ именемъ гр. Сѣвернаго по Западной Европѣ. Въ Парижѣ, когда Бомарше выдерживалъ великую борьбу изъ-за своей „Свадьбы Фигаро", Павелъ выслушалъ опасную эту комедію въ чтеніи самого автора, и монологъ 5-го дѣйствія, направленный противъ существующаго строя, главное мѣсто въ пьесѣ, возбуждавшее противъ себя, восхитилъ русскаго наслѣдника. Уважающимъ терпимость показалъ онъ себя и по отношенію къ пьесѣ Лагарпа (извѣстнаго теоретика въ области драмы) „Jeanne de Naples", гдѣ въ лицѣ преступной и развратной героини предполагалось изображеніе Екатерины. Парижская администрація сочла необходимымъ снять ее съ репертуара, но Павелъ хлопоталъ о разрѣшеніи ея постановки. Чѣмъ дальше шло время, чѣмъ сильнѣе меркла звѣзда императрицы-философа, тѣмъ ярче разгоралась звѣзда Павла.

Первые шаги его правленія казались выполненіемъ этихъ мечтаній; освобожденіе Новикова, Косцюшки, возвращеніе изъ Сибири Радищева, разрѣшеніе постановки „Ябеды" Капниста,—все это было въ духѣ возлагавшихся на него надеждъ, но просвѣтъ былъ кратокъ, затѣмъ началась иная пора, и на Россію легла со всей тяжестью ничѣмъ не сдерживаемая, невмѣняемая воля одного человѣка, ставшая выше всякаго закона и права. Павловская пора сдѣлалась не только продолженіемъ реакціи послѣднихъ лѣтъ царствованія Екатерины, но ея чрезмѣрнымъ усиленіемъ, быстро разбившимъ всѣ ожиданія оздоровленія русской жизни, и эти, правда, недолгіе годы тяжело переживались не однимъ лишь обществомъ, но всею народною массою.

Выше всего становилось искорененіе вольнодумства и духа самоопредѣленія, рѣшимость обезопасить государство отъ тлетворнаго духа, шедшаго изъ Западной Европы, охваченной крайнимъ возбужденіемъ революціонной эпохи, поры Директоріи и Консульства, торжество русскихъ началъ;

Digitized by Google

на дѣлѣ торжествовалъ одинъ произволъ. Мѣры, принимавшіяся имъ, поразительны: то воспрещено было образованіе русской молодежи за границей, и цѣлыми десятками выселяются они изъ университетовъ, то ограничивается ввозъ книгъ изъ-за границы двумя таможнями,—Петербургской и Рижской, а затѣмъ прекращается совершенно. Эти запрещенія не могли не вызывать отпора,—книги проникали въ Россію контрабандой, но, конечно, это не могло сравняться съ нормальнымъ положеніемъ дѣла. Московскій университетъ подвергся обезличенію, вслѣдствіе этого замеръ, и научная работа стала невозможной. Россійская Академія, задуманная по образцу Académie Française, сдѣлалась кладбищемъ литературной и научной реакціи. Эта реакція усилилась потомъ благодаря Шишкову и основанной имъ „Бесѣдѣ любителей россійскаго слова". Академія и „Бесѣда" шли рядомъ въ своей ненависти ко всему иноземному и становились все нетерпимѣе; Болтинъ и Щербатовъ съ ихъ охраною національнаго начала были несравнимо выше этой клики. Подъ флагомъ борьбы съ реформою слога, проведеннаго Карамзинымъ, теперь уже обезличеннымъ и приниженнымъ, Шишковъ въ „Разсужденіи о старомъ и новомъ слогѣ" проповѣдывалъ крайнія охранительныя убѣжденія. Въ 1812 году онъ съ негодованіемъ восклицалъ, обращаясь къ сторонникамъ общенія съ Западомъ и указывая имъ на пылающія развалины Москвы: „Вотъ, чего вы хотѣли". Такое ультра-націоналистическое направленіе находило покровительство со стороны павловскаго правительства.

Несмотря на всѣ стремленія отгородиться и окопаться отъ западной жизни, Франція придвигалась къ намъ все ближе, и столкновеніе съ нею было неизбѣжнымъ. Желаніе дать отпоръ и сознаніе борьбы вовлекли Павла въ безразсудный, ни къ чему не приведшій поступокъ, какимъ явились его войны съ Франціей. Обнаружилась его громадная разница съ матерью; что Екатерина въ свои послѣдніе годы, когда разыгрывалась революція, становилась нетерпимой до крайности, объ этомъ свидѣтельствуетъ наприм. ея переписка съ прежнимъ другомъ Дидро и энциклопедистовъ, Мельхіоромъ Гриммомъ, ставшимъ подъ конецъ

Digitized by Google

русскимъ дипломатомъ въ Сѣв. Германіи; въ ихъ перепискѣ оба корреспондента, пользуясь условными терминами, позволявшими имъ касаться самыхъ жгучихъ вопросовъ, уничтожали яростно все приходившее изъ Франціи, но все же ни однимъ рублемъ народныхъ денегъ, ни однимъ солдатомъ не пожертвовала она въ угоду своимъ измѣнившимся убѣжденіямъ. Павла же тянуло къ активному вмѣшательству въ европейскія дѣла, гдѣ онъ стоялъ на сторонѣ коалиціи средне-европейскихъ государствъ, имѣвшихъ свой центръ въ Кобленцѣ; значительное войско подъ начальствомъ Суворова двинуто было въ Европу; геройскіе, прославившіе русскаго солдата подвиги въ Ломбардіи, въ снѣгахъ Швейцаріи, сталкивали русскія войска съ республиканской французской арміей; нѣсколько побѣдныхъ вѣнковъ, репутація героевъ были единственными результатами всего этого празднаго усердія.

Только одно Павелъ взялъ изъ Европы: это—пересадка на русскую почву Мальтійскаго ордена, который почему-то привлекъ русскаго императора, и онъ, ставъ главою ордена, наградилъ государство этимъ отжившимъ мистическимъ рыцарскимъ братствомъ. Старинные портреты изображаютъ вельможъ павловскаго времени украшенными тонкими, изящными серебряными крестиками на груди, говорившими о распространеніи психопатической затѣи Павла.

Къ концу царствованія никто не былъ увѣренъ въ завтрашнемъ днѣ, въ своей судьбѣ, въ судьбѣ учрежденій и начинаній; люди ходили не „подъ Богомъ“, а подъ гнѣвомъ и милостью правителя. Необычайно вспыльчивый Павелъ давалъ рядъ рѣзкихъ распоряженій, которыя тотчасъ же могли быть имъ самимъ отмѣнены; исторія „Ябеды“—характерный примѣръ для неустойчивости его. Когда враги Капниста наговорили Павлу, что комедія подрываетъ основы государственнаго порядка и судъ, послѣдовалъ приказъ уничтожить книгу и запретить представленія ея на сценѣ. Друзья успѣли во время подѣйствовать и убѣдить, что Капнистъ, напротивъ, ратуетъ за справедливый судъ, и разрѣшено было снова и печатать и ставить пьесу на сценѣ. Нельзя было поручиться ни за что; исчезла законность, господствовало

Digitized by Google

одно усмотрѣніе, достигшее крайнихъ предѣловъ и въ запретительномъ и въ поощрительномъ направленіи. Удачное слово, минутное отличіе могло вдругъ выдвинуть человѣка въ первые ряды; понравившійся Павлу фронтовикъ фельдфебель въ нѣсколько минутъ достигалъ послѣдовательнымъ производствомъ значительнаго офицерскаго чина.

Можно припомнить судьбу плодовитаго и небездарнаго писателя Коцебу, пользовавшагося большою популярностью въ Германіи и Россіи, до тѣхъ поръ, пока онъ не ушелъ въ другую сторону: уже въ царствованіе Александра I онъ сталъ русскимъ агентомъ въ Германіи, и былъ убитъ нѣмецкимъ студентомъ, энтузіастомъ Карломъ Зандомъ, желавшимъ покарать въ его лицѣ реакціонный походъ русской политики (событіе, прославленное Пушкинымъ въ стихотвореніи „Кинжалъ"). Нѣкоторыя пьесы Коцебу однако до 30-хъ годовъ сохраняли интересъ для публики, и въ одной изъ нихъ „Menschenhass und Reue" Мочаловъ плѣнялъ зрителей. Попавъ въ Россію, Коцебу сталъ директоромъ нѣмецкаго театра, потомъ за невѣдомое преступленіе очутился въ Сибири; возвращенный оттуда черезъ годъ, онъ все это увѣковѣчилъ въ книгѣ „Достопамятнѣйшій годъ моей жизни".

Дошло до того, что было запрещено употребленіе такихъ словъ какъ „отечество", „гражданинъ", „представитель" и т. п. Ростопчинъ, ставшій позднѣе московскимъ главнокомандующимъ, вспоминалъ, какъ однажды ѣхалъ съ Павломъ въ одномъ экипажѣ и велъ вполнѣ дружественный разговоръ, но стоило ему сказать фразу: „я, какъ представитель"... какъ онъ тотчасъ же былъ высаженъ и оставленъ на произволъ судьбы. Въ Россіи царилъ въ это время настоящій восточный деспотизмъ.

Но не замерло развитіе идей и литературы. Вглядѣвшись внимательно въ павловское время, можно распознать въ немъ признаки этого развитія. Деспотизмъ былъ безсиленъ задушить его; передъ нами встаютъ такія явленія, какъ изданіе „С.-Петербургскаго журнала".

Два лица стояли во главѣ журнала: отецъ будущихъ декабристовъ Александръ Бестужевъ и Пнинъ, побочный сынъ екатерининскаго магната Рѣпнина, носившій его усѣченную

Digitized by Google

фамилію; это былъ, прежде всего, замѣчательный публицистъ, хотя онъ выступалъ и въ роли стихотворца; на первомъ же планѣ въ немъ стояли задатки общественнаго дѣятеля и сатирика радищевской школы. Журналъ, издаваемый ими, содержалъ кромѣ литературныхъ произведеній статьи общественнаго характера; много мѣста удѣлялось экономическимъ вопросамъ, переводились статьи выдающихся итальянскихъ и англійскихъ экономистовъ. Непостижимо, какъ могъ держаться этотъ журналъ въ тискахъ павловскаго режима. Пнинъ былъ участникомъ и другихъ начинаній, былъ дѣятельнымъ членомъ возникшаго въ Петербургѣ „Вольнаго общества соревнователей науки и просвѣщенія", существовавшаго подъ разными именами до половины царствованія Александра I. Къ порѣ Александра относится главная работа Пнина „Опытъ о просвѣщеніи относительно къ Россіи"; это—сводъ всего, что представлялось желательнымъ для народнаго блага умному и вдумчивому человѣку; какъ первая неизбѣжная реформа, стоитъ передъ нимъ освобожденіе крестьянъ. Это произведеніе явилось жертвой двойственности Александра; первое изданіе было принято очень хорошо, но, когда вслѣдъ за нимъ, разошедшимся очень быстро, понадобилось второе, оно уже не могло состояться; тогда у Пнина вырвалась ѣдкая отповѣдь,—разсказъ изъ нравовъ цензуры въ Манчжуріи, гдѣ одинъ авторъ написалъ трактатъ подъ заглавіемъ „Истина", и цензоръ не пропустилъ его, ища уже въ этомъ опасномъ заглавіи революціонныхъ цѣлей.

Когда Радищевъ вернулся изъ ссылки, Пнинъ прильнулъ къ нему и оставался до конца его вѣрнымъ ученикомъ, сохранивъ привязанность и послѣ трагической кончины Радищева. Страннымъ противорѣчіемъ политикѣ Павла кажется то, что человѣкъ такой независимый, какъ Пнинъ, смогъ держаться въ его царствованіе.

Въ молодомъ поколѣніи и въ эту пору появляются такія силы, какъ Батюшковъ, Жуковскій; послѣдній, очень юный, началъ печатать свои стихотворенія еще въ 1795—96 гг. Когда настаетъ 1801 г., мы видимъ контингентъ лицъ, которыя стремятся пробудить Россію отъ кошмарнаго сна павловскаго царствованія и дѣйствуютъ сообразно своимъ цѣлямъ.

Digitized by Google

Избавленіе отъ деспотизма вызвало живой откликъ повсюду. Вигель въ своихъ запискахъ разсказываетъ о впечатлѣніи, произведенномъ вѣстью объ этомъ въ Москвѣ. Москвичи привыкли къ появленію со стороны Тверской заставы тройки курьера, который везъ всегда какой-нибудь приказъ, проявлявшій типичный павловскій произволъ. Со страхомъ слѣдили, куда повернетъ онъ сегодня, кто обреченъ на этотъ разъ. Но случилось нѣчто необыкновенное; никогда еще не заливался такъ бѣшено колокольчикъ курьера, никогда не мчались его лошади съ такой быстротой, какъ въ тотъ день, когда тройка пронеслась прямо къ дому главнокомандующаго, и черезъ нѣсколько мгновеній разнеслась вѣсть о событіи, происшедшемъ въ Петербургѣ; городъ былъ охваченъ ликованіемъ, настолько сильнымъ, что люди, совсѣмъ незнакомые, встрѣчаясь на улицѣ, привѣтствовали другъ друга и христосовались, точно со смертью Павла кончалась ночь русской жизни, и вступленіе на престолъ Александра обѣщало сдѣлать ее земнымъ раемъ.

Подобный энтузіазмъ, овладѣвающій русскимъ обществомъ, такая способность вѣры въ освобожденіе отъ террора, которые широко распространились по всему государству,—характерное проявленіе русской общественной психологіи; совсѣмъ то же повторилось и при воцареніи Александра II. Этотъ оптимизмъ, ожиданія, что жизнь рѣшительно пойдетъ по иному руслу, казалось, имѣли основаніе; слухи, проникавшіе въ широкіе слои объ Александрѣ, о его воспитаніи и развитіи, о его критическомъ отношеніи къ поступкамъ отца, сулили многое. „Дней Александровыхъ счастливое начало“ какъ-будто оправдывало эти ожиданія; отмѣна запрещеній въ различныхъ областяхъ жизни, возвращеніе сосланныхъ, заставляли съ надеждой взирать на новаго монарха; но это были лишь акты милосердія, а перехода къ серьезнымъ реформамъ такъ и не совершилось. Ни одного важнаго государственнаго преобразованія не было сдѣлано питомцемъ французскихъ философовъ 18 в.; политика не продвинулась впередъ, крѣпостное право осталось въ прежней силѣ, если не считать указа о „вольныхъ хлѣбопашцахъ“, нашедшаго лишь незначительное примѣненіе на практикѣ,

Digitized by Google

да частичнаго и крайне несовершеннаго освобожденія крестьянъ Прибалтійскаго края; нѣсколько разъ на словахъ подчеркивалось намѣреніе перейти къ представительной формѣ правленія, но и здѣсь ничего не было сдѣлано. Когда г-жа Сталь, склонная видѣть въ правленіи Александра серьезный залогъ обновленія русской жизни, высказала это ему, онъ скромно напомнилъ ей, что и онъ, и его правленіе лишь случайность въ русской исторіи.

И произошло то же, что при Екатеринѣ,—когда въ духѣ заявленныхъ въ началѣ царствованія принциповъ выросло поколѣніе дѣятелей и пожелало примѣнить свои силы къ работѣ, они оказались нежелательными въ виду водворившейся къ тому времени реакціи. Послѣ 1812 г. Александръ является склоннымъ къ той жалкой платформѣ убѣжденій, на которой стоялъ его отецъ.

Нелицепріятный судъ надъ нимъ сталъ возможенъ лишь въ новое время, когда записки его современниковъ, показанія исторической науки, изслѣдованія его царствованія сказали правду о немъ. Среди этихъ изслѣдованій цѣнными являются работы проф. Шимана; первый томъ его труда „Geschichte des Kaisers Nikolaus I“ посвященъ Александру и основывается на русскихъ матеріалахъ и на документахъ прусскихъ архивовъ; изъ русскихъ работъ—трудъ Шильдера по исторіи Александра I; кромѣ того выдающееся значеніе имѣютъ работы Великаго Князя Николая Михайловича, проведенныя съ строгостью и безпристрастіемъ и неотступающія передъ результатами, съ извѣстной точки зрѣнія не поучительными; его характеристика Александра, изслѣдованіе объ одномъ изъ его ближайшихъ друзей Строгановѣ или книга посвященная несчастной супругѣ Александра императрицѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ, изслѣдованіе о русскихъ дипломатическихъ сношеніяхъ того времени,—все это развѣнчиваетъ и перестраиваетъ представленіе объ Александрѣ I. Старое же представленіе стремилось доказать, что трудно одолѣваемыя событія какъ русской, такъ и западной исторіи,—нашествіе Наполеона, войны въ Европѣ, возрожденіе Россіи, какъ ея освободительницы,—потрясли его душу и двинули его въ направленіи мистицизма. Нужно внимательнѣе вглядѣться въ

Digitized by Google

истинную сущность Александра, чтобы убѣдиться, что переломъ былъ не такъ неожиданъ, что противорѣчія всегда лежали въ основѣ его характера.

Какъ бы то ни было, начало его царствованія принесло облегченіе и литературѣ, какъ и прочимъ сторонамъ жизни. Къ тому же была еще одна счастливая для русской литературы черта; въ немъ совсѣмъ не было стремленія играть въ ней какую бы то ни было роль, въ чемъ онъ рѣзко отличался отъ своей бабки, которая взялась за перо, едва научившись выражать свои мысли по-русски, и уже не выпускала его до конца дней; Александръ же не писалъ ничего, кромѣ офиціальныхъ документовъ, за всю свою жизнь. Не могъ и не любилъ онъ играть роль мецената; если Екатерина не переставала оказывать знаки милости разнымъ выдающимся дѣятелямъ западной литературы и дѣлала это съ извѣстнымъ блескомъ и умѣніемъ, то Александръ оказывался здѣсь неповоротливымъ и нескладнымъ; такъ онъ послалъ разъ нѣсколько наградъ во Францію, прося ихъ раздать, кому найдутъ нужнымъ.

Для русской жизни имѣла громадное значеніе снятіе запрета съ общенія съ Западомъ, и оно возобновилось съ большою силой. Снова хлынули въ Россію книги, молодежь двинулась за границу, ища образованія; въ Россію явились крупныя, научныя силы Запада; такимъ былъ профессоръ Буле, украшеніе университета въ Геттингенѣ, гдѣ въ 1802 г. его слушалъ Александръ Тургеневъ, а черезъ 2 года онъ уже въ Москвѣ и становится однимъ изъ выдающихся дѣятелей университета, учителемъ Грибоѣдова и Чаадаева. Московскій университетъ вообще ожилъ.

Александръ подъ руководствомъ Лагарпа проходилъ не столько полный научный курсъ, сколько послѣдовательную философскую и нравственную подготовку къ государственной дѣятельности. Уроженецъ французской Швейцаріи, Лагарпъ былъ приглашенъ Екатериною для воспитанія ея внуковъ по совѣту Гримма. По всему складу жизни, убѣжденіямъ и рѣчамъ, даже по внѣшности онъ рѣзко отличался отъ всего екатерининскаго двора и носилъ демократическій отпечатокъ. Его не взлюбили и подкапывались доносами, но

Digitized by Google

Екатерина оставила его до конца исполнить свое дѣло. Ученическія работы Александра свидѣтельствуютъ о томъ, что Лагарпъ старался вести своего ученика не какъ будущаго императора, а прежде всего стремился сдѣлать изъ него человѣка гуманнаго, отзывчиваго, приверженнаго нравственнымъ началамъ жизни. Въ подобномъ воспитаніи былъ великій недостатокъ знакомства съ условіями русской жизни; онъ въ извѣстной степени восполнялся другимъ воспитателемъ Михаиломъ Муравьевымъ; очень образованный, онъ выдѣлялся, какъ своеобразная личность, и стоялъ у насъ одиноко; онъ былъ знатокомъ классическихъ литературъ, эллинской, римской, наконецъ итальянской, что было рѣдкостью въ ту пору, и онъ передалъ своему воспитаннику Батюшкову увлеченіе эллинизмомъ и проникновенное чутье къ нему. Впослѣдствіи онъ сталъ важнымъ лицомъ въ министерствѣ народнаго просвѣщенія. Александръ былъ расположенъ къ обоимъ воспитателямъ; съ Лагарпомъ ему пришлось разстаться, потому что Екатерина удалила его, когда онъ слишкомъ горячо проявлялъ сочувствіе возникавшей на его родинѣ Гельветической республикѣ. Сношенія между воспитателемъ и его царственнымъ ученикомъ не прекращались, и позднѣйшія письма Александра, уже ставшаго правителемъ, носятъ характеръ исповѣди, интимныхъ признаній.

Съ задатками, имѣвшими корни въ философской мысли 18 вѣка, Александръ приступилъ къ правленію государствомъ. Не одна философія откликалась въ немъ въ медовый мѣсяцъ его царствованія, когда онъ запирался съ ближайшими друзьями для обсужденія русскихъ дѣлъ; ничего существеннаго, однако, не вышло изъ засѣданій этого „Comité de salut public“, хоть тамъ и принимали участіе такія выдающіяся лица, какъ Строгановъ, получившій образованіе во Франціи, гдѣ его руководителемъ былъ настроенный еще болѣе радикально, нежели Лагарпъ, будущій монтаньяръ Роммъ.

Въ политикѣ Александра, какъ и въ дѣятельности его бабки, можно не разъ замѣтить несоотвѣтствіе между высказанными мнѣніями и проведеніемъ ихъ въ жизнь; наприм. имъ чрезвычайно почитался одинъ изъ представителей анг-

Digitized by Google

лійской общественной мысли и руководителей соціальнаго движенія Бентамъ, къ которому онъ обращался за совѣтами, какъ обновить русскую жизнь; одинъ изъ главныхъ послѣдователей Бентама французъ Дюмонъ пріѣзжалъ отъ него въ Россію и нашелъ здѣсь очень любезный пріемъ (въ „Голосѣ Минувшаго" помѣщенъ его дневникъ); но, когда Бентамъ самъ захотѣлъ прибыть въ Россію и на дѣлѣ провести свои взгляды, его отстранили. Вообще для политики Александра характерно движеніе,—шагъ впередъ и затѣмъ шагъ, если и не назадъ, то въ сторону. Александру Лагарпъ несомнѣнно привилъ идею вѣротерпимости; когда изъ Англіи пріѣхала депутація отъ квакеровъ (архи-демократическая религіозная секта, называвшая себя „Society of friends"—„общество друзей" и прозванная „квакерами" или вѣрнѣе „квекерами" отъ слова „to quacke"—дрожать), императоръ встрѣтилъ ихъ съ полнымъ сочувствіемъ; отъ такихъ пріемовъ естественный переходъ къ признанію свободы совѣсти, между тѣмъ многія секты подвергались гоненію при немъ; такъ за духоборовъ долженъ былъ заступаться когда то крупный дѣятель новиковскаго масонскаго общества Лопухинъ, движимый идеальной вѣротерпимостью.

Александръ трудно переходилъ къ новому; онъ цѣпко держался за то, на чемъ выросъ, а между тѣмъ Европа далеко ушла впередъ во всѣхъ областяхъ мысли и жизни, запаздыванія было характерно не только для него, но и для всѣхъ дѣятелей его эпохи. В. Семевскій въ изслѣдованіи „Политическія и общественныя идеи декабристовъ" сгруппировалъ показанія ихъ, обнаружившія ихъ несомнѣнную зависимость отъ философіи и политики 18 столѣтія.

Такое же опозданіе видно и въ литературныхъ теченіяхъ; къ этому времени Германія пережила Лессинга, „Sturm und Drang", первую школу романтиковъ съ Шлегелемъ, Тикомъ и Новалисомъ, переживала уже вторую романтическую школу; Гете прошелъ уже огромный путь эволюціи, создалъ фрагментъ Фауста, а потомъ и первую его часть, въ лицѣ Шиллера обновилась общественно-сильная драма, а у насъ еле пробивался романтизмъ, и мало знали Гете и Шиллера. Отчасти это, конечно, объясняется искусственнымъ разоб-

Digitized by Google

щеніемъ Россіи съ Западомъ, къ которому стремились Екатерина и Павелъ.

Первыя извѣстія о романтизмѣ стали къ намъ проникать еще 18 вѣкѣ; Державинъ переводилъ Шиллера и вдохновлялся Оссіаномъ, Оссіана переводилъ сначала Александръ Дмитріевъ, потомъ Костровъ; въ томъ же направленіи дѣйствовала мало оцѣненная современниками Анна Турчанинова, поэтесса, математикъ и философъ, жившая въ Кіевѣ; ей принадлежатъ переводы произвененій того періода который былъ прологомъ къ романтизму,—напр.: переводъ изъ англійскаго собранія старинныхъ балладъ, сдѣланнаго спискомъ Перси, и имѣвшаго не меньшее распространеніе нежели „Пѣсни Оссіана". Приносилъ свои плоды и нѣмецкій романтизмъ. Вдохновленный имъ казанскій литераторъ—любитель Каменевъ безъ особаго таланта, но съ глубокимъ почтеніемъ передъ литературными свѣтилами написалъ первую русскую романтическую балладу изъ богатырской старины, „Громвалъ".

Вскорѣ выступаетъ и Жуковскій. Послѣ нѣсколькихъ меланхолическихъ стихотвореній, созданныхъ имъ еще въ отроческомъ возрастѣ (первое изъ нихъ—элегія на смерть его близкой родственницы) онъ переходитъ къ переводамъ. Первоначально его увлекъ англійскій поэтъ Грей; онъ переводитъ его „Сельское кладбище" и „Барда", который позднѣе отразился на „Пѣвцѣ въ станѣ славянъ-побѣдителей" и „Пѣвцѣ въ станѣ русскихъ воиновъ". Въ обоихъ произведеніяхъ Грея съ ихъ грустью или романтическимъ томленіемъ о старинѣ настоящаго романтизма еще нѣтъ; онъ только предтеча его. Жуковскій увлекся и другимъ такимъ же предтечею, нѣмецкимъ поэтомъ Бюргеромъ, изъ-подъ вліянія котораго онъ долго не могъ выйти. Первымъ переводомъ изъ него была „Ленора", въ основѣ которой лежитъ странствующее сказаніе о ночной поѣздкѣ невѣсты съ мертвымъ женихомъ. Сюжетъ этотъ надолго овладѣлъ фантазіей Жуковскаго: не удовольствовавшись переводомъ, онъ создаетъ въ томъ же духѣ свою „Людмилу", потомъ „Свѣтлану".

Сначала Жуковскій съ Батюшковымъ какъ будто стоятъ во главѣ литературныхъ силъ александровской поры; оба

Digitized by Google

являются поэтами лириками; въ этомъ точно указаніе, что поэзія нуждалась въ обновленіи. Эпоха Александра была полна оживленія и ожиданій въ общественной жизни; казалось, нуженъ былъ иной родъ литературныхъ дѣятелей, способныхъ охватить движенія жизни, откликаться на нихъ, не отодвигая ихъ на второй планъ,—поэзія, полная гражданственности, отражающая въ себѣ современныя вѣянія,—но и этого совсѣмъ не давало творчество обоихъ писателей.

Батюшковъ скорѣе подходилъ къ типу поэта-гражданина. Натура, можетъ быть, не сполна политическая, онъ все же былъ болѣе склоненъ къ участію въ борьбѣ, нежели Жуковскій, но жизнь его была омрачена душевнымъ недугомъ, наслѣдственнымъ въ его семьѣ; онъ, конечно, больше подходилъ къ тому, чего ждала современность отъ руководителя. Въ немъ было вообще много жизненнаго, свѣжаго, яснаго, древне-языческаго, такъ мало привычнаго у насъ. Обладая сильной воспріимчивостью и влеченіемъ ко всему эстетичному и пластическому, онъ тянулся навстрѣчу вѣяніямъ древней Греціи, Италіи эпохи Возрожденія, прекрасно зналъ ихъ литературу, переводилъ; имъ было задумано дать русскому обществу сборники, куда вошла бы вся классическая итальянская литература, Данте, Петрарка, Боккаччіо. Въ этомъ эллинистѣ и итальянофилѣ, поклонникѣ юга, южныхъ красокъ, совмѣщалось съ большой образованностью и глубокая приверженность къ просвѣщенію, противоположная узкому націонализму. Одаренный художественными влеченіями, мастеръ стиха, онъ любилъ и сильныя впечатлѣнія дѣйствительности, участвовалъ въ нѣсколькихъ походахъ, — противъ Швеціи въ Финляндіи, въ войнѣ съ Наполеономъ въ Германіи, участвовалъ въ одномъ изъ величайшихъ міровыхъ сраженій—при Лейпцигѣ. Все это говоритъ, что въ немъ не было свойствъ человѣка кабинетнаго, изящно-культурнаго, онъ рвался въ самую гущу жизни, но на дорогѣ его стоялъ его злѣйшій врагъ—неотвратимое сумасшествіе, впивавшееся все острѣе и больнѣе въ его душу. Роковымъ былъ эпизодъ, случившійся во время войны въ Германіи; послѣ трехдневнаго лейпцигскаго побоища, этой страшной „битвы народовъ“, онъ бросился на поиски дорогого ему

Digitized by Google

друга, погибшаго въ этомъ сраженіи, объѣзжалъ мѣста, заваленныя грудами труповъ, вглядываясь въ лица мертвецовъ, до тѣхъ поръ, пока около какой-то деревенской церкви среди массы нагроможденныхъ тѣлъ не увидѣлъ знакомыя и любимыя имъ черты. Ужасы видѣннаго такъ потрясли его, что съ того времени не было длительнаго просвѣта въ его душевной жизни. Батюшковъ ранняго періода замираетъ. Онъ пробуетъ лѣчиться, его друзья стараются сдѣлать для него все, но психіатрія начала 19 вѣка была безсильна и не могла оказать помощи. Всѣ попытки оказываются напрасными, темная ночь опускается на его духовный міръ. Живымъ мертвецомъ доживаетъ онъ свои еще не короткіе дни далеко отъ всѣхъ въ Вологодскомъ краю, забытый старымъ поколѣніемъ, почти неизвѣстный новому.

Сверстникъ такъ трагически кончившаго поэта, Жуковскій рѣзко отличался отъ него. Активной силы и чуткости къ политикѣ и общественности, заставлявшей Батюшкова реагировать на александровскую реакцію, водворившуюся послѣ освободительныхъ войнъ, совсѣмъ не было въ немъ. Ему была свойственна меланхолическая задумчивость, проявлявшаяся и въ ту пору, когда ничего не угнетало его въ жизни: такимъ былъ онъ уже въ селѣ Мишенскомъ, гдѣ протекало его дѣтство, окруженное заботами и нѣжнымъ женскимъ вліяніемъ, отразившимся въ его характерѣ чертами женственной мягкости: и въ этотъ свѣтлый періодъ онъ о чемъ-то печалится и груститъ, — рано заговорила искренняя, не внушенная Стерномъ и сентиментализмомъ чувствительность. Она сквозитъ и въ раннихъ произведеніяхъ его. Когда распалось „Дружеское Литературное Общество", въ которомъ Жуковскій шелъ вмѣстѣ съ бр. Тургеневыми, Кайсаровымъ и др., когда настала Отечественная война, онъ какъ-будто принимаетъ въ ней участіе, но съ мечемъ въ рукахъ онъ является только въ стихахъ. Не годился онъ и для практической гражданской дѣятельности: его попытки въ этомъ направленіи были неудачны. Наконецъ онъ взялся за рискованное и требующее много знанія дѣло придворнаго педагога, занимаясь сначала съ женщинами, а потомъ сосредоточившись на воспитаніи будущаго Освободителя, Алексан-

Digitized by Google

дра II. Это дѣло отвлекло его отъ жизни и продержало въ плѣну до конца. Самые послѣдніе годы (онъ умеръ въ 1852 г., въ одинъ годъ со своимъ младшимъ другомъ — Гоголемъ) прошли въ скитаніяхъ по Европѣ и въ заботахъ о томъ, какъ поддержать силы, чѣмъ наполнить уходящую жизнь. Такъ прошла она, несложная по внѣшнимъ событіямъ, но полная глубокаго чувства и душевнаго настроенія, которое такъ удачно было названо лучшимъ біографомъ поэта „сердечнымъ воображеніемъ", — жизнь, поманившая золотыми снами, разочаровавшая, снова въ старости увлекшая грезой о счастьѣ и угасавшая среди глубокой печали.

Чувство, заполнившее весь міръ Жуковскаго и объясняющее все содержаніе его поэзіи, было вызвано его племянницей Маріей Протасовой; проникновеніе въ грустную, но простую исторію его раскрываетъ интересную страницу изъ психологіи русскаго человѣка того времени.

Семья Буниныхъ, изъ которой происходилъ Жуковскій, была многовѣтвистой, и представители различныхъ поколѣній могли близко подходить другъ къ другу по возрасту, что и случилось между Жуковскимъ и его Машей—дядя и племянница имѣли незначительную разницу въ лѣтахъ; рано между ними зародилась дружба. Дѣтская близость съ годами перешла въ горячую крѣпкую любовь съ обѣихъ сторонъ и опредѣлила всю дальнѣйшую жизнь ихъ. Исторія ихъ отношеній раскрыта теперь благодаря „Уткинскому сборнику" (составившемуся изъ бумагъ архива села Уткина) подъ редакціей Грузинскаго, гдѣ издана ихъ переписка. Письма М. А. Протасовой полны изліяній ея чувства, но рядомъ и отголоски ея обширнаго чтенія, анализъ прочитаннаго, свидѣтельствующіе о рѣдкой даровитости, рисующей ее, какъ одну изъ лучшихъ представительницъ женскаго поколѣнія первой четверти столѣтія.

Жуковскій своею глубокою любовью къ ней, охватившею всю его поэзію, напоминаетъ одного изъ первыхъ нѣмецкихъ романтиковъ Новалиса (Гарденберга), любившаго еще болѣе юное плѣнительное существо, воплощавшее для него всю красоту міра, казавшееся ему ангеломъ, сошедшимъ на время къ людямъ, чтобы вернуться на небо, рано исчезнув-

Digitized by Google

шимъ и увѣковѣченнымъ подъ символомъ „Голубаго цвѣтка". Счастье не пришло и къ Жуковскому; оно разбилось о стѣну предразсудковъ, которая казалась несокрушимой, воздвигнутой матерью Маши; близкіе родственники, передъ свѣтомъ они были посторонними людьми. Поэтъ былъ сыномъ Бунина и плѣнной турчанки, жившей тутъ же въ имѣніи во флигелѣ, около законной семьи; свою фамилію онъ получилъ отъ крестнаго отца. Такимъ образомъ въ глазахъ свѣта не было препятствія къ браку; не было ихъ и со стороны церкви, что засвидѣтельствовалъ архіепископъ Филаретъ, авторитетъ въ церковныхъ дѣлахъ. Но ни убѣжденія, ни жалобы и мольбы молодыхъ людей не могли сломить упорство одной женщины; она не задумалась изломать жизнь двухъ полныхъ силъ и талантливости личностей. Жуковскій долженъ былъ удалиться изъ родного дома, и встрѣчи съ горячо любимой дѣвушкой были запрещены. Подчиняясь, онъ все же искалъ этихъ встрѣчъ и свиданій.

Свои страданія и томленіе Жуковскій отразилъ въ стихахъ, хотя уже у Державина были проблески новаго вѣянія, но только со времени Батюшкова и Жуковскаго имѣемъ мы право говорить о русской лирикѣ, только въ. пору этого двоецарствія, еще до Пушкина она достигла той душевности искренности, которыя являются ея отличительными чертами; и насколько Батюшковъ былъ силенъ въ своей области, настолько Жуковскій поднялся на высоту въ лирикѣ „сердечнаго воображенія" и далъ образцы такого глубокаго выраженія чувства, какого еще не встрѣчалось въ русской поэзіи.

Обычно стремятся видѣть въ немъ романтика нѣмецкой школы,—это ошибочно. Онъ не принадлежалъ къ романтизму, какъ къ школѣ, но своимъ настроеніемъ романтизмъ соприкасался съ нимъ. Жуковскій далъ не только множество переводовъ изъ нѣмецкихъ романтиковъ, но, слѣдомъ за ними, перевелъ необозримое количество твореній міровой поэзіи, древней, восточной, новой. Бѣлинскій называлъ его „новымъ Колумбомъ" за то, что онъ открылъ русскимъ новые міры творчества. При этомъ, однако, онъ никогда не переводилъ того, что не совпадало съ его душевными переживаніями, съ запросами его сердца; ими онъ руководился

Digitized by Google

и въ своихъ переводахъ художественной старины, когда брался, напримѣръ, за восточныя сказанія.

Но многія стороны романтизма все же остались совсѣмъ чуждыми ему; когда во время своихъ многолѣтнихъ путешествій по Европѣ онъ свидѣлся съ Тикомъ, они говорили на разныхъ языкахъ. Романтическая иронія, соціально-политическія ученія, философскія основы школы, системы Шеллинга,—все это, такъ тѣсно связанное съ романтизмомъ, было китайской грамотой для Жуковскаго; онъ не раздѣлялъ пристрастія этой школы къ Шекспиру, Гамлетъ казался ему какимъ-то выродкомъ. Когда настало всеобщее увлеченіе Байрономъ, не устоялъ и онъ, и переводъ „Шильонскаго узника“ былъ данью этому повѣтрію, но вѣдь здѣсь привлекалъ его узникъ, будили состраданіе его мученія; когда же въ русской литературѣ стали вырастать герои байроновскаго типа, Онѣгинъ, Печоринъ и др., Жуковскій клеймилъ ихъ „бѣсовскимъ отродьемъ“ и былъ противъ нихъ.

Самъ себя онъ считалъ проводникомъ романтической фантастики въ Россіи и не разъ называлъ „поэтическимъ дядькой всѣхъ чертей и вѣдьмъ“, вкравшихся въ русскую поэзію, но и фантастика его имѣла иной, характеръ нежели у истинныхъ романтиковъ и ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть сравниваема съ гофмановской. Изъ всѣхъ романтиковъ онъ ближе къ Новалису; подобно ему онъ далъ въ „плѣнительно-сладостныхъ“ (по выраженію Пушкина) стихахъ исповѣдь своей души. Справедливость требуетъ признать, что онъ былъ передатчикомъ лишь немногаго изъ того, что давалъ романтизмъ въ Европѣ; къ тому же онъ останавливался на нѣмецкой поэзіи, но уже скоро вліяніе французской и англійской (байронической) поэзіи проникло въ Россію и оказалось сильнѣе.

Вся лирика Жуковскаго проникнута одной мыслью, однимъ чувствомъ; у него, какъ и Тургенева, была способность „однолюба“, и если подъ старость онъ всетаки женился на златокудрой Гретхенъ, то надо видѣть, какъ онъ стыдился своего поступка, какъ казнилъ себя за него; — значитъ, горе сердечное не на всю жизнь? вставалъ въ его

Digitized by Google

головѣ вопросъ. Его любовь поглощала его всего, всю его сознательную жизнь. Но что такое несчастье этой жизни, разлука здѣсь, по сравненію съ вѣчной разлукой?—Жуковскому пришлось пережить и ее.

Пока онъ былъ отдаленъ отъ Маши волею ея матери, они все же находили возможность видѣться. Это стало доступнымъ, когда младшая сестра Протасовой, Александра Андреевна вышла замужъ за бойкаго, остроумнаго, но крайне непріятнаго въ жизни Воейкова, автора „Дома сумасшедшихъ", заѣвшаго ея жизнь. Онъ получилъ мѣсто профессора русской литературы въ Дерптѣ. Туда съѣзжались теперь Марія Андреевна и Жуковскій, для котораго этотъ городъ получилъ двойную цѣнность: давая возможность видѣть любимую дѣвушку,—въ то же время служа словно форпостомъ германской культуры въ Россіи, имѣя постоянныя связи съ нѣмецкой литературой, онъ пріобщалъ Жуковскаго къ ней.

Но неопредѣленное положеніе, тянувшееся годъ за годомъ, породило въ Маріи Андреевнѣ чувство глубокой неудовлетворенности и безпокойства; когда она встрѣтилась въ Дерптѣ со знаменитымъ хирургомъ Мойеромъ, привязавшимся скоро къ ней и вызвавшимъ ее итти вмѣстѣ на жизненномъ пути, она крѣпко задумалась надъ этимъ предложеніемъ. Письма, которыми они обмѣнялись съ Жуковскимъ по этому поводу, характерны для обоихъ; она обратилась за совѣтомъ къ нему, всегда говорившему ей, что онъ останется ея неизмѣннымъ рыцаремъ, молившему ее обращаться къ нему во всѣхъ трудныхъ дѣлахъ жизни. Жуковскій дѣйствительно оказался на высотѣ, — подавивъ свое горе, онъ отвѣтилъ ей совѣтомъ принять предложеніе; зная его глубокую чуткую натуру, можно себѣ представить, чего это ему стоило.

Затаивъ горе, онъ сталъ посѣщать чету Мойеровъ, и, полный сложнаго, смѣшаннаго чувства, видѣлъ какъ М. А. создавала что то вродѣ своего гнѣзда съ человѣкомъ, котораго она хоть и не любила, но уважала и къ которому надѣялась привыкнуть.

Но его ждало еще большее несчастье, ему пришлось пережить и смерть любимой женщины; съ той поры въ его

Digitized by Google

поэзію проникаетъ новый элементъ—мистика, стремленіе въ потустороннiй міръ. Лирика заполняется обращеніями къ улетѣвшей тѣни, къ смерти, желаніемъ поскорѣе уйти изъ этой жизни, чтобы въ загробной снова встрѣтить ту, кого онъ сильно любилъ. Это все не было внушено ему романтической модой, обусловливалось событіями его жизни. Если личному творчеству его свойственно однообразіе, то въ задушевности ему не было тогда равныхъ. Жизнь не соотвѣтствовала его склонностямъ и влеченіямъ, такъ же, какъ и свѣтлому язычеству Батюшкова; оба они не могли дать отвѣта на поднимавшіеся въ ней разнообразные вопросы; тѣмъ не менѣе ихъ одновременное выступленіе было цѣннымъ и составляетъ одну изъ значительныхъ страницъ въ исторіи русской литературы.

Въ области драмы выдѣлялся тогда дѣйствовавшій недолго, но много угадавшій въ настроеніи современнаго общества Озеровъ. Онъ пытался воскресить классическую трагедію, то братаясь съ романтической поэзіей Оссіана, чему послужилъ его „Фингалъ", то соединяя преданія былого русскаго героизма и преданія національной борьбы съ современными испытаніями Россіи; таковъ его горячо написанный (и все же не безъ французскаго вліянія) „Дмитрій Донской", пользовавшійся огромнымъ успѣхомъ; каждое представленіе сопровождалось взрывами энтузіазма, въ героѣ ея видѣли Александра I, въ Мамаѣ—Наполеона, въ мамаевыхъ мурзахъ—наполеоновскихъ маршаловъ. Патріотическое направленіе трагедіи, узаконенное Озеровымъ, давало плоды и у другихъ писателей. Сюда относится трагедія Крюковскаго, изображавшая Пожарскаго и перенесшая современниковъ къ великимъ и труднымъ днямъ смутнаго времени.

Комедія такъ же показала нѣкоторое оживленіе; здѣсь выдвигается Крыловъ, еще не перешедшій безповоротно къ баснѣ. Его пьесы „Урокъ дочкамъ" и „Модная лавка", полныя остроумія и бойкости, все же были внушены иноземными образцами, „Урокъ дочкамъ", нападающій на галломанію женской части общества, написанъ подъ прямымъ вліяніемъ „Précieuses ridicules" Мольера, осмѣявшаго виртуозную женскую жеманность въ свѣтѣ и литературѣ.

Digitized by Google

Съ 1805 года Крыловъ появляется и въ той роли, которая прославила его далеко за предѣлами Россіи,—въ роли баснописца и своимъ геніемъ оживляетъ этотъ идущій изъ древнихъ временъ, отъ притчъ индійскихъ и арабскихъ, къ 19 вѣку уже захудалый, отростокъ литературы. Но послѣдній разцвѣтъ этой литературной вѣтви былъ пышенъ и ярокъ въ лицѣ Крылова. Радикальныя убѣжденія, высказывавшіяся имъ въ сатирахъ и журналахъ 18 столѣтія, стали значительно умѣреннѣе, зато необычайно разросся бытовой матеріалъ, развилось искусство изобразительнаго слога, достигнувъ необычайной высоты и проявивъ наибольшую силу въ эпоху Отечественной войны. Онъ началъ свои опыты съ передѣлокъ басенъ Лафонтена, которыя принесъ уже искушенному въ этой области Дмитріеву, получилъ отъ него одобреніе и признаніе и вскорѣ затмилъ своего предшественника. Судьба послала ему долгую жизнь, (онъ умеръ въ 1844 г.); онъ былъ свидѣтелемъ нетолько пушкинскаго поколѣнія, но и временъ Лермонтова и Гоголя; живя среди новыхъ поколѣній онъ не переставалъ думать свою думу; порою казалось, что онъ въ своемъ уголкѣ предается безучастной лѣни, между тѣмъ онъ вдругъ разражался остроумной басней, стоившей большого сатирическаго произведенія.

Въ ту же пору замѣтно развитіе романа. Непосредственный предшественникъ Гоголя, Василій Трофимовичъ Нарѣжный, малороссъ по происхожденію, писавшій однако порусски, призванъ былъ по своимъ способностямъ многое дать литературѣ. По окончаніи университета въ Москвѣ онъ вступилъ на службу, которая привела его въ новопріобрѣтенный Россіей край, Грузію, только что принявшую добровольное подданство Россіи, но получившую въ награду за это нашествіе „г. г. ташкенцевъ", какъ сказалъ бы о нихъ позднѣе Салтыковъ, армію руссификаторовъ, цивилизаторовъ, хищниковъ. Нарѣжный служилъ у гражданскаго губернатора Коваленскаго; чистый духомъ и благородный, онъ не могъ вынести того, что творилось передъ его глазами. Свои впечатлѣнія онъ отразилъ въ повѣсти „Черный годъ или горскіе князья", появившейся поневолѣ много

Digitized by Google

позднѣе. Здѣсь подъ прикрытіемъ будто-бы русско-кавказскихъ отношеній онъ обрисовалъ весь ужасъ положенія грузинскаго общества и народа, а рядомъ съ ними очертилъ образы русскихъ чиновниковъ, орудовавшихъ въ ихъ отечествѣ, безпощадно въѣдавшихся въ жизнь независимаго недавно народа. Есть въ этой повѣсти и общерусскія наблюденія, остроумныя и живыя; таково сатирическое изображеніе рыцарей ордена нагайки, приложимое къ любому русскому краю. Въ Грузіи Нарѣжный не остался; вообще вся его служебная карьера невелика, но все, что видѣлъ, онъ изображалъ въ повѣстяхъ, среди которыхъ есть нетолько предвѣстія, но прямое предвосхищеніе сюжетовъ Гоголя; такова повѣсть „Два Ивана или страсть къ тяжбамъ", побудившая Гоголя къ созданію „Повѣсти о томъ, какъ поссорились Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ".

Романъ „Бурсакъ" является первымъ изображеніемъ семинарской жизни съ ея невѣжествомъ, тьмою и пьянствомъ, обрисованной позднѣе такими яркими и страшными красками въ „Очеркахъ бурсы" Помяловскаго; Нарѣжный перенесъ свою бурсу въ 18 в., но это было лишь уловкою, и на самомъ дѣлѣ передъ читателями вставала современная имъ кіевская бурса, картины внутренней жизни которой отразились въ „Тарасѣ Бульбѣ" и въ „Віѣ".

Еще одно произведеніе Нарѣжнаго не прошло безслѣдно для Гоголя, „Заморскій принцъ" послужилъ какъ-бы пособіемъ къ „Ревизору", заставилъ великаго юмориста задуматься надъ этой темой и разобрать ее, хотя кромѣ разсказа Нарѣжнаго онъ имѣлъ для своей комедіи источникъ въ пьесѣ Основьяненко „Пріѣзжій изъ столицы или суматоха въ уѣздномъ городѣ".

Наконецъ и „Мертвымъ душамъ" можно найти соотвѣтствіе у Нарѣжнаго въ намѣреніи переглядѣть русскую жизнь, взявъ въ герои человѣка, блуждающаго въ разныхъ слояхъ ея. Нарѣжный находился подъ вліяніемъ западнаго образца, именно романа „Gil Blas" Лесажа; Нарѣжный зналъ и любилъ оба романа его: „Gil Blas" и „Le diable boiteux" („Хромой бѣсъ") и по примѣру его захотѣлъ охватить всю русскую жизнь и дать изображеніе современнаго быта;

Digitized by Google

здѣсь должны были быть представлены всѣ его области: столица и провинція, міръ церкви, литература, чиновничество, масонство и т. д. Романъ Нарѣжнаго носилъ заглавіе „Россійскій Жиль-Блазъ или приключеніе князя Гаврилы Чистякова". Въ предисловіи, воздавая должное своему предшедственнику, изображавшему 18 ст. во Франціи, онъ говорилъ, что Лесажу изъ осторожности приходилось закрывать правдивую картину французской жизни испанскимъ налетомъ, и этимъ какъ бы указывалъ на болѣе счастливыя русскія условія, въ которыхъ стало возможнымъ говорить свободно. Лживость терпимости, которая будто бы настала въ александровское время, дала себя почувствовать автору,—его романъ могъ появиться только въ изуродованномъ видѣ,—уцѣлѣли лишь первые томы.

Лесажъ не былъ родоначальникомъ этого типа романовъ; его повѣсти—только звено въ развитіи „плутовскаго романа", „roman picaresque", начавшемся въ Испаніи въ 16-17 ст. и распространившемся по всей Европѣ; въ Германіи ему соотвѣтствовали въ 17 в. „Simplicianische Schriften", получившія это названіе отъ романа Гриммельсгаузена „Simplicius". Плутъ, стоящій въ центрѣ произведенія, вращаясь въ различныхъ слояхъ жизни, даетъ возможность автору соединить обильный рядъ бытовыхъ картинъ. Героемъ часто является и не плутъ въ точномъ смыслѣ слова (напр. Simplicius), а человѣкъ себѣ на умѣ или искатель приключеній; таковъ герой Нарѣжнаго, князь Чистяковъ, потомокъ захудалаго княжескаго рода; судьба бросаетъ его изъ одного конца Россіи на другой; приключенія его служатъ для автора канвой, по которой онъ располагаетъ разнообразный матеріалъ. Цензура возстала противъ романа; вмѣшались нетолько низшія власти, но и министръ просвѣщенія Разумовскій, и печатаніе его было запрещено.

Нарѣжный стоитъ особнякомъ среди другихъ дѣятелей александровской литературы, все же занимаетъ въ исторіи литературы выдающееся мѣсто, какъ первый романистъ. Кромѣ того въ его лицѣ въ ряды русскихъ литераторовъ входитъ представитель малорусской народности, откуда уже съ конца 16 в. выходило на сѣверъ немало

Digitized by Google

просвѣтителей; такъ было и при Петрѣ Великомъ, въ числѣ сотрудниковъ котораго стояли Ѳеофанъ Прокоповичъ и Стефанъ Яворскій. Но малорусская національная литература началась лишь съ конца 18 в., когда въ 1798 г. появилась остроумная пародія Ивана Котляревскаго на „Энеиду" Вергилія; „Энеида наизнанку" положила основаніе украинской литературы, прикрѣпленной къ своей почвѣ, къ своему народу и быту; Котляревскій, перейдя въ 19 в., обогатилъ ее цѣлымъ рядомъ комедій, живыхъ до сихъ поръ.

Рядомъ съ нимъ выступаетъ ректоръ основаннаго при Александрѣ I харьковскаго университета, Гулакъ-Артемовскій съ баснями на малорусскомъ языкѣ (одна изъ наиболѣе извѣстныхъ „Панъ та собака", направленная противъ крѣпостного права), Котляревскій, Гулакъ, затѣмъ Основьяненко, отецъ Гоголя, Василій Гоголь, стали первыми дѣятелями малорусской литературы. Нарѣжный былъ душевно связанъ съ ними, но и про него, какъ относительно Гоголя, можно было сказать, что онъ стоялъ „между двумя душами", —своего и русскаго народа, въ обоихъ побѣдила душа русская.

Обозрѣвая литературныя силы александровскаго времени, видимъ, что почти всѣ онѣ поклоняются старымъ богамъ, носятъ на себѣ отпечатокъ прошлаго вѣка. Жуковскій—человѣкъ 18 ст. и къ концу его относятся его первыя выступленія въ печати, Нарѣжный поклоняется Лесажу, Озеровъ держится за ложно-классическую трагедію и т. п. Это вступительное время къ подлинной литературѣ 19 ст. продолжалось до 1812-15 г. Существовало много и кружковъ литературныхъ и ученыхъ дѣятелей: старовѣры сгруппировались вокругъ Россійской академіи и „Бесѣды"; вокругъ Румянцева, основателя извѣстнаго музея, вокругъ Оленина, директора Публичной Библіотеки, собираются эрудиты; все это окрашено еще старыми идеями.

Но въ то же время съ 1801-1815 г. растетъ молодое поколѣніе, въ пору относительной свободы, терпимости и благожелательства правительства; результаты оказались выдающимися. Намѣчаются новые центры образованности; сотни юношей ѣдутъ учиться за границу; особымъ расположе-

Digitized by Google

ніемъ пользуется Геттингенъ, откуда возвращаются не одни Ленскіе, но и настоящіе работники на пользу своей родины; въ Петербургѣ основываются Педагогическій Институтъ (позднѣе, съ 1819 г.—университетъ), подвергшійся со временемъ гоненіямъ и отъ правительства, и отъ реакціонной части общества, нападки котораго увѣковѣчилъ и заклеймилъ въ своей безсмертной комедіи Грибоѣдовъ: „Въ Петербургѣ институтъ Пе-да-го-ническій, такъ, кажется, зовутъ?.. Тамъ упражняются въ расколахъ и безвѣрьи профессора!“; въ Царскомъ Селѣ основывается лицей, которому суждено было стать колыбелью Пушкина; неутомимая энергія Карамзина, исполненнаго тогда либеральныхъ стремленій, создала университетъ въ Харьковѣ, куда предполагалось пригласить лучшія европейскія силы, напр. Фихте.

Такъ въ первые годы александровскаго царствованія представлялись различныя льготы для развитія просвѣщенія, и понятно, что со всѣхъ концовъ государства послышались живительныя рѣчи; такъ въ Царскосельскомъ лицеѣ блистали такія крупныя силы, какъ Куницынъ, бывшій студентъ нѣмецкихъ университетовъ, авторъ книги объ естественномъ правѣ, подвергшейся позднѣе запрещенію. Хотя силы сходились изъ различныхъ слоевъ общества, но, главнымъ образомъ, ихъ давало дворянство. Вглядываясь изъ историческаго далека, можно только удивляться необычайному притоку силъ, призванныхъ дѣйствовать на общественномъ, политическомъ и литературномъ поприщахъ.

Старый разсадникъ культурныхъ силъ, московскій университетъ, выставилъ тогда изъ своей среды немало дѣятелей для періода двадцатыхъ годовъ, напримѣръ Грибоѣдова и Чаадаева. Уже въ 1808 г. Грибоѣдовъ окончилъ историко-филологическій факультетъ и послѣ того еще остался въ университетѣ, перейдя на юридическій; онъ хотѣлъ по собственному признанію готовиться къ возведенію въ „чинъ доктора“,—это желаніе посвятить себя всецѣло наукѣ казалось въ то время страннымъ для человѣка, происходящаго изъ стариннаго дворянства (Грибоѣдовъ былъ потомкомъ польской дворянской семьи, еще въ 17 в. переселившейся въ Россію); и если бы ему въ самомъ дѣлѣ

Digitized by Google

пришлось стать профессоромъ, это было бы удивительной новинкой; именно такое впечатлѣніе произвело назначеніе Григорія Глинки профессоромъ русской литературы въ Дерптскій университетъ, и „Вѣстникъ Европы“, привѣтствуя въ его новомъ званіи, подчеркивалъ фактъ, что человѣкъ дворянскаго происхожденія, благородный пошелъ въ область науки, какъ будто бы она принадлежала лишь разночинцамъ. Но Грибоѣдову не суждено было здѣсь проявить свои силы.

Подошелъ 1812 г., онъ бросилъ все, уходя бороться съ Наполеономъ, исполненный мечтательности, охваченный горячимъ патріотизмомъ, въ которомъ не было ничего офиціальнаго. Когда военный періодъ былъ пережитъ, онъ, перейдя въ Коллегію Иностранныхъ дѣлъ, началъ работать какъ дипломатъ съ одной стороны, съ другой—какъ литераторъ. Онъ научился цѣнить литературу еще въ университетѣ, тамъ же зародилось его великое произведеніе; воспріемникомъ былъ его учитель и профессоръ геттингенецъ Буле. Завѣты, вложенные въ него въ пору студенчества, никогда не изгладились въ немъ: такъ, уже будучи на Кавказѣ, онъ припоминалъ слышанное имъ отъ Шлецерасына, талантиваго экономиста, и стремился работать на пользу страны, прилагая свои знанія къ окружающимъ условіямъ.

Чаадаевъ той поры еще не додумывался до идей знаменитыхъ „Философическихъ писемъ“, но онъ уже охватываетъ мыслью современность, русское призваніе, обнаруживаетъ громадный умъ, развитый обширнымъ и разнообразнымъ чтеніемъ. По общественному положенію онъ незамѣтный лейбъ-гусарскій офицеръ, и Пушкинъ противопоставлялъ эту участь друга его призванію быть въ Римѣ Брутомъ, въ Аѳинахъ-Периклесомъ.

Военная служба не мѣшала ему быть выдающеюся силою, какъ не помѣшала она сотнямъ другихъ быть участниками декабрьскаго движенія; вѣдь военная молодежь составляла почти весь контингентъ декабристовъ. Чаадаевъ и въ военной обстановкѣ оставался гражданиномъ съ закаломъ благороднаго общественнаго дѣятеля, не стремясь къ воен-

Digitized by Google

ной карьерѣ, глубоко задумываясь надъ всѣмъ окружающимъ. Его поступленіе въ лейбъ-гусарскій полкъ было вызвано исключительными обстоятельствами,—войною съ Наполеономъ. Въ рядахъ русскихъ войскъ прошелъ онъ всю Европу; невольное сравненіе Запада съ родною дѣйствительностью настраивало мрачно.

Пушкинъ въ то время былъ еще въ лицеѣ, окруженный кучкой молодыхъ силъ, далеко неравноцѣнныхъ, но имѣвшихъ немалое значеніе для его развитія. Кюхельбекеръ, нѣмецъ по происхожденію, но страстный галломанъ по литературнымъ симпатіямъ, знакомитъ его, воспитаннаго на французской литературѣ 18 в., съ новою литературой, посвящаетъ его въ ея новое боевое направленіе. Дельвигъ въ свою очередь расширяетъ его познанія, знакомя съ нѣмецкимъ романтизмомъ. Съ каѳедры идетъ проповѣдь гуманныхъ началъ и новыхъ идей. Правда, Царскосельскій лицей не былъ такимъ разсадникомъ науки, культуры и образованности, какимъ его впослѣдствіи изображали. Въ числѣ профессоровъ и воспитателей не обходилось безъ уродствъ; одинъ инспекторъ, типичный святоша, заботился, чтобы его ученики ходили къ обѣднѣ и исповѣди, другой старался все подвести подъ военную строевую мѣрку; но были и свѣтлыя личности, проповѣдники новыхъ знаній, какъ Куницынъ, умѣвшій, по словамъ Пушкина, зажечь въ нихъ пламя своими рѣчами; таковъ же былъ философъ Галичъ. Былъ въ средѣ преподавателей и братъ Марата, скрывшійся подъ именемъ де Будри. Студентамъ иногда удавалось вызвать его на разсказы о пережитомъ въ революціонный періодъ, и онъ съ увлеченіемъ воспроизводилъ передъ ними грозные дни. Рѣчами и вліяніемъ этихъ людей дополнялся и исправлялся тотъ запасъ знаній, который Пушкинъ принесъ изъ дому, гдѣ онъ росъ среди модно-изящной французской культуры, сторонниками которой были его отецъ и дядя. Но важнѣе, чѣмъ профессорское воздѣйствіе было широкое самообразованіе достигавшееся при условіи круговой поруки, существовавшей между товарищами. Именно въ этомъ духѣ товарищества раскрылись впервые вѣщія зѣницы Пушкина. Конечно, многое должно еще въ немъ пе-

Digitized by Google

ребродить, прежде чѣмъ онъ станетъ настоящимъ Пушкинымъ.

Въ петербургскій свѣтъ онъ вступилъ, уже извѣстный по своимъ мѣткимъ эпиграммамъ на враговъ просвѣщенія, которыя создавались имъ въ лицеѣ. Не онъ одинъ занимался этимъ; среди его друзей выдѣлялся, напр., Илличевскій, чьи эпиграммы товарищескій судъ признавалъ даже выше пушкинскихъ. Эти выстрѣлы противъ обскурантизма, противъ стремленія александровскаго правительства перемѣнить фронтъ, были первыми проявленіями истиннаго „пушкинизма", и ихъ значеніе гораздо цѣннѣе тѣхъ лицейскихъ произведеній, гдѣ поэтъ подражалъ Горацію, Анакреону и др. и обнаруживалъ такъ много ложно-классическихъ пріемовъ.

Знакомство съ Чаадаевымъ заставило его сдѣлать большой шагъ впередъ; Пушкинъ научился глубоко любить и цѣнить этого человѣка съ его прекрасной душой и громаднымъ умомъ; подъ его вліяніемъ онъ самъ поднимался выше; прислушиваясь къ его рѣчамъ, онъ сознательнѣе вглядывался въ міръ и серьезнѣе смотрѣлъ на свое призваніе. Въ Петербургѣ же онъ встрѣтился и съ бр. Тургеневыми, Александромъ и Николаемъ, которые являлись гражданственными проповѣдниками общественной дѣятельности, направлявшими горячіе молодые порывы поэта въ хорошую нужную сторону. Все это давало ему политическое воспитаніе, и онъ скоро выступаетъ въ политической поэзіи, сдѣлавшей его извѣстнымъ по всей Россіи, такъ какъ стихотворенія его въ рукописномъ видѣ расходились повсюду.

Среди лицейскихъ товарищей, имѣвшихъ большое значеніе для него, были не только тѣ, кто обладалъ писательскими способностями или знаніемъ западныхъ литературъ, но также и тѣ немногіе, кто таилъ въ себѣ таланты общественные. Одинъ изъ нихъ былъ Пущинъ, ближайшій и любимый другъ Пушкина; стоило ему посѣтить ссыльнаго въ селѣ Михайловскомъ, какъ тамъ воцарялась радость. Къ Пущину направлено не мало стиховъ великаго поэта; ему же принадлежатъ лучшія воспоминанія о Пушкинѣ. Изъ него выработался рыцарь правды и справедливости и служа

Digitized by Google

до возстанія въ Петербургѣ, онъ снискалъ большую популярность своею выдающейся честностью. То же стремленіе къ правдѣ увело его въ ряды заговорщиковъ; однимъ изъ первыхъ онъ вошелъ въ тайное общество.

Но не только изъ показныхъ воспитательныхъ учрежденій выходили дѣятели общественности и литературы; они росли и въ самыхъ заурядныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Что особенное представляли собою кадетскіе корпуса? Между тѣмъ изъ нѣдръ одного изъ нихъ вышелъ Рылѣевъ, поэтъ декабризма, смертью засвидѣтельствовавшій свою гражданственность. Письма его, относящіяся ко времени ученія, обрисовываютъ его тихимъ, послушнымъ характеромъ ничто, кажется, не выдаетъ будущаго заговорщика. Все это пришло позднѣе, жизнь учила Рылѣева, а не книги; на личномъ опытѣ онъ убѣдился въ необходимости перемѣнъ въ Россіи. И онъ, какъ многіе лучшіе люди того времени, совершилъ походъ въ Европу и вернулся на родину другимъ человѣкомъ.

Однимъ изъ первыхъ выступленій его было пламенное обличеніе Аракчеева, которое онъ выдалъ за подражаніе сатирѣ римскаго писателя Персія. Онъ клеймилъ здѣсь тирана такъ рѣзко, такъ ярко очертилъ его, что всѣ поняли, противъ кого направлено было стихотвореніе, кромѣ самого обвиняемаго, не захотѣвшаго признать себя въ отталкивающемъ образѣ. Затѣмъ начинается служба Рылѣева и быстрое выдвиганье въ литературѣ. По возвращеніи изъ европейскаго похода Рылѣевъ бросилъ военную службу и нѣкоторое время жилъ въ своей Воронежской деревнѣ, но по мѣрѣ усиленія реакціи, онъ чувствовалъ себя обязаннымъ вмѣшаться въ общественную жизнь, снова пріѣхалъ въ Петербургъ и сталъ засѣдателемъ въ уголовной палатѣ. Послѣ сатиры на Аракчеева, появились его „Думы“, созданныя подъ нѣкоторымъ вліяніемъ польскаго писателя Нѣмцевича. Здѣсь Рылѣевъ обращается къ прошлому Россіи, чтобы изъ него извлечь завѣты не стариннаго быта, а преданности родному благу. Отъ Святослава до позднѣйшаго времени беретъ онъ образы лучшихъ русскихъ людей, открывая цѣлую панораму подвижниковъ за свой народъ, и пусть Пуш-

Digitized by Google

кинъ говорилъ о „Думахъ“, что это уже не поэзія, такъ какъ въ нихъ слишкомъ много ума и проповѣди, все же онѣ сыграли крупную роль въ развитіи русскаго самосознанія.

Обширнѣйшая литература мемуаровъ декабристовъ, параллели которой не найдется нигдѣ и на Западѣ, разсказываетъ позднимъ потомкамъ о томъ, какъ развивались политическіе дѣятели первой четверти 19 столѣтія. „Библіотека декабристовъ“, издававшаяся нѣсколько лѣтъ назадъ въ Москвѣ, не исчерпываетъ всего матеріала; къ ней примыкаютъ мемуары Сергѣя Волконскаго, его жены, одной изъ воспѣтыхъ Некрасовымъ „русскихъ женщинъ“, Трубецкого, Оболенскаго и мног. друг. Трудъ В. Семевскаго, Щеголева, Павлова-Сильванскаго „Общественное движеніе въ первой половинѣ 19 в.“ заключаетъ въ себѣ въ этомъ отношеніи клады, и въ первомъ томѣ помѣщены мемуары Оболенскаго, М. Фонвизина, Штейнгеля. Всѣ мемуары свидѣтельствуютъ о громадной начитанности декабристовъ, возбужденной въ большинствѣ случаевъ не университетомъ, а добытой самостоятельно. Пестель, не бывшій ни въ какой школѣ, политически былъ однимъ изъ самыхъ образованныхъ среди нихъ. Вся литература конституцій, старыхъ и новыхъ, все, что давали въ его время общественныя науки Запада, все было знакомо ему.

Большой интересъ представляютъ собой мемуары бар. Штейнгеля, всегда чрезвычайно антипатичнаго Александру за обличенія золъ русской жизни, которыя онъ высказывалъ въ своихъ заявленіяхъ, немало докучавшихъ императору; въ Сибири, отбывъ каторжныя работы, и живя на поселеніи, онъ написалъ свои записки, являющіяся вмѣстѣ съ тѣмъ обзоромъ развитія политическаго самосознанія въ Россіи.

И онъ, и М. Фонвизинъ воспитывались не такъ, чтобы отъ нихъ можно было ожидать того дѣла, за которое они взялись. Они, какъ и многіе другіе вокругъ нихъ, явились дѣтьми собственной работы надъ собою, сами воспитали себя и поднялись на значительную высоту.

Кромѣ общественнаго самовоспитанія большое значеніе имѣло и литературное вліяніе. Мемуары декабристовъ ука-

Digitized by Google

зываютъ здѣсь, большею частью имена, уже отслужившія, писателей 18 в.: Вольтеръ, Монтескье, энциклопедисты,—хотя въ Россію уже стучалась новая литература, главнымъ образомъ, французская и нѣмецкая, а съ 20-хъ годовъ и англійская. Шатобріанъ съ пессимистическими героями былъ уже извѣстенъ, „Рене" былъ быстро переведенъ на русскій языкъ. Заходили произведенія и второй школы нѣмецкихъ романтиковъ; со многими дѣятелями нѣмецкаго романтизма русскимъ удалось познакомиться лично во время похода.

Были, конечно, и недочеты. Сильно запоздало вліяніе Шенье, какъ впрочемъ и всюду; онъ точно возсталъ изъ мертвыхъ въ 1819 г., когда появилась книжка его стихотвореній, восхитившихъ и отразившихся въ творчествѣ Пушкина. Вальтеръ-Скоттъ сталъ извѣстенъ въ Россіи сначала какъ авторъ поэмъ; еще не наступало время его перехода къ историческимъ романамъ.

Пора реставраціи съ ея стремленіемъ возвратить жизнь къ старымъ началамъ вызвала во Франціи оппозиціонную литературу, во главѣ которой стали Беранже и Поль-Луи Курье. Пѣсни одного и памфлеты другого, наряду съ сочиненіями Бенжамена Констана и др. проникали въ Россію и вызывали сочувственное отношеніе. Когда французское правительство начало преслѣдовать Беранже, налагало на него штрафы и сажало его подъ арестъ, русскіе поклонники занимали не послѣднее мѣсто въ тѣхъ пожертвованіяхъ, которыя собирались по всей Европѣ, чтобы внести деньги въ уплату штрафа. Произведенія Байрона, конечно, запоздали, потому что первыя пѣсни „Чайльдъ-Гарольда", прославившія поэта, и въ одну ночь сдѣлавшія его знаменитымъ, появились въ 1812 г., когда Россіи было не до того, и байронизмъ ведетъ свое начало на русской почвѣ только съ 1817 г.

Борьба новыхъ писателей со старой школой началась рано въ александровскую пору, и почти весь составъ литературныхъ дѣятелей разбился на лагери: съ одной стороны стояли „шишковисты", группировавшіеся въ Россійской Академіи и „Бесѣдѣ", съ другой—литературное общество Арзамасъ. Это странное названіе возникло по случайному поводу. Изъ гор. Арзамаса пріѣхалъ въ Петербургъ одинъ

Digitized by Google

изъ мѣстныхъ видныхъ жителей, Ступинъ, хлопотать о разрѣшеніи открыть въ этомъ городкѣ, давно уже бывшемъ центромъ иконной живописи, школу иконописанія. Молодымъ литераторамъ показалось забавнымъ, что такой незначительный городъ хочетъ имѣть что-то вродѣ академіи художествъ, и рѣшили назвать его именемъ свой кружокъ, цѣль котораго было пародированіе всего, что дѣлалось у литераторовъ старшаго поколѣнія. „Арзамасъ" могъ бы имѣть несомнѣнно большее значеніе, нежели то, которое ему выпало на долю, если бы онъ не задержался слишкомъ долго въ мелкой войнѣ со своими литературными врагами. Эта перестрѣлка была нѣсколько полезна, но она слишкомъ далеко стояла отъ насущныхъ вопросовъ, назрѣвавшихъ въ Россіи и не подходила къ серьезности момента. Это обусловило неизбѣжную гибель общества, на развалинахъ котораго черезъ нѣсколько времени возникли новыя руководившіяся иными цѣлями.

Когда русскія войска проходили по Германіи, неся съ собою освобожденіе, военная молодежь не могла не столкнуться съ нѣмецкими націоналистами, въ лучшемъ смыслѣ этого слова, которые сплотились для борьбы съ французскимъ имперіализмомъ. Движеніе началось въ восточной Пруссіи въ Кенигсбергѣ, и раскинулось по всему отечеству. Группы этихъ націоналистовъ, носившія имя „Tugenbund'a"— „Союза добродѣтели", казались крайне опасными Наполеону, и онъ боролся съ ними. „Союзъ добродѣтели" произвелъ сильное впечатлѣніе на русскихъ выходцевъ и залегъ въ памяти чуткихъ людей. Когда въ 1816 г. Якушкинъ, одинъ изъ наиболѣе цѣнныхъ декабристовъ, задумываетъ основать первое тайное общество, называвшееся „Обществомъ спасенія" или „Обществомъ истинныхъ и вѣрныхъ сыновъ отечества" Илья Долгоруковъ вывезъ изъ Германіи уставъ „Tugendbund'a", который и легъ въ основаніе уставовъ первыхъ тайныхъ обществъ. Это не было первоначально революціоннымъ союзомъ, цѣлью его былъ отпоръ реакціи, которую хотѣлось сломить, и тогда вести свою культурную работу. Довольно быстро оно распалось, но изъ него вытекли другія общества, сѣтью раскинувшіяся по Европейской Россіи: „Союзъ бла-

Digitized by Google

годенствія", Сѣверное и Южное общества, Общество Соединенныхъ Славянъ.

Откликнулось и масонство на разгоравшуюся реакцію бывало противоположное политическимъ интересамъ, теперь оно окрасилось этимъ оттѣнкомъ; такова была ложа „Des amis réunis", къ которому принадлежалъ и Грибоѣдовъ, хотя къ мистицизму масонскому онъ не имѣлъ никакого отношенія.

Такъ мало-по-малу лучшая часть общества переходила отъ словъ къ дѣлу, что было вызвано всѣми событіями исторіи, замѣшавшей Россію вглубь европейскихъ дѣлъ, и усиленному повороту Александра въ сторону реакціи.

Здѣсь невозможно, конечно, прослѣдить подробно, какъ развивалось въ Александрѣ его реакціонное рвеніе, апостольство охранительства. Во всякомъ случаѣ можно утверждать что задатки этого видимаго перелома всегда таились въ немъ, въ его двойственности; черты произвола и нетерпимости, были въ его натурѣ, но первоначально онѣ сдерживались завѣтами гуманнаго воспитанія, вліяніемъ философскихъ идей. Еще до 1812 г. ему удалось узнать одного изъ даровитѣйшихъ людей того времени, Сперанскаго, на котораго возлагали большія надежды; казалось, Россія была наканунѣ конституціоннаго обновленія; но вдругъ по чисто-восточному или старо-русскому обыкновенію онъ былъ выброшенъ изъ общественной жизни, сосланъ, и всѣ ожиданія погасли. Это было совершено еще до того великаго искуса, черезъ который надлежало пройти Александру, и въ которомъ прежде видѣли единственную причину его перемѣны.

Искусъ 12 г. былъ, въ самомъ дѣлѣ, великъ и страшенъ, и не Александру съ его слабостями было выдержать его. Несмотря на всю византійскую хитрость императора, помогавшую ему долгое время быть не только въ мирѣ, но и въ дружбѣ съ Наполеономъ, свидѣтельствомъ чего могло считаться свиданіе ихъ въ Тильзитѣ, глубоко возмутившее русское общество, французская армія все же вошла въ Россію и подвигалась къ Москвѣ; одинъ за другимъ захвачены были русскіе города, и представлялось, что и это государство будетъ поглощено, что русскій императоръ лишится власти; наконецъ, взята и старая столица; Наполеонъ угрожалъ до

Digitized by Google

этого Петербургу; только случайно, благодаря удачной диверсіи одной изъ русскихъ армій эта опасность была отстранена. И внезапно все перемѣнилось. Русскія войска, ополченный русскій народъ изгоняютъ Наполеона изъ отечества, проходятъ по всей Германіи, принося освобожденіе отъ французскаго ига, и побѣдоносно вступаютъ въ Парижъ. Чтобы уладить все это въ своемъ представленіи, нужно было быть не александровскаго закала, и онъ, дѣйствительно не смогъ этого уладить, увидѣлъ въ этомъ перстъ Провидѣнія, и передъ нимъ раскрылась миссія оздоровленія Европы отъ революціоннаго французскаго начала, такъ какъ Наполеонъ вѣдь приносилъ съ собою въ завоеванныя страны лучшее добытое революціей, все же свободу совѣсти, освобожденіе крестьянъ и пр.

Но Александру никогда не было свойственно дѣйствовать прямолинейно; теперь начинается, быть можетъ, самая поразительная двойственность. Во Франціи онъ разыгралъ эффектную роль; воспитатель Лагарпъ могъ гордиться своимъ ученикомъ. Когда озлобленныя государства центральной Европы хотѣли раздавить униженную Францію подъ своей пятой, Александръ воспротивился; онъ съигралъ роль благороднаго противника, и Шишковъ, бывшій въ арміи, подвергся немилости за то, что манифестъ французамъ, составленный имъ по приказанію императора, былъ написанъ въ ликующемъ тонѣ, полномъ торжества и презрѣнія къ побѣжденному врагу. Александръ принесъ изумленному, пригнутому чуть не до земли народу хартію, и Людовикъ XVIII, возвратившійся на родину, чтобы стать королемъ ея, за годы изгнанія ничему не научившійся и ничего не забывшій, долженъ былъ принять это ограниченіе своихъ правъ.

Затѣмъ началась эпоха конгрессовъ, перекройка и дѣлежъ всей Европы; соединенная дипломатія съ Александромъ во главѣ принялась за оздоровленіе ея. Конгрессъ шелъ за конгрессомъ, одинъ безславнѣе другого; надъ всѣмъ, точно злой духъ современности, Меттернихъ, запугивавшій всѣ правительства возможностью политическаго броженія въ ихъ странахъ и звавшій на энергичную борьбу съ революціонной гидрой. Въ его рукахъ Александръ игралъ роль маріонетки.

Digitized by Google

Прельщенный міровой дѣятельностью, онъ отодвинулъ Россію на второй планъ, заботясь въ ней только объ одномъ, о томъ же оздоровленіи, собственно, ничѣмъ не вызванномъ. Государство было покинуто на Аракчеева, цѣну которому Александръ зналъ, зналъ его безграничную преданность лично ему, но и бездарность его, и все же сдѣлалъ чуть не вице-императоромъ въ то время, какъ самъ странствовалъ по Европѣ.

Задатками мистицизма въ императорѣ воспользовался рядъ лицъ, духовенство и женщины. Изъ-за Аракчеева поднимается другая фигура, новгородскаго архимандрита Фотія и рядомъ съ нимъ преклоняющаяся передъ его духовной и тѣлесной красотой гр. Орлова-Чесменская. Выдвигается въ первые ряды дѣятелей Магницкій, когда-то близкій Сперанскому, теперь фанатическій охранитель, и ему поручаютъ произвести ревизію Казанскаго университета; въ параллель къ нему въ Петербургѣ дѣйствуетъ Руничъ, шесть лучшихъ профессоровъ изгоняются изъ Педагогическаго института, отъ остальныхъ требуютъ заявленій, какъ они относятся къ идеямъ, которыя проповѣдовали ихъ коллеги. Во главѣ просвѣщенія стоитъ Голицынъ, членъ секты вертящихся хлыстовъ, съ Татариновой во главѣ; впрочемъ и онъ былъ отставленъ, такъ какъ казался слишкомъ мягкимъ въ борьбѣ съ вредными идеями. Возникшее по образцу англійскаго Библейское общество становится центромъ обскурантизма. Охваченный мистицизмомъ Александръ даетъ себѣ внушить мысль о своей первостепенной роли въ міровой исторіи. Это особенно тщательно втолковываетъ ему баронесса Крюденеръ. Проведшая свою молодость очень шумно и весело, защищавшая права женщины на личное счастье въ своемъ романѣ „Valérie“, въ пожилые годы она одумалась и обратилась въ кающуюся грѣшницу, призывавшую къ возврату къ старымъ порядкамъ. На проектѣ союза центральныхъ европейскихъ правительствъ она написала „Sainte alliance“ („Священный Союзъ“).

Занятому міровыми дѣлами Александру не оставалось времени для заботъ о Россіи; окраины ея получали бо́льшія права, нежели все государство; Финляндія ссылается теперь

Digitized by Google

на права дарованныя ей имъ, въ Польшѣ онъ учредилъ сеймъ и являлся тамъ конституціоннымъ монархомъ. Правда, открывая Варшавскій сеймъ, онъ заявилъ во всеуслышанье, что въ непродолжительномъ будущемъ, какъ только выполнены будутъ подготовительныя работы и Росссія способна будетъ принять конституцію, она получитъ ее; должно быть, въ его глазахъ совершеннолѣтіе Россіи такъ и не пришло. Никакихъ подготовительныхъ работъ не было предпринято. Напротивъ, русская жизнь все больше и больше погружалась во мглу реакціонной политики, и нечего уже было ждать освобожденія сверху.

Тогда-то скопившіяся просвѣтительныя русскія силы въ предѣлахъ группъ, общественныхъ и литературныхъ, сознали, что надо дѣйствовать самимъ. Такъ страстно произведенъ былъ переворотъ 14-го декабря 1825 г. Пусть онъ закончился неудачей, и 120 даровитѣйшихъ и лучшихъ силъ вырвано было изъ рядовъ работниковъ на пользу отечества; ихъ завѣты оставили глубокій слѣдъ въ русской жизни и послѣ ослабленія паники и придавленности, вызванныхъ этимъ страшнымъ разгромомъ, ихъ дѣло поднялось вновь.

Digitized by Google

Digitized by Google

14 DAY USE
RETURN TO DESK FROM WHICH BORROWED
LOAN DEPT.
This book is due on the last date stamped below, or on the date to which renewed.
Renewed books are subject to immediate recall.

SEP 28 1966 14

FEB 21 1967

REC'D LD
FEB 23 1967

NOV 2 1967 61

MAY 2 - '68 - 12 AM
LOAN DEPT.

LD 21A-60m-10,'65
(F7763s10)476B

General Library
University of California
Berkeley

Digitized by Google

YC 76862

787671 DK32
.7
V4

UNIVERSITY OF CALIFORNIA LIBRARY

Digitized by Google

М. Н. Розановъ. Фран. лит. эпохи Просв. 2 ч. изд. 1911—12 г. 1 р. 75 к. (распродано).

Его-же. Ист. эпохи Европ. лит. эп. Возрожд. 2 ч. изд. 1912—13 г. 2 р., (распродано).

Его-же. Ист. зап.-европ. XIX в. 2 ч. изд. 1912—13 г. 2 р. 10 к., (распродано).

Его-же. Эпоха Просвѣщ. въ Анг. и Герм. изд. 1913—1914 г. 2 р. 20 к.

Его-же. Ист. зап.-евр. лит. эпохи Возрожденія изд. 1914—15 г. 2 р.

Н. И. Романовъ. Введеніе въ ист. искусства изд. 1914—15 г. 80 к.

П. Н. Сакулинъ. Рус. лит. послѣ Пушкина 3 ч. изд. 1914—12 г., 2 р. 50 к. (распродано).

Н. В. Самсоновъ. Ист. эстетич. ученій 2 ч. изд. 1912—13 г. 2 р. 25 к., (распродано).

Его-же. Ист. эстетич. ученій изд. 1914—15 г., 2 р. 30 к.

М. Н. Сперанскій. Древн. рус. лит. (Введеніе, Кіевск. пер.) 3 ч. изд. 1911—12 г. 2 р. (распродано).

Его-же Рус. народ. слов. 2 ч. изд. 1912—13 г. 2 р. 50 к., (распродано).

Его-же. Древ. рус. лит. (Моск. пер.) 2 ч. изд. 1912—1913 г., 1 р.

Его-же. Народ. слов. изд. 1914—15 г., 2 р. 60 к.

Его-же. Ист. повѣсти и романы, 2 ч., 50 к.

К. Н. Успенскій. Ист. Византійской имперіи 2 ч. изд. 1912—1913 г. 2 р., (распродано).

Его-же. Ист. Византійской имперіи изд. 1914—15 г., 1 р. 60 к. (распродано).

Его-же. Ист. Византіи, изд. 1914—15 г., 2 р.

С. Ѳ. Фортунатовъ. Англія и Герм. 19 в. 2 ч. изд. 1911—12 г. 1 р. 85 к., (распродано).

Его-же. Ист. Соед. Шт. Сѣв. Амер. 2 ч. изд. 1912—13 г., 2 р. 20 к. (распродано).

Его-же. Истор. Франціи со врем. вел. Револ. изд. 1913—14 г., 1 р. 90 к.

Его-же. Ист. Англ. и Герм. 19 в. изд. 1914—15 г., 1 р. 85 к.

В. Н. Харузина. Этнографія 2 ч. 1 р. изд. 1911—12 г.

Г. Г. Шпеттъ. Логика 2 ч., 30 к.

В. И. Щепкинъ. Конспектъ по старославян. языкъ изд. 1914—1915 г., 70 к.

Его-же. Введеніе въ славяновѣденіе (печатается).

Его-же. Ист. польск. лит. (печатается).

Его-же. Конспектъ по старославян. язык. (печатается).

Его-же. Конспектъ славяно-русской палеограф. 60 к.

Цѣна 2 р. 50 к.

Digitized by Google